

журнал социологических наблюдений и сообщений

Социальная реальность

12'2006

Социальная реальность

ЖУРНАЛ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
НАБЛЮДЕНИЙ И СООБЩЕНИЙ
№12'2006

■ ПЕРВАЯ КОЛОНКА

А. Ослон

Итоги первого года 4

Общество

■ СОЦИАЛЬНАЯ ТКАНЬ

И. Шмерлина

Плывущий мир моды 7

■ НОРМЫ И ЦЕННОСТИ

Е. Вовк

Каноны любви и законы брака: россияне о многоженстве 26

■ РОССИЯ И ВНЕШНИЙ МИР

О. Трёмаскина

Ядерные испытания в Северной Корее: отношение россиян 35

■ СЕМАНТИКА

С. Климова

Обыденные смыслы базовых понятий
социально-политического лексикона
Моя биография (Окончание) 41

■ ЦИФРЫ

Опросы без комментариев 49

Форум

■ ПАМЯТИ ЮРИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ЛЕВАДЫ 65

■ БЕСЕДА

“Советские социологи лучше американцев в организации
опросов”

Интервью Владимира Шляпентоха Борису Докторову 67

■ ОТКЛИК

Е. Бубличенко

Размышления школьного учителя по поводу статьи
А. Ослона “Хорошая школа — ключевая социальная
проблема” 78

Главный редактор
Александр Ослон
Зам. главного редактора
Елена Петренко
Ведущие разделов и рубрик
“Общество”
Григорий Кертман
“Форум”
Леонид Блехер
Георгий Любарский
“Мастерская”
Иван Климов
“Цифры”
Елена Вовк
“Между прочим”
Анатолий Черняков
Арт-директор
Анна Данилова
Ответственный секретарь
Мария Каневская
Маркет-менеджер
Светлана Басманова

Редакторы выпуска
Анастасия Егорова
Мария Каневская
Корректор
Наталья Шарова
Оригинал-макет
Любовь Софейчук
Рисунки
Андрей Мирзоян

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-21257 от 28.06.2005

Поддержка издания:
Фонд Ельцина

При перепечатке ссылка на журнал
обязательна.

Формат 215×280 в 1/4
Тираж 700 экз.
Цена свободная

Номер подписан в печать
14.12.2006 г.

Адрес редакции журнала:
119421, Москва,
ул. Обручева, 26, корп. 2
тел.: (495) 745-87-65
факс: (495) 745-89-03
e-mail: sr@fom.ru

Электронная версия:
<http://socreal.fom.ru>

© “Социальная реальность”

Отпечатано в типографии
ООО “Группа Море”
101898, Москва, Хохловский пер., д. 9

■ КНИЖНЫЕ ДЕБРИ

Р. Абрамов

Похищение будущего, или “Футурошок”

Алвина Тоффлера 83

■ КОНЦЕПТЫ

И. Климов

В поисках субъекта действия 92

■ МЕЖДУ ПРОЧИМ

Л. Преснякова

Художественные вкусы россиян. Живопись 91

Так говорил респондент... 40

■ СВОДНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

“Социальная реальность” в 2006 году 98

Итоги первого года

Заканчивается первый год издания журнала “Социальная реальность”, и, как положено, надо подводить какие-то итоги, строить планы на следующий год.

Начнем с того, что для Фонда “Общественное мнение” с появлением Журнала жизнь существенно изменилась. Я не говорю о трудностях и перманентном цейтноте – это неизбежные следствия того, что мы по собственной воле на себя взвалили. Речь об ином – о новых смыслах деятельности Фонда, привнесенных в нее Журналом. В “первых колонках” вышедших в 2006 году номеров Журнала я неоднократно возвращался к трактовкам этих смыслов, рассматривая их с разных позиций и вплетая их в более широкий смысловой контекст социологического изучения социальной реальности. Эта рефлексия вряд ли бы возникла, если бы не было Журнала, если бы он не требовал ее так настоятельно. И вообще, Журнал стал для Фонда полноценным “социальным фактом”: он заставляет иначе смотреть на текущие исследования и отмечать в них сюжетные повороты, достойные журнальных текстов, принуждает к осмыслению применяемых методик, подталкивает к расширению методологической базы, к чтению хороших книг, создает поводы для более обширных и содержательных коммуникаций с коллегами.

Сказанное относится к Фонду и узкому кругу людей вокруг Фонда, но даже только такого внутреннего обновления уже достаточно для признания важности и нужности Журнала. Пятнадцать лет исследовательской деятельности Фонда (эту веху мы будем отмечать 15 июля 2007 года) – довольно долгий срок, поэтому нельзя не заботиться об инновациях, предохраняющих от рутины, создающих энергетическую подпитку. Вот в чем я вижу фундаментальную роль Журнала (и существующих в той же логике ФОМ-сайта <http://www.fom.ru>, ФОМ-клуба <http://club.fom.ru>, ФОМ-книгоиздания <http://club.fom.ru/bookstore.html>).

Подтверждение такого видения Журнала я нашел в опубликованной в прошлом номере беседе с безвременно ушедшим из жизни Геннадием Семеновичем Батыгиным, который стоял у истоков публичных ФОМ-проектов:

“В принципе, в ближайшие десять лет... должна сформироваться устойчивая сеть журналов, потому что журналы – это узлы коммуникации, они связывают людей одной стилистикой, одним интересом и одной темой, они незримы, они должны сработать.

Можно ли поспособствовать процессу создания этих журналов?

Тут вот что можно сделать: надо выполнять свою обычную работу по возможности качественно, и все. И это приведет к тому, что эти текстовые популяции сами будут оформляться”.

Я как будто услышал знакомый голос, спокойно и точно обозначающий то, что создается Журналом, и то, что создает Журнал. Лучше не скажешь!

Я начал с того, чем за год своего существования стал Журнал для Фонда “Общественное мнение”, потому что считаю внутреннюю мотивацию наиболее значимой для любого некоммерческого проекта. Но есть, конечно, и внешний аспект – аудитория журнала, его читатели! К сожалению, о том, как воспринимается Журнал, какие материалы и у кого вызывают интерес или, наоборот, отторжение, на сегодня мы знаем крайне мало.

Есть несколько теплых писем с выражением поддержки и одобрения от известных социологов преимущественно старшего возраста – носителей уходящей эпистолярной традиции.

Нельзя не упомянуть чрезвычайно значимый для нас отклик Благотворительного фонда Ельцина, в котором Журнал не только читают, но и сочли возможным поддержать его финансово. За этот благородный жест, корни которого уходят в недавнее прошлое (об этом можно прочитать в моей статье в шестом номере журнала), – особая благодарность.

Очень важной для нас реакцией на Журнал были материалы, предложенные коллегами извне ФОМа. Некоторые из этих статей опубликованы нами, и я, пользуясь случаем, благодарю за внимание к нашему изданию Р. Абрамова, К. Банникова, Б. Докторову, В. Звоновского, А. Здравомыслова, К. Мануильскую, М. Мацкевич, О. Оберемко, Л. Паутову, И. Прусс, Д. Рогозина, О. Тремаскину, Р. Фрумкину, Г. Хазагерова, И. Щербакову, Е. Яковлеву, И. Ясавеева. Какие-то тексты находятся в работе и еще появятся на страницах Журнала. Мне кажется, что со временем вокруг Журнала сложится свое сообщество – пусть небольшое, но попадающее по своим исследовательским интересам в его рамку.

А вообще откликов довольно мало, хотя из личных встреч я знаю, что о Журнале многим известно. Как мне кажется, одна из причин такого положения дел состоит в том, что в нынешнее время не принято “откликаться”. Действительно, в конце 80-х, когда возник ВЦИОМ (тогда еще – Всесоюзный), в отдел обработки данных пришлось взять двух сотрудников специально для работы с тысячами писем самых разных людей – от рабочих до академиков. То время прошло, но с появлением интернета оно в какой-то мере вернулось. По крайней мере в 97–98 годах в гостевую книгу первого ФОМовского сайта ежедневно приходили десятки писем. Сейчас – время блог-сообществ, когда коммуникация происходит довольно активно, но... среди “своих”, в кружках по интересам.

Второе объяснение немногочисленных откликов, наверное, в том, что наш Журнал – не совсем обычный как по жанру (научный? – нет; популярный? – нет; общественно-политический? – нет), так и по характеру материалов (в “одном флаконе” – и результаты опросов, и кухня опросов, и философия опросов). Может быть, год – слишком малый срок, и Журнал еще недостаточно раскусили, чтобы о нем высказываться?

Могут быть, конечно, и другие резоны, в том числе и не слишком приятные для Журнала и его авторов, – но зачем о них думать?..

Было бы странно, если бы Фонд “Общественное мнение” не провел исследования аудитории издаваемого им Журнала. И в обозримом будущем, конечно, это произойдет.

Но сейчас – в начале пути – хотелось бы знать не объем и параметры аудитории, а получить неформализованные слепки восприятия Журнала, своего рода спонтанные реакции на его содержание, структуру, стиль, дизайн, материалы, да и вообще на все с ним связанное.

Прежде чем поздравить вас, дорогие читатели, с Новым годом и пожелать здоровья, творчества, успехов и мудрости, я хочу попросить тех, у кого будет на то желание: напишите, что вы думаете о Журнале, прямо мне, Ослону Александру Анатольевичу, по адресу oslon@fom.ru.

А теперь – с Новым годом!

CO M F E T E R E S

И. Шмерлина

Тлывущий мир моды

Show must go on

Вопрос “Что надеть?” в его острой непреходящей актуальности – один из “экзистенциальных” вопросов для современного человека. В этой сфере, как и во многих других, человек получил свободу и бремя выбора, право самопрезентации и индивидуального прочтения знаков, предъявляемых другими.

Тематическое поле данного исследования задает одежда, а его предметом выступает восприятие людьми экипировки окружающих и того, что носят они сами.

Одежда и мода

Для современного человека тема одежды органично сопряжена с модой. Мода – тот ориентир, к которому одни стремятся максимально приблизиться, другие – держатся от него на некотором расстоянии. Несомненно, что одежда и мода – глубоко различные по своей природе концепты: первый “осязаем” и легко деноцируется (его коррелятом в мире реального служат вещи), второй эфемерен и трудноуловим. Однако в реальной жизни они столь тесно сплетены, что проблематизировать тему одежды в массовом сознании легче всего именно через обращение к категории моды.

Характерно, что в ходе массового опроса¹, отвечая на открытый вопрос “*Что Вам нравится в том, как одевается большинство людей вокруг Вас?*”, респонденты чаще всего обращались к характеристикам, явным или неявным образом предполагающим соотношение с модой. Так, примерно каждый десятый говорил о том, что люди одеты красиво (10%), стильно (9%), модно (8%). Более прагматичные характеристики (такие, как добротность, хорошее качество одежды, ее удобство и практичность) звучали реже; заметим при этом, что и они не исключают скрытого управления со стороны модных стандартов. Так, например, если в моде узкие обтягивающие брюки, они кажутся удобными.

Любопытно, что, обсуждая тему модной одежды на фокус-группах², участники дискуссий, погруженные в атмосферу “исследовательского дискурса”,

¹ Общероссийский опрос населения от 16–17 сентября 2006 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

² Дискуссионные фокус-группы в Москве, Санкт-Петербурге, Воронеже 12 сентября 2006 года.

делали попытки развести категории “одежда” и “модная одежда”. Однако эти попытки, как свидетельствует приведенный ниже сюжет, не увенчивались успехом.

“Модератор: ...как Вы считаете, для воспитанного, культурного человека обязательно или совсем необязательно быть модно и современно одетым?”

1-й участник: Я считаю, что необязательно.

Модератор: Почему?

Первый участник: Он должен хорошо выглядеть.

Модератор: Но необязательно модно?

Первый участник: Да, необязательно модно.

Второй участник: Вкус должен быть хорошим” (ДФГ, Воронеж).

В своих рассуждениях участники фокус-группы пытаются уйти от двусмысленного концепта “моды”, перегруженного неоднозначными ценностными и образными коннотациями (вроде столь раздражающих многих “голых пупков” и всевозможных пирсингов). Характерно, однако, что сделать это не удастся, как показывает резюме первого участника приведенного выше фрагмента обсуждения: “Культурный человек <должен>... выглядеть соответственно времени”.

В приведенной ниже реплике это мнение трактуется как бесспорное. “Если он [человек] воспитан и образован, важно <быть модно одетым>... Это уж его личное дело, как ему одеваться: строгий костюм ему одевать или нестрогий костюм; но так как он со стороны понимает, что он живет в обществе и на него смотрят люди, то нужно одеваться, наверное, соответствующе тому, кто тебя окружает” (ДФГ, Москва).

Материалы групповых дискуссий позволяют более осмысленно интерпретировать данные массового опроса, в ходе которого каждый второй (51%) согласился с тем, что “сегодня для культурного человека обязательно быть модно, современно одетым”. Каждый третий не считает модную, современную одежду обязательным атрибутом культурного человека; затруднились ответить на вопрос 16% респондентов. Можно предположить, что если бы тезис о необходимости соответствия внешнего вида человека общепринятым стандартам был выражен не словами “модно, современно”, а в более мягкой формулировке, то распределение ответов было бы еще больше смещено в сторону согласия с обязательностью такого рода соответствия.

Мода: мужской взгляд

“...Знание Моды, – утверждал Р. Барт, – никогда не бывает бескорыстным – тех, кто его лишен, она карает позорным клеймом *старомодности*” [Барт. С. 48]. Возможно, это сказано несколько категорично, однако несомненно, что в той или иной степени императиву моды подчиняется большинство людей, причем не только женщины, но и мужчины. Так, 46-летний москвич рассуждает на фокус-группе:

“...само собой, стараешься, конечно, поддерживать <современный стиль в одежде>... Чтобы не выглядеть белой вороной”.

Мужчины довольно часто отрицают свой интерес к “модному вопросу”. Однако, как пронизательно заметила одна из участниц петербургской фокус-группы, при этом они, сознательно или подсознательно, стремятся к тому, чтобы быть модно одетыми.

“Мой муж абсолютно не следит, он это не умеет. Но вот я на него смотрю, я его за ручку веду, когда мы что-то покупаем, и говорю, что вот это модно, а это не совсем модно. И он всегда выбирает то, что модно. Как-то подсознательно, может быть. А еще он смотрит на других людей – у него что-то откладывается в голове. И он все-таки старается стремиться к тому, что сейчас носят, что считается модным. Хотя сам он говорит, что ему неважно, в чем он ходит”.

Примечательно, что в ходе массового опроса большинство мужчин (68%) смогли ответить на вопрос: “Нравится Вам или нет, как одевается большинство людей, которых Вы видите на улицах, в транспорте, магазинах, прочих общественных местах?” При этом 49% утверждают, что внешний вид окружающих нравится, а 19% – что не нравится³. В пользу того факта, что мужчины так или иначе отслеживают модные тенденции, говорят и реплики участниковДФГ.

“Я тоже за модой вообще не слежу, ну то есть что-то выборочно... Ну... в принципе опять же из современной одежды ты стремишься все равно к современности, да, соответствовать...” (участникДФГ, 26 лет, Москва).

“Я специально не слежу – вот так, чтобы журналы покупать. Но я приглядываюсь, в чем другие одеваются” (участникДФГ, 28 лет, Санкт-Петербург).

“...мода – она сейчас, как бы это, нет какого-то определенного направления, она просто безвкусна, и поэтому что-то за ней гоняться и смотреть на нее – не знаю, нет, а следить за ней, конечно, нужно... Да, обязательно, ну как же, надо быть в курсе событий всех” (участникДФГ, 46 лет, Москва).

“Конечно, все в основном следят” (участникДФГ, 31 год, Воронеж).

В исследовании, результаты которого мы анализируем, речь не шла об отношении к сверхактуальным тенденциям моды. В разговоре с его участниками использовался менее напряженный концепт “быть модно, современно одетым”, который не ориентирует на ультрамодные новинки, но предполагает следование определенным, достаточно быстро меняющимся стандартам в одежде. Однако, судя по репликам мужчин, их интересует не только мода в ее широко распространенном “уличном варианте”, но и последние новости “подиумной моды”. Так, 59-летний участник воронежской фокус-группы рассказывает.

“УчастникДФГ: Вчера показывали моду нового сезона... – почему не посмотреть, как люди будут одеваться?”

³ Разумеется, среди женщин определенных ответов больше – 79%, в том числе 53% ответили: “нравится”, 26% – “не нравится”.

Модератор: *Нет, «почему бы не посмотреть» – или действительно интересно?*

Участник ДФГ: *Интересно. Но эти моды, эти все фасоны – они, конечно, большинству недоступны, мне так кажется; может быть, я ошибаюсь”.*

По мнению некоторых женщин, мужчине в определенном смысле даже более необходимо быть модно одетым, чем женщине. Для женщины, рассуждает одна из участниц петербургской фокус-группы, в определенные периоды ее жизни вопросы моды могут на какое-то время потерять свою актуальность (например, когда она занята маленьким ребенком); другое дело – мужчины: они *“всегда идут на работу, они всегда при людях”.*

“Не быть белой вороной”

Вольно или невольно человеку приходится считаться с тем, что принято носить в его сообществе. Принудительная сила надличностного социального фактора здесь настолько очевидна, что делает осмысленной постановку вопроса, не относится ли мода к категории социальных институтов [Гофман С. 34]. Впрочем, исследование данного вопроса представляет интерес скорее для понимания природы социальных институтов, нежели моды как таковой, что для нашего анализа было бы теоретически избыточно. Нас скорее интересует, насколько момент принудительности определенных стандартов одежды осмыслен в массовом сознании. Мы уже отчасти затронули данный вопрос в рамках предыдущего сюжета. Белой вороной, разумеется, не хочется быть никому – ни мужчинам, ни женщинам.

“Во-первых, хочется нравиться. Во-вторых, если ты будешь ужасно одет, то на тебя будут обращать внимание, негатив будет идти со всех сторон” (ДФГ, Воронеж).

“Просто человек чувствует себя увереннее, когда он красиво одет” (ДФГ, Воронеж).

“Да, когда ты красиво одет, нормально выглядишь, ты не хуже других” (ДФГ, Воронеж).

Желание быть “не хуже других”, подчеркивает респондент, *“это естественная потребность”*, которая сохраняет свою мотивационную силу и в компании знакомых, и среди незнакомых людей на улице, и в городе, и в деревне.

“Если вы придете в такую компанию, где, скажем так, относятся к этому щепетильно, то будешь себя не очень уютно чувствовать.

А если ты придешь одетым, как все, по той же моде, то будешь чувствовать себя свободно... По улице – это другое дело. По улице – это уже общественное мнение... На вас будут обращать внимание... Хоть в городе общественное мнение, хоть в деревне – мы живем в социальной среде” (ДФГ, Воронеж).

Любопытно, какие именно стандарты одежды воспринимаются людьми как обязательные к исполнению. В одном сообществе считается нормальным одеваться, не слишком отличаясь от окружающих,

в другом, напротив, приветствуется оригинальность экипировки (так на одних “социальных трассах” ограничения существуют в отношении “максимальной скорости”, а на других – в отношении “минимальной”).

Императиву моды подчиняется большинство людей – как женщины, так и мужчины

Некоторые люди предпочитают одеваться так, чтобы быть непохожими на других. Некоторые, напротив, предпочитают одеваться так, чтобы не слишком отличаться от окружающих. Вы лично относите себя скорее к первым или скорее ко вторым?

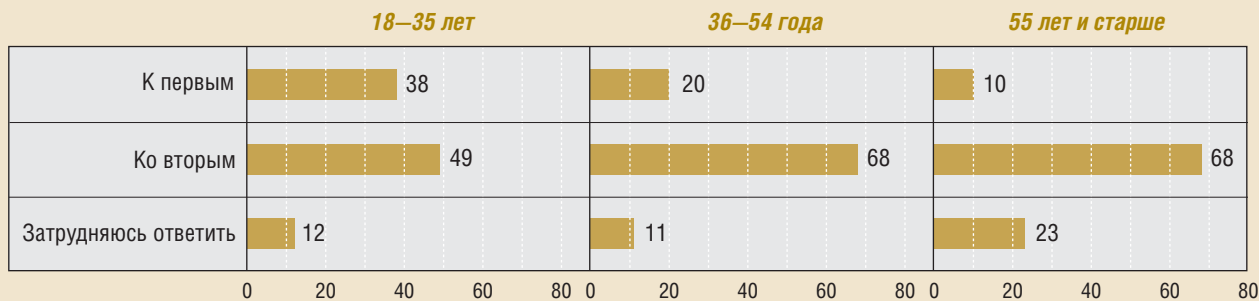

График 1

Некоторые люди предпочитают одеваться так, чтобы быть непохожими на других. Некоторые, напротив, предпочитают одеваться так, чтобы не слишком отличаться от окружающих. Вы лично относите себя скорее к первым или скорее ко вторым?

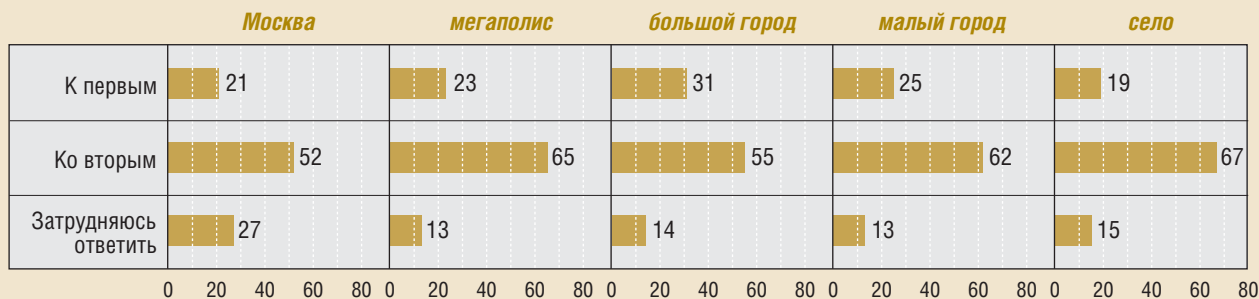

График 2

Если брать российское общество в целом, то здесь явно преобладают ограничения первого рода. Большинство наших сограждан (61%) предпочитают одеваться так, чтобы не слишком выделяться на фоне окружающих⁴. Противоположной установкой – одеваться так, чтобы быть непохожими на других, – следуют 24% россиян. Чаще других ее разделяют молодые люди (38%), но и среди них больше предпочитающих не слишком отличаться от своего окружения (49%). Во всех остальных социально-демографических группах соотношение названных установок еще сильнее смещено в сторону “не выделяться”; чаще других демонстрируют установку на “похожесть” люди среднего и пожилого возраста (68% в обеих группах) и жители села (67%) (графики 1, 2, 3).

Данная дилемма имеет и возрастной ракурс: одеваться так, как люди твоего возраста, – или не обращая внимания на возраст. Последнее чаще всего означает – одеваться так, как одеваются люди более молодые (известно, что в современной одежде преобладают молодежные стандарты). В ответах респондентов названная дилемма решается чаще всего в пользу варианта “одеваться по возрасту” (67%). Не обращают внимания на то, соответствует ли их одежда возрасту, 30%

⁴ Ответы получены как реакция на дилемму, сформулированную в вопросе “Некоторые люди предпочитают одеваться так, чтобы быть непохожими на других. Некоторые, напротив, предпочитают одеваться так, чтобы не слишком отличаться от окружающих. Вы лично относите себя скорее к первым или скорее ко вторым?”

Некоторые люди предпочитают одеваться так, чтобы быть непохожими на других. Некоторые, напротив, предпочитают одеваться так, чтобы не слишком отличаться от окружающих. Вы лично относите себя скорее к первым или скорее ко вторым?

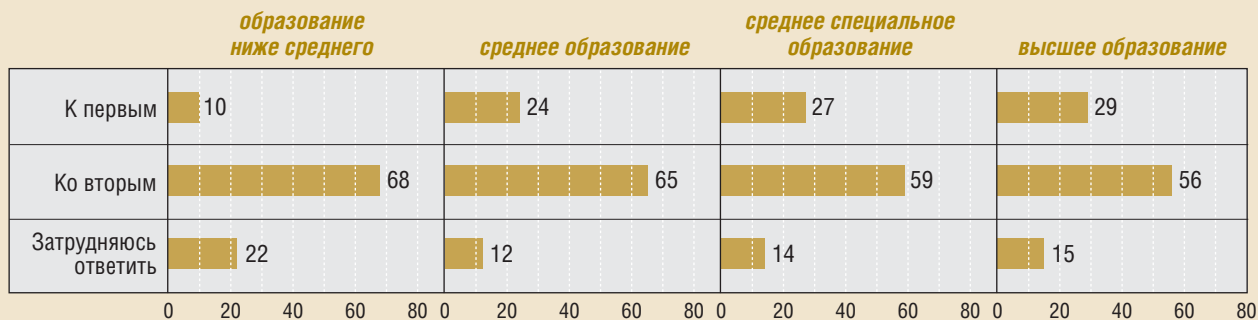

График 3

опрошенных. Об игнорировании возрастных стандартов в одежде чаще всего говорят жители Москвы (42%) и больших городов (36%), а также респонденты с высшим образованием (36%), то есть люди, принадлежащие к наиболее динамичным слоям общества, быстрее других реагирующим на современные тенденции. Представители более консервативных групп – пожилые люди, деревенские жители, граждане с низким уровнем образования – предпочитают одеваться, не нарушая общепринятых требований к своему возрасту (графики 4, 5).

Обсуждение этого вопроса на фокус-группах подтверждает предположение об определенном ригоризме массовых установок в отношении возрастных стандартов в одежде. Подтверждения такого рода мы видим как в прямых, “экспертных” суждениях участников о том, как одеваются россияне, так и в их спонтанных реакциях. Последние свидетельствуют о том, что в ходе обсуждения в результате навязанной рефлексии происходил, по-видимому, некоторый сдвиг в сторону толерантности. Так, 66-летняя москвичка, участница фокус-группы, рассуждает:

“...если идет человеку, то пускай. Если женщина в возрасте, а ей идет вот это яркое, если ее это украшает, если она от этого делается более обаятельной, то пускай...” (ДФГ, Москва).

Что касается “экспертных” суждений, то в них представления о возрастных нормативах в одежде порой рефлексировались как особенности нашей культуры.

“Вот иностранцы приезжают к нам <...>, старшее поколение <...>, пенсионеры – они одеты, наоборот, у-у-у как... Они, наоборот, как молодежь” (ДФГ, Воронеж).

“...Какие-то такие у нас установки: если тебе 60, то у тебя уже платочек, кофточка на пуговицах, хэбэшные колготки, – ну, вот так принято почему-то у нас... Мне кажется, что для моды возраста не должно быть. Хотя в нашей стране такое есть” (ДФГ, Воронеж).

Данные опроса, фиксирующие преимущественно нормативные представления, вступают в некоторое противоречие с нестрогими житейскими наблюдениями, которые свидетельствуют о том, что в одежде многих вполне зрелых людей явно присутствуют элементы раскованного молодежного стиля. Любопытно, что свой собственный стиль одежды многие участники ДФГ квалифицировали как “спортивный”, предпочитая этот эвфемизм концепту “молодежный”.

Одни люди стараются одеваться в соответствии со своим возрастом. Другие не придают особого значения тому, соответствует ли их одежда возрасту. А Вы лично предпочитаете одеваться в соответствии со своим возрастом или не придаете особого значения тому, чтобы одежда соответствовала Вашему возрасту?

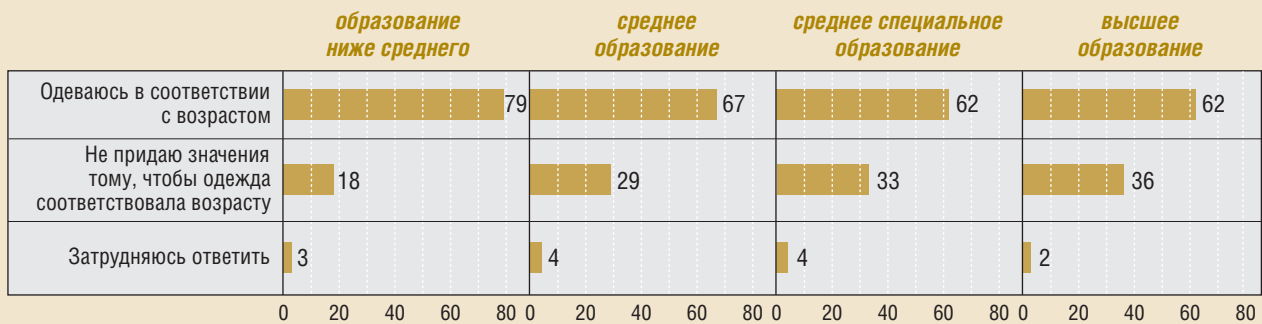

График 4

Одни люди стараются одеваться в соответствии со своим возрастом. Другие не придают особого значения тому, соответствует ли их одежда возрасту. А Вы лично предпочитаете одеваться в соответствии со своим возрастом или не придаете особого значения тому, чтобы одежда соответствовала Вашему возрасту?

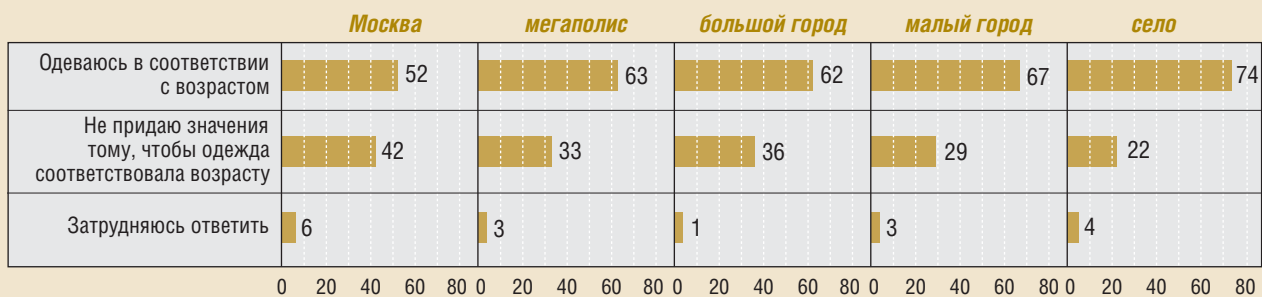

График 5

“1-я участница: Молодежный, да?”

2-я участница: Спортивный, наверное, больше. Мне нравится стиль милитари, я люблю с карманами...” (ДФГ, Воронеж)⁵.

Приведенные данные с той или иной степенью отчетливости эксплицируют несколько базовых поведенческих установок, реализуемых через одежду. Высказывая свое мнение в ходе групповых дискуссий, люди фактически говорили о потребности в социальной идентификации и интеграции, об уважении к общественному мнению и стремлении к самовыражению, об использовании тех возможностей социальной и психологической компенсации, которые дает

⁵ Показательно, что на одной из ДФГ (а именно – московской) ход обсуждения вывел участников на проблематизацию понятия спортивного стиля одежды.

1-й участник: Что значит – спортивный стиль?

2-й участник: Джинсы...

1-й участник: Спортивный стиль – это спортивные штаны <...>.

3-й участник: Спортивная <одежда> – это кроссовки, брюки <...>.

1-й участник: Спортивный стиль – в этом стиле можно заниматься спортом <...>.

2-й участник: А Вы путаете стиль одежды со спортивной одеждой <...>.

4-й участник: А современно – это вот действительно спортивное, тоже современно, правда?”

одежда. В связи с этим уместно задуматься о функциях одежды, для чего полезно посмотреть на нее *теоретически наивным* взглядом: *Зачем и почему человек ходит одетым?*

Немного теории... Явные и латентные функции одежды

...Когда случайно в разговоре речь зашла о животине⁶ и я спросил, почему он наряжает ее в этот нелепый наряд огородного пугала, в этот грязный, потерявший форму и обтрепанный свитер, его ответ был лаконичным и четким:

– Ради благопристойности.

А.С. Пиньоль. В пьянящей тишине⁷

Функции, которые реализует одежда⁸ – самая скромная, непритязательная или остромодная, эпатажирующая, – столь разнообразны, что здесь необходимы некоторые ориентиры. Представляется полезным прибегнуть к двум аналитическим разделениям. О первом мы уже упоминали – это различение концептов “одежда” и “мода”. Второе продуктивное различение, которое помогает разобраться в том, зачем нужна одежда и какова ее роль в организации жизни людей, состоит в выделении ее явных и латентных функций.

Предназначение одежды, на наш взгляд, исчерпывается шестью явными и восьмью латентными функциями. В качестве явных функций одежды мы выделяем следующие: защита от внешней среды, регулирование сексуальных отношений, социетальная идентификация (идентификация на уровне сообщества), социальное маркирование, демонстративная функция, функция самовыражения.

Что касается латентных функций, то их можно достаточно четко разнести по трем уровням, первый из которых связан с биологическими потребностями выживания и репродукции, второй имеет отношение к проблемам социальной устойчивости и воспроизводства, третий ориентирован на индивидуальные психологические запросы. Рассмотренная на этих уровнях, одежда обеспечивает следующие потребности индивида и требования социальной системы.

Биологический уровень: (1) потребность в выживании; (2) репродуктивная потребность.

Социальный уровень: (1) коммуникация, (2) социетальная интеграция; (3) внутрисистемная дифференциация (дифференциация внутри сообщества); (4) семиотическое освоение и умножение мира⁹).

⁶ Речь идет о фантастическом существе женского пола, во внешнем облике которого сочетаются черты человека и амфибии.

⁷ См.: [Пиньоль. С. 86].

⁸ Функциональный подход к анализу одежды закономерен и естественен, и он неоднократно был реализован в работах многих исследователей. В задачи нашего исследования не входит инвентаризация существующих классификационных решений. Навигацию по этой проблеме дает работа А.Б. Гофмана “Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения”. (См.: [Гофман]). Указанная монография содержит и авторский вариант решения данной проблемы. См. также: [Богатырев].

⁹ Рассматривая эту функцию, некоторые исследователи говорят об игровом аспекте одежды. Понятно, что речь в этом случае идет не о простой игре, не о маскараде, а о более тонких моментах символического поведения. Неслучайно А.Б. Гофман относит игру к внутренним ценностям моды (см.: [Гофман. С. 21–23]).

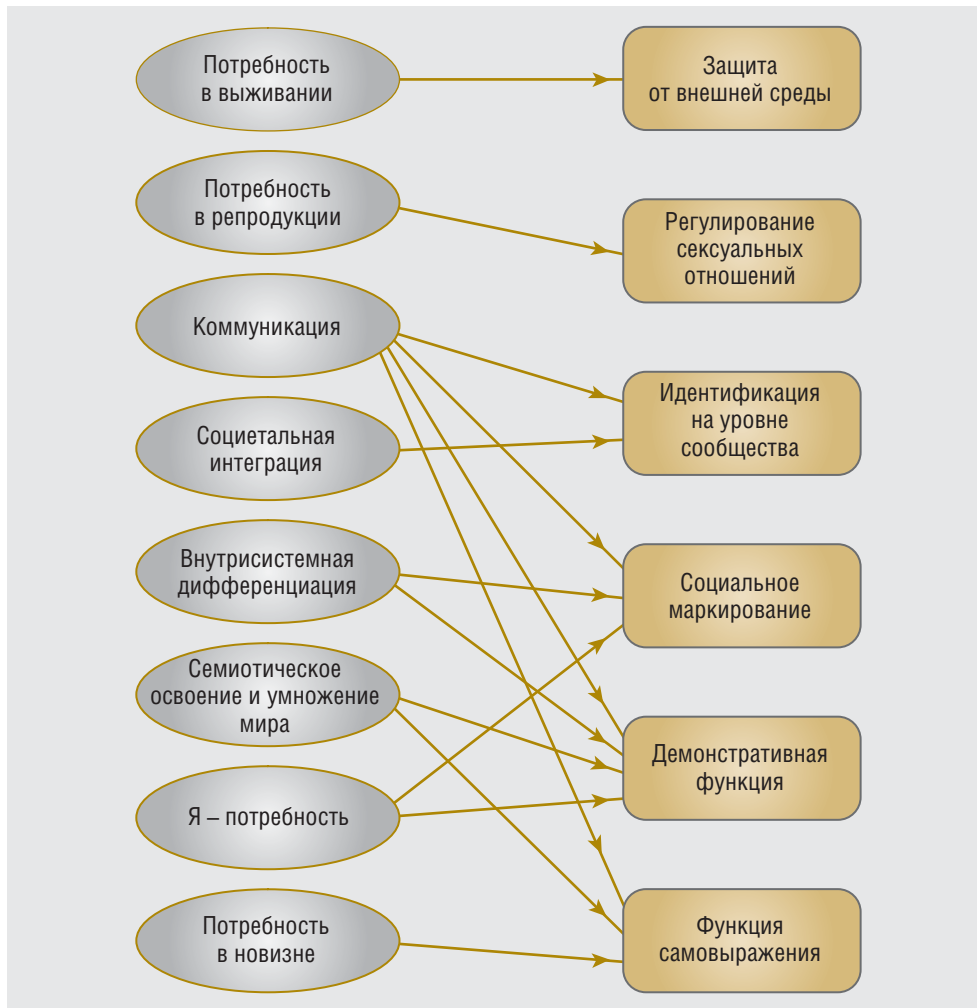

Рис. 1. Явные и латентные функции одежды

Психологический уровень: (1) я – потребность в саморазличении, дистанцировании от сообщества, раскрытии личностного потенциала; (2) потребность в новизне.

Корреспонденция между явными и латентными функциями неоднозначна, и о прямом соответствии можно говорить только на биологическом уровне (рис. 1).

То, что на *биологическом уровне* одежда выполняет витальную функцию *защиты от внешней среды*, очевидно¹⁰.

Более спорной представляется роль одежды с точки зрения *упорядочения отношений, связанных с репродукцией*. С одной стороны, кажется правдоподобным, что одежда первоначально не только защищала от холода, но

¹⁰ В рамках этой функции мы рассматриваем и такие случаи, когда специфика окружающей среды обусловлена характером деятельности человека. Так, одежда рыбака защищает его от сырости, а комбинезон пожарного обеспечивает ему определенную степень защиты от огня. В то же время и роба рыбака, и форма пожарного имеют и чисто социальный смысл, обозначая социально-профессиональную принадлежность их владельцев (в терминологии П.Г. Богатырева, одежда здесь выступает и как вещь, существование которой оправдано естественно-природной необходимостью, и как знак (см: [Богатырев. С. 340–346])).

и способствовала снижению уровня сексуальной напряженности в первобытном коллективе¹¹ и тем самым – выработке режима размножения, оптимального с точки зрения как репродуктивных возможностей женского организма, так и демографической структуры сообщества.

Верна эта гипотеза или нет, но сегодня специалисты часто говорят о снижении сексуального тонуса современного человека не вследствие “одетости”, а,

напротив, из-за чрезмерной “раздетости” окружающих его людей. Эту точку зрения поддерживали участники дискуссионных фокус-групп, осуждавшие излишнюю сексуальность молодежной моды.

“Постоянные стимулы и раздражители не приводят к постоянному усилению ответной реакции. Даже собачка Павлова – если ее постоянно раздражать, у нее притупляется это чувство. И то, что идет постоянная продажа по-

лубоуженного женского тела, приводит к тому, что снижается ценность этого тела, интерес к этому телу. Если на Востоке женщина в парандже, ветерок подул, немножко поднял паранджу, кто-то увидел ее лицо – и воспыхал страстью неземной, то вот человек живет здесь – и каждый день видит просто горы этого женского тела. И он просто так видит. И ему это уже неинтересно, это перестает его подстегивать” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Обратимся к социальным и психологическим функциям одежды, которые представляют для нас особый интерес. Мы сосредоточим внимание на явных функциях, сделав предварительное замечание о латентной коммуникативной функции, которая имеет отношение ко всем явным.

Коммуникативная функция. Выделение данной функции представляет собой в некотором смысле тавтологию – понятно, что любые социальные и психологические процессы в своей исходной или конечной сути являются коммуникацией. В то же время есть смысл различать случаи, когда функция одежды непосредственно связана с обеспечением реальной коммуникации (как социально маркирующая и демонстративная функции), и случаи, когда одежда служит самовыражению личности – раскрытию характера, реализации психологического состояния или эстетических вкусов.

В своем стилевом разнообразии одежда помогает человеку сбалансировать свое Я, найти новые ракурсы выражения личностных потенций. Предоставляя средства, отвечающие психологическим запросам человека, она выполняет своего рода “терапевтические” функции. Так, можно пойти выбрасывать мусор в короткой юбке и тем самым развлечься, поднять себе настроение¹². Кроме того, одежда – чрезвычайно богатый объект для эстетического творчества, и в этом своем качестве она используется не только специалистами “высокой моды”, но и обычными людьми в повседневной жизни.

¹¹ Как известно, особенностью человека как вида является высокий уровень сексуальной отзывчивости женщины, половая активность которой не ограничена, как у других млекопитающих, коротким периодом эструса. Это создает проблему выработки внебиологических способов регуляции сексуальных отношений.

¹² Моделируя данную ситуацию, мы отталкивались от реплики участницы петербургской фокус-группы: *“Можно пойти выбрасывать мусор в короткой юбке – мне иногда нравится этим развлекаться”.*

Большинство россиян предпочитают одеваться так, чтобы не слишком выделяться на фоне окружающих

Во всех этих случаях имеет место не столько межличностное взаимодействие, сколько семиотическая игра; иначе говоря, коммуникация происходит не только и не столько в реальном социальном, сколько в символическом пространстве.

Идентификация на уровне сообщества. Это явная функция одежды, которая служит реализации латентной потребности в системной интеграции сообщества. Обратная сторона данной функции – социальное различие. Одежда позволяет легко идентифицировать членов данной временной или культурной общности и, соответственно, отличить ее от сообществ иных времен и культур. Так, римлянин легко прочитывается по тоге, а фронт эпохи барокко – по пудренному парикку¹³.

Социальное маркирование – одна из наиболее очевидных, бросающихся в глаза функций одежды. Одежда оформляет и закрепляет дифференциацию людей по гендерному, возрастному, матримониальному, имущественному, социальному статусу, социально-групповой, в том числе профессиональной принадлежности. Одновременно при этом выполняются коммуникативные функции: одежда позволяет легко идентифицировать незнакомого человека и включить соответствующие средства коммуникации.

Очевидно, что это можно использовать “недобросовестным образом”; с данной функцией одежды связан “древний мотив переоблачения, главный атрибут богов, полицейских и бандитов” [Барт. С. 291].

Взятая в ракурсе личностного выбора, маркирующая функция выступает как *демонстративная*. Речь идет о намеренном использовании личностью тех маркеров, которые говорят о ее социальной (гендерной, возрастной, матримониальной, имущественной, статусной, профессиональной) принадлежности. Предъявляя себя сообществу, люди не только подчеркивают свой статус (“малиновые пиджаки”), но часто имитируют чужой, причем далеко не всегда в криминально-уголовных целях. В этом случае можно говорить о компенсаторной функции одежды (компенсаторном варианте демонстративной функции). Прекрасный пример этой функции привела участница петербургской фокус-группы.

“Я приехала из Улан-Удэ – и там люди просто одеваются изо всех сил. Они голодают месяцами, кушают одну картошку – но купят дубленку или норковую шапку. А здесь, когда я приехала, меня поразила внутренняя свобода людей. Они свободны от всяческих рамок. Если они не могут себе позволить дубленку, то носят плащ. Не могут позволить норковую шапку – берет какой-то натянули. И все. И мне это очень понравилось. Можно жить по средствам – и не по средствам”.

Примечательно, что женщина, поделившаяся этим наблюдением, не только обратила внимание на бросающееся в глаза различие в отношении людей к одежде, но и четко подметила природу этих различий: “это зависит от

Каждому второму россиянину нравится, как одеты окружающие его люди, каждому четвертому – не нравится

---

¹³ Разумеется, не все жители Римской империи носили тоги и не все европейцы XVIII века – парики. Здесь уместно говорить о проблеме стилевого единства одежды и культуры в целом в рамках исторически определенной эпохи, однако этот большой и сложный “шпенглеровский” сюжет выходит за рамки задач данного исследования.

психологии и менталитета”. Действительно, стремление к социальной имитации возникает не только в связи с тем, что у человека есть проблемы с достижением желаемого статуса, – важно еще, чтобы общество было чувствительно к маркерам статуса.

Другим ярким проявлением компенсаторной функции является использование элементов молодежной моды людьми вполне зрелого возраста; очевидно, что стремление к подобной компенсации связано с культивированием идеала молодости в ценностном комплексе современной цивилизации.

Функция самовыражения отчасти близка к демонстративной. Обе эти функции имеют отношение к латентным функциям *реализации Я-потребности и семиотического освоения / “умножения” мира*. Однако есть и принципиальные отличия, связанные как с содержанием того, что именно выражается через одежду, так и с характером тех средств, которые при этом используются. Демонстративная функция, реализуемая в плоскости социальной принадлежности, – это вторичная игра со статусными маркерами, предъявление сообществу признаков легко распознаваемого статуса (часто акцентированное или имитационное: “я крутой”, “я старушка в платочке” и т. п.).

Функция самовыражения имеет отношение к проявлению личностных, не связанных со статусом признаков: характерологических особенностей, психологического состояния, эстетических наклонностей. Знаковая игра, к которой прибегает при этом человек, может носить подлинно творческий характер. Функция самовыражения тесно связана с базовой потребностью в новизне, присущей человеку и многим другим живым существам. Излишне подчеркивать, что обе эти функции – демонстративная и самовыражения – могут совмещаться в одном и том же одеянии.

Рассмотрим, как реализуются выделенные функции в одежде современного человека, неизбежным атрибутом которой является “модность”.

Что в облике тебе моем?.. Социальные и личностные маркеры современной одежды

Теперь же и крестьянки носят высокие гребни в волосах, но они других цветов, чем у жен ремесленников

П.Г. Богатырев. Функции национального костюма в Моравской Словакии¹⁴

Как было подчеркнуто выше, важнейшая, “аутентично социальная” функция одежды – маркирующая. Что сегодня может сказать одежда о социальной принадлежности ее владельца? В представлении участников ДФГ – немного. Так, замечает респондент из Санкт-Петербурга, модные сегодня короткие пиджаки “*носят от дворника до артистки!.. И все – в этих коротких пиджаках!*”

По мнению людей, одежда скорее свидетельствует не о социальном положении человека (исключая профессиональную одежду или маргинальную группу – бомжей), а о его достатке, да и здесь впечатление может быть обманчивым.

¹⁴ См.: [Богатырев. С. 314].

Одежда сегодня не столько дифференцирует, сколько размывает признаки имущественного статуса, возраста и даже половой принадлежности

“Очень трудно определить по одежде. Вот вроде джинсики – но они стоят ого-го. И маечка – но она стоит вообще... Поэтому я лично завязал определять по одежде” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Разумеется, бывают случаи, когда дешевая одежда выдает себя: *“дешевый костюм иначе сидит, не мнется. Подкладка корежится”*. Однако часто она ничем не отличается от дорогой, фирменной.

“...модная одежда сейчас тиражируется на подпольных производствах. И даже строчку трудно определить” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Директор или главбух <могут быть> очень скромно одеты, они, может, и <в одежде> от какой-то фирмы, но я лично навскидку не могу определить” (ДФГ, Воронеж).

Демократичная мода стирает грани между богатыми и бедными.

“Что богатые одеваются в джинсы – что бедные одеваются в джинсы” (ДФГ, Воронеж).

Кто-то, возможно, и отличит дорогие джинсы от недорогих, но это уже скорее вопрос “потребительской квалификации”. Кроме того, известно, что далеко не все богатые люди носят дорогую одежду, а бедные не всегда одеваются дешево.

“Вот достаток тоже... сейчас могут быть люди с большими деньгами, а одеваться черт-те как... А могут, наоборот, иметь мало денег, но одеваться...” (ДФГ, Москва).

“Вот смотришь иногда – и даже богатые в раскладушках копаются. В норковых шубках. А бедный денег накопит – и в хорошем магазине вещь купит. То есть сейчас очень трудно определить, к какому сословию относится человек” (ДФГ, Санкт-Петербург).

По мнению участников ДФГ, одежда позволяет судить не столько о социальном или имущественном положении человека, сколько об уровне его культуры, которая проявляется в наличии (или отсутствии) вкуса, умении носить как дорогие, так и недорогие вещи.

“...не знаю, как объяснить это... У людей умных, которые с образованием, все равно это чувствуется: и чувство вкуса, и чувство, ощущение вещей дорогих и хороших, качественных” (ДФГ, Воронеж).

“Можно только какую-то наметку сделать: вот кричащее – и не кричащее. Вот поймешь человека, если он питерский: он всегда все-таки от моды на полшага отстает. Я говорю о своем поколении. Такого кричащего, эпатажного все-таки не будет. Тут какая-то зацепка может быть. А так – да, очень трудно определить по молодежи, кто и как” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“А сейчас, вы понимаете, нет такого, что у человека есть деньги – он позволяет себе все что хочет... Но насколько он образован, насколько он воспитан...” (ДФГ, Москва).

Именно те характеристики одежды, что определяются уровнем культуры, образованности человека, выступают сегодня на первый план, способствуя или, напротив, препятствуя повседневной коммуникации.

“...приятнее общаться с человеком, хорошо и со вкусом одетым” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Унифицируя все внешние, формально-статусные признаки, одежда все больше приобретает значение средства личностного самовыражения

“...когда человек хорошо выглядит, он как-то положительные эмоции вызывает, располагает к себе, да. Ну, по крайней мере, не отталкивает. А бывает, что человек плохо одет – и может первое время... отталкивать... Такое тоже бывает” (ДФГ, Москва).

“Я вот, например, знаю 73-ю школу Воробьева – там у него учителя приходят очень хорошо одетые, на них очень приятно смотреть. И дети в эту школу ходят тоже хорошо одетые. А что в этом плохого? Чем лучшие люди одеваются, тем приятнее на них смотреть, и чувствуешь себя лучше” (ДФГ, Воронеж).

Исходя из того, что одежда регулирует повседневную коммуникацию, делая ее более гармоничной или, напротив, конфликтно-диссонирующей, любопытно посмотреть, как оценивают россияне внешний вид своих соотечественников. Половине наших сограждан (51%) он нравится, четвертой части (23%) – не нравится; примерно столько же (26%) затруднились ответить на этот вопрос. Наиболее высокий уровень удовлетворенности экипировкой окружающих (60%) – в группе людей относительно обеспеченных (со среднемесячным доходом на члена семьи от 4000 рублей), а также среди жителей больших городов (58%). Реже других такой ответ дают жители села (44%) – среди них высока доля тех, кого этот вопрос поставил в тупик (35%).

Различия мнений в зависимости от возрастного фактора существуют главным образом между молодыми, а также людьми среднего возраста (от 18 до 54 лет), с одной стороны, и пожилыми (55 лет и старше) – с другой. Первые чаще высказывают удовлетворение тем, как одеты окружающие (55% – в группе лиц от 18 до 35 лет, 52% – среди тех, кому от 36 до 54 лет); среди пожилых граждан положительные отклики о внешнем виде окружающих получены от 45%.

Респонденты отмечают, что когда человек одет хорошо, современно, со вкусом, это свидетельствует о его уважении не только к окружающим, но и к самому себе. Особого одобрения заслуживают случаи, когда люди заботятся о своем внешнем виде не потому, что так положено по статусу, а потому, что это – необходимый атрибут “современного культурного человека”.

“Человек до конца должен за собой следить” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Если человек одевается модно в возрасте, это хорошо, потому что он себя не старит. Вы посмотрите на наших, возьмите бабушку – с тачкой идет вот так, и такую же бабушку – одетую, такого же возраста. Значит, она – у нее самооценка выше, чем та, которая с тачкой... И чем человек старше, тем труднее ей дается одеваться, сложнее. Потому что у пенсионерок – у них и денег меньше, и здоровья меньше, и сил меньше, но она старается, тем не менее... Значит, она не только в этом старается, не только в одежде, значит она и в других сферах тоже... Уважение к таким женщинам” (ДФГ, Москва).

“Вот у меня бабушка умерла в 80 лет – и до последнего момента, поскольку она привыкла к перманенту, она делала перманент, педикюр, маникюр. И нам с ней было очень интересно” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Мои сверстники, которые следят за внешностью и модой, – с ними интересно”, – говорит 58-летняя участница ДФГ из Санкт-Петербурга. Утрачивая значение социального маркера, одежда все чаще становится маркером “личностным” – она свидетельствует об общей культуре человека, его вкусе, жизненной позиции, тоне, отношении к самому себе.

“...Я считаю, что одежда – это продолжение характера на самом деле. Отражает саму сущность человека” (ДФГ, Москва).

Одежда, рассуждали участники ДФГ, в свою очередь значительно влияет на психологическое состояние человека, на его самоощущение. Этот хорошо известный феномен можно концептуализировать как семиотическое единство поведения: выбор одежды определенного стиля заставляет человека использовать консистентные семиотические средства и в других сферах – в речи, манере поведения, даже поступках.

На московской фокус-группе этот сюжет возник в ходе обсуждения вопроса о том, с какими людьми – модно или немодно одетыми – приятнее общаться и почему.

1-й участник: Нет, ну когда человек слишком следит <за модой>, к нему очень сложно подойти. То есть чувствуешь, что человек очень высоко ценит себя и мнение о себе, – и очень сложно на контакт с ним выходить. Тот же человек, например, кто в свободной одежде и там свободный стиль, – как-то они более контактны, мне так кажется <...>.

2-й участник: Вы знаете, сейчас о чем сказал Петр? Он сказал о том, что человек как одевается в свободную одежду, да, он так себя и ведет. Ведь от того, как мы одеваемся, у нас определенное вырабатывается, как бы, ну, психофизическое действие...

1-й участник: Вот правильная мысль, правильная, точно.

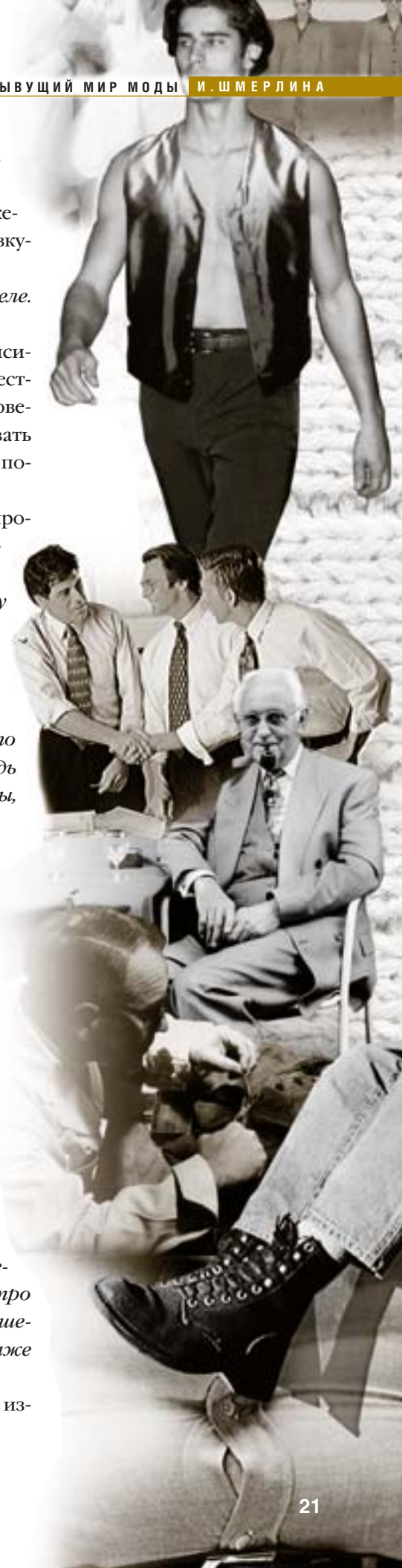
2-й участник: Если ты в костюме, ты не позволишь себе... в галстуке – ты не позволишь там себе того, что человек в спортивном костюме, например, там плюнул – и все.

3-я участница: Пиво там пить... Одежда обязывает”.

Любопытен рассказ участницы петербургской фокус-группы о неожиданном эффекте, который произвела на окружающих ее новая куртка. По мнению девушки, люди реагировали на красивую вещь. Между тем ее рассказ позволяет предположить, что они реагировали скорее на саму девушку, которая чувствовала себя “королевой” в красивом одеянии.

“...я купила себе безумно непрактичную куртку такого серебристого цвета, здесь такие меха... И я в этой куртке ощущала себя королевой. Но это мои вопросы. Но очень важно, что и другие стали относиться ко мне по-другому. Соседи по лестничной площадке и парадному здоровались со мной более приветливо! И когда я гуляла с ребенком, то другие дети подбегали ко мне, интересовались моим ребенком. И были тоже более приветливы, чем обычно. Если где-то в метро мне могут нахамить или в магазине, то в этой куртке ко мне отношение совершенно другое. Все бегут обслуживать!.. Все улыбаются. Даже кондуктор мне билетик дает с улыбкой...”

Здесь мы фактически имеем дело с функцией одежды, в раскрытии которой изменчивая мода особо значима, – функцией личностного самовыражения.

От знаковой определенности к семиотической игре

Когда-то одеяние человека служило верным показателем его статуса, а “вестиментарные девиации” (от лат. “vestimentum” – платье, одежда) жестоко карались. Постепенно одежда утрачивала свое социально маркирующее значение – набирала силу унифицирующая тенденция. Сегодня одежда не столько дифференцирует, сколько размывает признаки имущественного статуса, возраста и даже половой принадлежности. В моде – стиль “унисекс”, который одновременно является “унивозрастом”. Так, на петербургской фокус-группе о предпочтении этого стиля сказали две женщины, одной из которых 27 лет, другой – 51 год. *“Мне нравится унисекс, – говорит одна из них. – То есть тенденция к стиранию... Мне нравятся любые эксперименты. Чем что-то устоявшееся, пусть будет движение, разнообразие. Мужчины становятся более женственными и мягкими. А женщины в этих камуфляжных расцветках”*.

Об этой тенденции как об одном из глубинных движений моды писал еще в 60-х Р. Барт: “Мода признает «бой-лук»... Это дополнительный знак идеального возраста... – юности... Пол стирается в пользу возраста; по-видимому, таков глубинный процесс Моды – важен возраст, а не пол...”; “...оба пола тяготеют к единообразию – ... под общим знаком молодости” [Барт. С. 292].

Происходит утрата знаковой определенности, своего рода социальная “де-семиотизация” одежды. В исторической перспективе этот процесс связан с освобождением от навязанной знаковости Средневековья¹⁵, а его социальный смысл состоит в преодолении жестких, нечувствительных к индивидуальности социальных границ и предписаний. Унифицируя внешнее, формальное, одежда все больше приобретает значение средства личностного самовыражения. Как подчеркивали участники ДФГ, одна из наиболее значимых функций современной моды состоит в том, что она позволяет человеку не только выразить индивидуальность, но и выйти за пределы своего привычного Я, побыть в разных ролях. Игра с модными вещами превращается в игру с самим собой.

“...я смотрю на людей – и все настолько по-разному одеты! И молодежь – настолько по-разному! Я никогда не видела, чтобы было одинаково, чтобы не отличить кого-то от другого. Сейчас мода, наоборот, направлена на то, чтобы подчеркнуть индивидуальность в человеке” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“...столько идей интересных, чтобы самовыразиться! Вот у меня одна знакомая в тюрьме работает, у нее такой костюм камуфляжной расцветки. И я увидела недавно, что у нее туфли тоже камуфляжной расцветки, но вместе с тем – на тонком каблуке. И с такой пряжечкой со стразами! И все это выглядит настолько интересно! Она увидела эту изюминку – и она была счастлива. Она заплатила безумные деньги!” (ДФГ, Санкт-Петербург).

¹⁵ Этот процесс разворачивается, по-видимому, в эпоху Просвещения, культурный код которой строился, как отмечал Ю. Лотман, на противопоставлении “естественного” – “неестественному”, “подлинного”, жизненного – призрачному, знаковому [Лотман С. 30–38].

“<Мода дает> приятные ощущения, положительные эмоции, а потом, если ты будешь с юности до старости ходить в одном стиле, если моды не будет, то как ты узнаешь, что тебе идет? Вот ты это надел – и тебе в этом хорошо, тебе идет” (ДФГ, Воронеж).

“Надевая другую одежду, мы можем получать от мира совершенно другие события. Мы представляем себя миру. И мне нравятся такие эксперименты. Я могу скомбинировать из вещей разные образы. Мне нравится кардинально другое надеть. Я использую это как элемент взаимодействия с собой. Надеть что-то противоположное, не свойственное мне. Я знаю, что я люблю вот это, – но надеть что-то другое. И что-то меняется, что-то интересное” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Развивая свою мысль, автор последней реплики высказывает любопытное суждение о пользе “бесполезных вещей” – тех, которые не носятся, но содержат в себе потенциал “другого Я”. Этот потенциал, скорее всего, никогда не раскроется (или раскроется в “маскарадном шоу” для домашних), но важно, что он есть, что он обрел форму, материальный знак-подтверждение.

“Мне очень нравится, что у каждого в шифоньере висит какая-то вещь, которую он никогда и никуда не наденет, но эта вещь зачем-то приобретается. Или платье вечернее у женщины. Но эта вещь обязательно должна быть. И мне нравится, когда у кого-то день рождения – когда эта вещь наконец-то надевается. С домашними тапочками. Такой парад устраивается... Человечек что-то хотел, покупал. Но это всю жизнь не осуществится, могут всю жизнь лежать... Некое несостоявшееся желание” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Утрата знаковой определенности происходит и в самой одежде. Переставая нести “ответственные” социальные функции – маркировать членов сообщества, одежда перестает маркировать сама себя. Как тонко подметила одна из участниц группового обсуждения, “стираются... грани... вещей”. Так, военная камуфляжная расцветка дополняется сияющими стразами¹⁶, а пиджак перестает быть атрибутом делового стиля и выступает в каких угодно сочетаниях.

1-й участник: *Сейчас очень модно стало носить джинсы с пиджаком и с кроссовками. Кто мне скажет: совместимо это или нет?*

2-й участник: *Смотря какие кроссовки.*

3-й участник: *И какой пиджак. И какие джинсы. <...>*

2-й участник: *Но от пиджака сейчас одно название осталось. Сейчас настолько стираются грани, что название вещи и ее форма смешивается. Действительно, смотря какой пиджак, какие кроссовки...”* (ДФГ, Санкт-Петербург).

Семиотическая игра, о которой говорят участники фокус-групп, подмечена еще Р. Бартом; отталкиваясь от описания пиджака, изображающего собой пальто, он размышлял: “Вещь обыгрывает собственное происхождение...

¹⁶ Одна из особенностей современной моды состоит, по-видимому, в обыгрывании того, что Р. Барт называл “невозможными сочетаниями” в одежде. “Пиджак, имеющий защитную функцию”, действительно “не может быть прозрачным” [Барт. С. 213], но на этом можно построить острую игру.

Переставая нести “ответственные” социальные функции – маркировать членов сообщества, одежда перестает маркировать сама себя. Так, военная камуфляжная расцветка дополняется сияющими стразами

одежда играет в одежду и тем самым опосредуется личностью, демонстрирует личность достаточно богатую, чтобы часто менять роли...” Учитывая время, когда была написана работа Р. Барта (рубеж 50–60-х), закономерно поставить вопрос: так ли уж она изменчива – мода, меняющая свои облики, но не правила игры с вещами?

Почему существует мода

Отчего вообще существует такое несерьезное явление, как мода, и почему эта “изменчивая прихоть”¹⁷ имеет власть над людьми? Возможны по крайней мере три ответа на этот вопрос. Примечательно, что все они были артикулированы на фокус-группах.

Первая версия, которую высказывали многие исследователи, от В. Зомбарта до Р. Барта, – коммерческая¹⁸.

“Я не помню, то ли Вольтер сказал, то ли у кого-то есть у великих писателей: что такое мода? Мода – это просто придуманная как бы для рекламы, для зарабатывания денег, и не более того, вот и все” (ДФГ, Москва).

“Это же коммерция. Так же, как и лекарства” (ДФГ, Москва).

Вторая версия соотносит модный процесс с естественно существующей человеку (а также, заметим, и животным) потребностью в новизне.

“Люди устают от повседневного, что-то всегда хочется поменять” (ДФГ, Москва).

Как справедливо подметили участники ДФГ, первая и вторая версии несколько не противоречат друг другу: успешность

моды как коммерции объясняется тем, что она учитывает моду как психологический процесс.

“<Мода – это> бизнес, который учитывает психологию людей” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Наконец, третья, наиболее глубокая версия трактует модный процесс как воплощение общих закономерностей современной цивилизации, настроенной на непрерывающееся движение вперед. Эта имманентная, институционально встроенная устремленность к новым целям, скорее всего, вызвана механизмами капиталистической системы, а может быть, в ней проявилась “фаустовская душа” западноевропейского человека¹⁹. Так или иначе, но эта версия встраивает постоянный процесс модификации одежды в более широкую рамку современных особенностей общественного развития.

Неслучайно именно представители тех социальных групп, поведение которых наиболее полно отвечает современному стилю жизни, склонны восприни-

¹⁷ “Мода (фр.) – ходящий обычай; временная, изменчивая прихоть в житейском быту, в обществе, в покрое одежды и в нарядах...” [Даль. С. 344].

¹⁸ “... При возникновении современной моды роль потребителя ограничивается минимумом; двигательной силой в этом процессе во всяком случае является скорее капиталистический предприниматель” [Зомбарт. С. 23]. “Расчетливое промышленное общество вынуждено воспитывать безрасчетных потребителей... ни для кого не могут быть секретом коммерческие корни нашего коллективного воображаемого (подчиненного моде во всем – не только в одежде)...” [Барт. С. 50].

¹⁹ “Взору фаустовского человека весь его мир предстает как совокупное движение к некой цели” [Шпенглер. С. 526].

Мода, по мнению людей, неразрывно связана с эволюцией, прогрессом, современным образом жизни

мать процесс изменения моды как *естественный* – не слишком быстрый и не слишком медленный. Так, в нашем опросе о нормальной (не слишком высокой и не слишком низкой) скорости модного процесса чаще всего говорили люди с высшим образованием (41%), жители мегаполисов (в том числе Москвы) и больших городов (40% во всех группах), а также относительно обеспеченные граждане (40%)²⁰.

На фокус-группах тема общецивилизационной природы модного процесса прозвучала неожиданно ярко и сильно. Участники связывали моду с эволюцией, прогрессом, современным образом жизни, символом которого выступает *“непрекращающееся шоу”*.

“Ну как в науке все идет, вот процесс идет во всем... Так же и тут, во всех, везде есть прогресс вперед, везде... Что-то ...движется вперед, а мода встанет? Так быть не может. Все идет вперед” (ДФГ, Москва).

“Это отражение того духа времени, в котором мы живем” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Изменение идет во всем. Во времени изменение, все меняется... Сам человек меняется. Человечество растет” (ДФГ, Воронеж).

“Знаете, что было гимном музыкальным двадцатого века? “Show must go on”... – шоу должно продолжаться. И мода – это большая часть шоу” (ДФГ, Санкт-Петербург). ■

Литература

Барт Р. Система Моды // Р. Барт. Система Моды. Статьи по семиотике культуры. М.: изд-во им. Сабашниковых, 2003. С. 29–356.

Богатырев П.Г. Функции национального костюма в Моравской Словакии // Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. М.: Издательство Искусство. С. 167–366.

Гофман А.Б. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения. М.: Наука, 1994.

Даль В. Толковый словарь в 4-х томах. Т. 2. М.: Художественная литература, 1935.

Зомбарт В. Народное хозяйство и мода. СПб, 1904.

Лотман Ю.М. К проблеме типологии культуры // Ученые записки Тартусского государственного университета. Вып. 198. Труды по знаковым системам. Вып. 3. Тарту: изд-во Тартусского государственного университета, 1967.

Пиньоль А.С. В пьянящей тишине. М.: ООО “ТД «Издательство Мир книги»”, 2006.

Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / Пер. с нем., вст. ст. и примеч. К.А. Свасьяна. М.: Мысль, 1998.

²⁰ В среднем по выборке тезис о том, что мода меняется слишком быстро, поддержали 43% опрошенных. Эту точку зрения чаще всего выражали респонденты, наиболее “чувствительные” к вопросам моды, а именно – женщины (51%) и молодежь (48%). С ней часто соглашаются также малообеспеченные граждане (с доходом менее 2000 руб. на человека в месяц), но очевидно, что их ответы имеют иную, прежде всего финансовую, подоплеку. Треть респондентов (32%) считают, что перемены моды происходят с нормальной скоростью, 1% придерживаются экстравагантной точки зрения, что мода меняется слишком медленно, 23% затруднились ответить на данный вопрос.

Говорить о любви с позиций социологии – занятие неблагодарное: в этой тонкой сфере все считается либо самоочевидным, либо доступным познанию исключительно методами искусства (в крайнем случае – психологии). Но все же, коль скоро эмоции и чувства помимо телесного имеют и социокультурное измерение, позволим себе сделать несколько наблюдений на этот счет. Предмет, который будет нас интересовать, – представления о супружеской любви и браке, проявляющиеся в контексте рассуждений респондентов о многоженстве. Эта тема, при своей кажущейся несерьезности, открывает любопытные возможности для анализа: ведь излагая отношение к этому виду полигамии, люди волей-неволей эксплицируют свое понимание того, что принято называть настоящей любовью, и представления о том, какого рода контракт представляет собой брак.

Е. Вовк

Каноны любви и законы брака: *россияне о многоженстве*

С одной стороны, как будто бы очевидно, что в нашей культуре идея многоженства должна вызывать неприятие и отторжение – испокон веков в России брак подразумевал парный союз. Но с другой стороны, сегодня наличие любовницы (любовника) или даже второй семьи – явление хоть и не поощряемое общественной моралью, но не столь уж редкое. Да и само понимание брака и брачной любви в последнее время претерпевает существенные изменения: то, что еще совсем недавно казалось выходящим за рамки приличий (например, так называемые гражданские браки), сегодня стало разновидностью нормы.

Приведем некоторые цифры и начнем с представлений россиян о том, можно ли считать любовь настоящей, если мужчина любит одновременно двух женщин или если женщина любит двух мужчин. Две трети опрошенных (66%)¹ убеждены, что по-настоящему любить сразу двоих невозможно. Но и противоположного мнения придерживается значительная доля респондентов – 22%. Правда, половина из числа тех, кто полагает возможным “любить по-настоящему двух человек одновременно”, соглашались при этом и с мнением, что “настоящая любовь может быть только один раз в жизни”² (в целом по выборке каждый десятый респондент согласен с обоими утверждениями). Можно было бы подумать, что эти респонденты противоречат сами себе, но ответы на открытый во-

¹ Опрос населения от 5–6 февраля 2005 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

² Этого мнения придерживаются 53% опрошенных, а мнения, что настоящая любовь может приходиться не единожды, – 38%.

прос о том, что такое “настоящая любовь”, заставляют предположить, что они могут подразумевать примерно следующее: любить самому можно неоднократно, и даже нескольких человек одновременно, но встретить свою “настоящую любовь”, свою “вторую половину”, “идеальную пару” – того, с кем получится прожить жизнь, – можно только однажды³.

Что касается многоженства, то, как и следовало ожидать, большинство опрошенных – 62%⁴ – заявили, что отрицательно отнеслись бы к официальному разрешению этой формы брака в нашей стране⁵.

Чуть меньше четверти участников опроса (23%) утверждают, что восприняли бы подобное новшество безразлично (судя по материалам фокус-групп⁶, это прежде всего респонденты, которые не считают нужным запрещать многоженство тем, “кому это нужно”, но для себя лично либо считают подобный союз неприемлемым, либо не до конца определили собственное к нему отношение). Еще 10% респондентов говорят, что восприняли бы введение многоженства в России положительно⁷.

Чем же претит идея многоженства тем, кто отнесся бы к его введению в России отрицательно? Многие опрошенные просто говорили, что это противоречит всем нашим традициям, культурным устоям, менталитету, воспитанию, религии, здравому смыслу и т. д. Но нас в большей мере интересуют ответы тех, кто смог более конкретно сформулировать, в чем же это противоречие состоит. Основных аргументов против многоженства три.

Одни участники опроса объясняли свое неприятие многоженства тем, что, с их точки зрения, брак возможен только как парный договор, подразумевающий исключительность отношений, и что любовь одновременно к нескольким женщинам – это не любовь.

“Брак должен быть только с одним партнером, которому ты доверяешь и семью, и детей”; “уверенность должна быть в любимом человеке”; “делить мужа ни с кем не собираюсь, даже не представляю, как это”; “должен быть один муж и одна жена”; “любимая женщина должна быть одна”; “надо верность хранить одной женщине”; “не представляю еще одну рядом”; “сердце-то одно, как можно всех любить одновременно?” (10%; ответы на открытый вопрос).

³ Напрашивается предположение, что выражения “любить по-настоящему” и “настоящая любовь” могут быть не парафразами, а двумя различными понятиями с различающимися культурными смыслами.

⁴ Опрос населения от 25–26 февраля 2006 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

⁵ Стоит оговориться, что за словом “многоженство” для респондентов не стоит некий всеми однозначно понимаемый брачный контракт: судя по материалам фокус-групп, одни подразумевали ситуацию, при которой мужчина и несколько женщин живут одной семьей, под одной крышей, другие – ситуацию, при которой у мужчины есть несколько жен (семей) в разных домах. Впрочем, это не сильно влияет на отношение респондентов к сути обсуждаемой темы.

⁶ Дискуссионные фокус-группы в Москве, Санкт-Петербурге, Воронеже 21 февраля 2006 года.

⁷ Нельзя не отметить, что идею многожества респонденты встретили несколько более прохладно: только 6% заявили, что отнеслись бы к официальному разрешению такой формы брака в России положительно, тогда как 65% восприняли бы ее отрицательно, а 20% – безразлично (тот же опрос от 25–26 февраля 2006 года).

“1-я участница: Мне кажется, здесь нет любви никакой. Нет, ну как можно любить сразу вот и ту, и эту, и еще какую-то? Не может человек свое сердце отдать вот всем.

2-й участник: Одну больше любишь, другую меньше” (ДФГ, Москва).

“А там вторую жену или там быть второй женой – русским людям это не нужно. Есть если человек, которого ты любишь, то люби его всей жизнью” (ДФГ, Москва).

Понимание брака и брачной любви в последнее время претерпевает существенные изменения: то, что еще совсем недавно казалось выходящим за рамки приличий (например, так называемые гражданские браки), сегодня стало разновидностью нормы

Часть респондентов, по сути подразумевая то же самое, утверждали, что многоженство – это распущенность и безнравственность.

“Безнравственно”; “нравы опустились ниже уровня половой тряпки”; “разложение моральных устоев общества”; “это аморально”; “это разврат, противно” (5%; ответы на открытый вопрос).

Другие участники опроса объясняли свое неприятие многоженства тем, что, с их точки зрения, такой брак унижает женщину.

“Неуважение к русским женщинам”; “обидно будет женщине”; “узаконенная измена жене”; “унижение для женщин”; “ущемляет права женщин”; “это оскорбляет достоинство женщины”; “я себя люблю, было бы оскорбительно” (2%; ответы на открытый вопрос).

Судя по материалам фокус-групп, респондентам представляется, что многоженство предусматривает низведение женщины из положения равноправного партнера в положение подчиненного, зависимого, бесправного существа, требует ее отказа от личностных и карьерных притязаний.

“1-й участник: Даже я против. Все эти гаремы, они строятся на подавлении второго человека. Мужчина считается выше, чем женщина. Они все рабыни, они смиренно сидят в гареме, у них нет права слова. А в нашей стране, где мужчины наравне с женщинами, это невозможно.

2-я участница: Кто у нас будет какую очередность соблюдать? Все друга друга поубивают.

3-й участник: То есть если две жены, то обязательно там будет угнетение.

1-й участник: Без угнетения просто не построишь такой большой семьи.

4-я участница: А у нас все более свободны.

2-я участница: По сравнению с ними, да, более свободны.

4-я участница: Да, женщина не будет сидеть дома, чтобы ее тюкали и указывали. Она как-то хочет себя проявить.

2-я участница: И потом, у них там мужчина обеспечивает семью, они дома сидят. А у нас женщина уже давно сама себя обеспечивает. И кто-то там будет диктовать ей свои условия? Она скажет: извини, я больше тебя зарабатываю, а ты мне будешь говорить, когда подходить?” (ДФГ, Воронеж).

Кроме того, по мнению этих респондентов, многоженство – заведомо неэквивалентный обмен: женщина отдает мужчине себя целиком, а получает только часть его внимания, заботы, досуга, зарплаты, наследства и т. д.

“Я считаю, что морально чувствовать себя второй, третьей – <это унижительно>” (ДФГ, Воронеж).

Оба рассмотренных аргумента против многоженства довольно близки друг к другу: они построены на предположении, что любовь и брак по сути своей – это равнозначный обмен и партнерство.

А вот третий аргумент, на наш взгляд, принципиально иной: здесь акцент делается не на том, что многоженство в принципе профанирует идею брака, а на том, что такой тип отношений не отвечает современным российским условиям, когда мужчине сложно содержать даже одну семью. Здесь брак представляется не столько как разделенная интимность, сколько как институт, призванный обеспечивать финансовое благополучие женщины и ее детей.

“Наши мужчины не смогут обеспечить нескольких жен с детьми – одну-то не могут. Я это не приемлю”; “в семьях и так не хватает денег даже на одну семью из-за безработицы и низкой оплаты труда”; “зарплаты не позволяют мужчинам содержать столько жен”; “их надо кормить и обувать, на что-то существовать”; “материально не потянешь” (8%; ответы на открытый вопрос).

Возникает ощущение, что по существу эти респонденты не столько отвергают многоженство как таковое, сколько считают его непереносимым условием финансовой состоятельности мужчины.

Любопытно: рассуждая, в каких случаях и кто мог бы захотеть завести себе несколько жен или же согласиться стать второй (третьей и т. д.) женой, респонденты выдвигали на первый план именно финансовые соображения. Так, большинство участников массового опроса на соответствующий открытый вопрос ответили, что завести несколько жен могут захотеть мужчины состоятельные, – о ловеласах же речь заходила значительно реже. Сходное мнение продемонстрировали и участники фокус-групп. Рассуждая о том, какие женщины могли бы захотеть выйти за мужчину-многоженца, участники ДФГ говорили об одиноких, испытывающих финансовые затруднения или же просто ищущих “спонсора” женщинах.

Вообще, конечно, в российской традиции брак и любовь между супругами подразумевают парный договор и разделенную интимность. Неудивительно, что у столь многих идея многоженства вызывает резкое неприятие – удивительнее, что не у всех. И пожалуй, с этой точки зрения интереснее даже не мнения противников многоженства, а суждения тех, кто не отвергает эту форму брака с порога, – такие суждения могут оказаться свидетельством подвижек, происходящих в понимании брака и любви между супругами.

Итак, попробуем понять, чем идея многоженства импонирует тем, кто ее приветствует. Здесь также можно выделить три основных аргумента.

Одни говорят, что официальное введение многоженства позволило бы улучшить демографическую ситуацию в нашей стране, где женщин больше, чем мужчин, а рождаемость падает.

“Всем хочется замуж”; “женщин много, а мужчин мало, по крайней мере муж будет”; “мужчин не хватает, будет больше счастливых женщин”; “рождаемость упала, и для этого необходимо”; “чтобы улучшить демографию – меньше одиноких будет” (2%; ответы на открытый вопрос).

Не исключено, что такие респонденты часто воспринимают многоженство не как нормальную ситуацию, а как вынужденную новацию, приемлемую в силу экстремальных демографических обстоятельств. По крайней мере, именно так расценивает известные ей случаи многоженства участница одной из фокус-групп.

“Вот кто смотрел программу про многоженство? Там несколько примеров приводилось. И вот показали мужчине, он в деревне один, у нескольких женщин от него дети. <...> И вот они [женщины] довольны тем, что так у них детей не было бы, а то у них ребенок есть. А мужчин-то других нет в этой деревне, вот она и довольна, что у нее хоть ребенок есть, и муж там когда-то приходит, или как она там его называет. Просто другого выхода, наверное, нет, только так, наверное, можно” (ДФГ, Воронеж).

Другие трактуют многоженство как одну из допустимых форм брака, партнерства и считают, что люди должны иметь возможность строить свои отношения так, как им хочется.

“Это личное дело каждого”; “возможность выбора для тех, кто этого хочет”; “если кому-то это надо, то не надо мешать”; “если мужчина любит, пусть живет с несколькими женами” (2%; ответы на открытый вопрос).

Некоторые, правда, не столько приветствуют многоженство, сколько не видят в таком браке ничего плохого – при соблюдении определенных условий. Для одних этим условием является взаимное согласие вовлеченных сторон.

“Если муж хочет и жена не возражает”; “если люди хотят жить кучей, почему бы и нет?” (ответы на открытый вопрос).

Для других – финансовая состоятельность мужчины.

“А чего плохого, если муж может содержать?”; “если есть возможность содержать несколько семей, то почему бы и нет?”; “финансы позволяют – пусть” (ответы на открытый вопрос).

Наконец, третьи считают, что разрешение многоженства будет всего лишь официальным признанием практики, уже давно существующей в нашей стране, и сверх того, создаст основу

для более ответственных отношений – в частности, позволит в какой-то мере решить проблему внебрачных детей.

“Уже существует в России неофициально”; “у меня уже две жены, мне это нравится”; “они и сейчас имеют любовницу, пусть будет открыто, если им надо”; “ребенок на стороне будет законно оформлен”; “хоть внебрачных детей без отцов будет меньше” (1%; ответы на открытый вопрос).

Некоторые противники многоженства объясняли свою позицию тем, что, с их точки зрения, такой брак унижает женщину

Табл. 1

% от групп (по столбцам)

Если в России многоженство будет разрешено, как Вы лично к этому отнесетесь – положительно или отрицательно? Или Вам это в целом безразлично?							
	Возраст, лет			Тип населенного пункта			
	18-35	36-54	55 и старше	мегаполис	большой город	малый город	село
Положительно	16	9	4	15	11	9	7
Мне это безразлично	21	27	20	22	18	22	27
Отрицательно	56	58	73	60	65	62	59

Табл. 2

% от групп (по столбцам)

Если в России многоженство будет разрешено, как Вы лично к этому отнесетесь – положительно или отрицательно? Или Вам это в целом безразлично?		
	Мужчины	Женщины
Положительно	14	6
Мне это безразлично	29	17
Отрицательно	49	73

“1-й участник: *Есть жена и есть три любовницы. Ведь есть такое? А какая разница?*”

2-я участница: *И многие – они дружат семьями, и вообще... Очень сейчас это вообще <распространено>...”* (ДФГ, Воронеж).

В целом складывается впечатление, что потенциальные противники и сторонники многоженства исходят из двух различных концепций брака: первые рассматривают таковой преимущественно как институт разделенной интимности, общность повседневности, вторые – как институт деторождения, общность определенного круга целей. Сложно сказать, какое из этих двух пониманий брака более “традиционно”, а какое – более “современно”. Но, пожалуй, идею, что счастливый (или по меньшей мере удачный) брак не обязательно должен подразумевать каждодневное общение супругов и их эмоциональную исключительность друг для друга, следует признать новацией.

И действительно, как видно из *табл. 1*, позитивное отношение к многоженству тесно связано с возрастом и местом жительства респондентов. В наибольшей степени оно выражено у молодых и у жителей мегаполисов (15–16%). Это дает нам основания предположить, что либеральное отношение к многоженству (и, возможно, к полигамии вообще) – следствие пересмотра взглядов на брак и отношения между полами (к чему, как известно, более склонны молодые поколения и чему способствует урбанизированная среда).

Вместе с тем бросается в глаза, что взгляды мужчин и женщин на многоженство существенно различаются: первые заметно чаще вторых приветствуют такую форму брака и заметно реже ее осуждают (*табл. 2*). Еще один показатель того же: респонденты значительно чаще говорили о том, что их знакомые мужчины могли бы захотеть завести несколько жен, чем о том, что их знакомые женщины могли бы изъявить желание выйти замуж за многоженца (18% и 8% соответственно).

Одно из возможных объяснений этих различий – то, что женщины (по “природе” или по воспитанию) больше склонны к моногамии, а мужчины –

к полигамии. Другое возможное объяснение – представление, что многоженство выгоднее мужчинам, чем женщинам. Такое мнение действительно присутствует в полученных ответах; правда, чаще всего респонденты все же склонны считать, что пользы от многоженства не было бы ни одному из полов (табл. 3).

Однако материалы фокус-групп заставляют усомниться в том, что респонденты так уж уверены в выгодности многоженства для мужчин и невыгодности – для женщин. В ходе дискуссий, напротив, много говорилось о том, что для одиноких женщин многоженство может быть неплохим выходом.

“Модератор: А как вы думаете, многие ли женщины согласятся выйти замуж за человека, у которого уже есть жена или много жен?”

1-я участница: Ну конечно. Я думаю, что женщины больше согласятся, чем мужчины. Для женщин это выгодно.

2-я участница: А я так не считаю. Я считаю, что морально чувствовать себя второй, третьей...

1-я участница: Какое морально? Вот я – мама-одиночка, мне государство платит 140 рублей, а так я буду иметь алименты и наследство. Вы что? Я считаю, что женщины побегут, и я впереди.

2-я участница: Я просто не была, извините, в вашей шкуре, поэтому...

1-я участница: Каждый судит со своей позиции. Вам делить что-то, и мне делить, но со своей стороны.

3-я участница: А если еще и любовь, еще и влюбиться, так вообще согласитесь на все. И обеспечит и любовь, да пусть там хоть десять жен. <...> Я, например, с <1-й участницей> соглашусь. Тем более я была в ее ситуации” (ДФГ, Воронеж).

Для мужчин же, говорили участники дискуссий, официальное многоженство означает только дополнительную ответственность и обузу.

“Определенно нет преимуществ. Если задуматься: для чего многоженство? Если из-за половых отношений, то это не проблема сейчас. Одни минусы. Содержать двух женщин нужно с детьми, с тещей и со всеми родственниками” (ДФГ, Воронеж).

Вообще в отношении респондентов к идее многоженства присутствует некий парадокс, отчетливо проявившийся в ходе обсуждения темы на фокус-группах. Вроде бы большинство участников дискуссий были согласны с мыслью, что официальный брак (в том числе и многоженный) предполагает значительно бóльшую ответственность мужчины, чем отношения, браком не скрепленные (например адюльтер). С этой точки зрения, говорили многие (как бы с оттенком осуждения), мужчинам выгоднее иметь любовниц, чем жен.

Табл. 3

% от групп (по столбцам)

Как Вы считаете, кому многоженство принесло бы больше пользы, выгоды – мужчинам или женщинам? Или оно не принесло бы пользы, выгоды ни тем, ни другим?		
	Мужчины	Женщины
Мужчинам	20	33
Женщинам	12	8
Ни тем, ни другим	38	39

“У меня создалось такое мнение, что мужчине... ну, может быть, только в России, в связи с воспитанием, проще иметь пусть хоть трех любовниц и одну жену, чем несколько жен, потому что когда ты женат, ты берешь на себя ответственность. Любовница в принципе, ну, она сегодня есть – завтра ты с ней попрощался, а жена – уже все, и она скажет: это, это, это, это. <...> А любовница сегодня одна, завтра другая, то есть это гораздо проще, если тебя не устраивает одна твоя женщина, ты можешь менять их как угодно и не брать на себя такую ответственность, как жена и вторая жена” (ДФГ, Москва).

“Я считаю, многие мужчины в мыслях захотят иметь <нескольких жен>, но содержать, обеспечивать они не смогут. Поэтому, да, для них выгоднее иметь неофициальных любовниц, чем иметь официальных жен” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Модератор: А вот если бы все-таки закон был принят, как вы считаете, много ли мужчин захотели бы иметь несколько жен?”

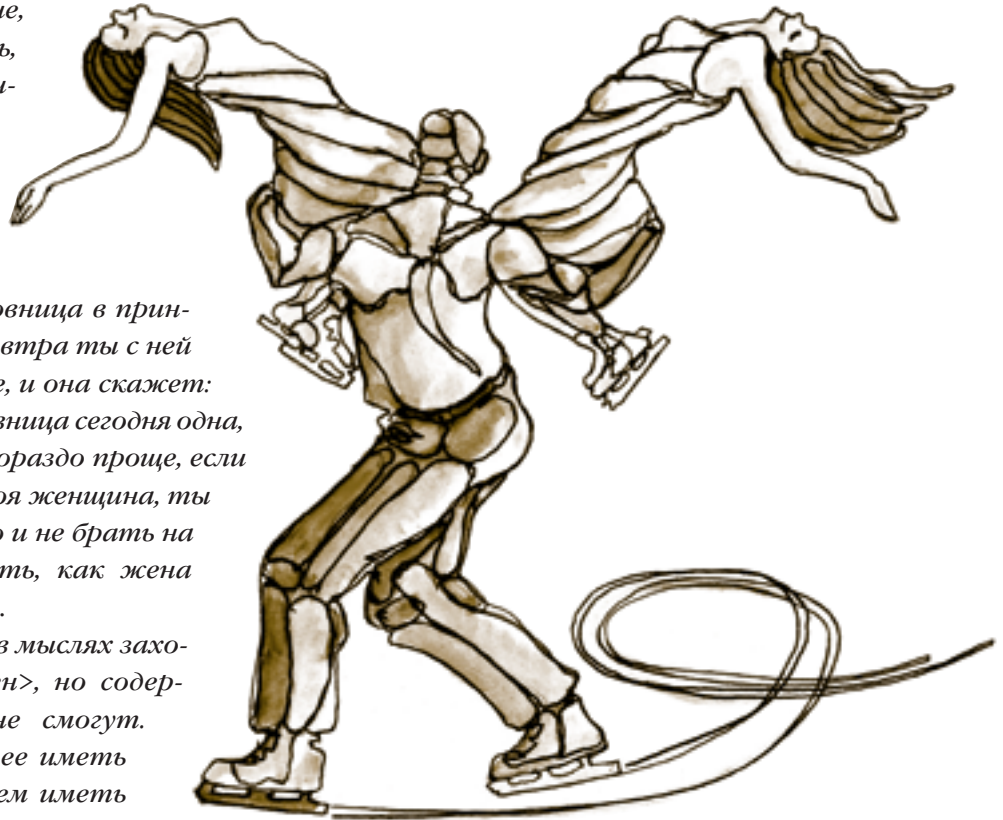
1-я участница: Да они – и состоятельные – не будут, зачем им лишние проблемы, господи?

2-я участница: Да они так же будут любовниц иметь, да и все.

1-я участница: Вот именно, зачем им официальные законные женщины, которые будут из них выколачивать на законном основании?” (ДФГ, Воронеж).

Казалось бы, коль скоро какой-либо мужчина не склонен к моногамии, респонденты должны были бы приветствовать его стремление сделать всех своих женщин официальными женами и отвечать за них и за их детей по законам государства. Однако в ходе обсуждения этой темы выявилось крайне негативное восприятие такой идеи и значительно более благосклонное отношение не только к чередованию моногамных браков⁸ (женился, развелся, снова женился...), но и к адюльтеру или неофициальному сожителю с несколькими женщинами.

“Я против <многоженства>. Нет, одно дело – ты развелся с одной женщиной, женился на другой, третьей... по пять раз, но в этот момент ты живешь с ней, любишь ее – это ради Бога. А когда одновременно много жен – к этому я отрицательно отношусь” (ДФГ, Санкт-Петербург).

⁸ Сложилось устойчивое словосочетание, обозначающее подобную практику: “последовательная полигамия”.

“Мне неприятно. <...> Ну, потому что многоженство – как бы восточный все-таки уклад жизни, а мы – люди русские, то есть испокон веков как бы на Руси у мужчины была одна жена. Тем более в наши времена, в общем-то, если человек хочет, русский человек, гражданский брак – пожалуйста, живи с одной, со второй, с третьей, ну, в разных домах, именно содержи их, и все” (ДФГ, Москва).

“Русский человек не привык, наш менталитет к этому не приспособлен. <...> Меня, например, поразила статья, в газетах прошло сообщение, что Валерий Золотухин неофициально женат на какой-то молоденькой актрисе, родили ребенка, и он этого не скрывает. Живет на две семьи. Вроде русский человек. Меня до того поразило это, я думаю: как же так? Ну ладно, нагулял – скрывает это дело, хорошо, но это же как вот жене его и детям, которые от первой жены?” (ДФГ, Москва).

Последнее из процитированных высказываний подсказывает, в чем может крыться причина этого кажущегося парадокса. Обратим внимание на следующее: респондент готов простить другому фактическое многоженство, если этот факт остается скрытым (то есть по существу признается проступком). По-видимому, принципиальное отличие статуса любовницы от статуса жены, которое этот и многие другие респонденты не желают размывать, – именно неофициальность, сокрытость таких отношений. Иными словами, эти респонденты не приемлют многоженство не только потому, что третий человек в союзе разрушает интимность и безусловное взаимное доверие (наличие любовницы или охлаждение чувств разрушают их с не меньшей эффективностью). Похоже, дело также в том, что введение в союз третьего человека на равных правах предполагает нарушение некоего негласного общепринятого брачного договора – и одновременно профанирует столь же общепринятую идею любви в браке. Иными словами, статус жены и статус любовницы – культурно понятные, строго определенные статусы, со своим набором прав и обязанностей. Статус же “второй жены” взламывает все условности, связанные в русской культуре с браком, и заставляет мучительно искать новые определения и содержание супружеской любви, супружеских обязанностей, супружеских отношений...

Хотя эта перспектива, как мы видели, пугает не всех, у большинства она вызывает однозначное и почти рефлекторное отторжение. ■

Испытания ядерного оружия в Северной Корее стали предметом обсуждений и споров в мировом сообществе, привлекли внимание руководителей и граждан множества государств, в том числе – и россиян. Согласно результатам опроса Фонда “Общественное мнение”, проведенного сразу после этого события¹, половина наших сограждан (52%) знали о проведенных испытаниях, около трети (29%) – что-то слышали о них. Лучше остальных были информированы москвичи (78%), люди с высшим (69%) и средним специальным образованием (59%), представители наиболее высокодоходной группы населения (67%), а также мужчины (59%). Впервые услышали об испытаниях в ходе опроса 17% респондентов.

О. Трemasкина

Ядерные испытания в Северной Корее: *отношение россиян*

Две трети наших сограждан (64%), по их словам, не одобряют проведения ядерных испытаний КНДР, одобряют – 8%; 18% респондентов заявили о своем безразличии к этому событию. Противники испытаний преобладают во всех социально-демографических группах, однако особенно ощутимо – среди наиболее образованных респондентов (70%).

Те немногие, кто поддерживает Северную Корею, в ответах на открытый вопрос, содержащий просьбу обосновать свою позицию, говорят, что эта страна имеет такие же права, что и остальные государства (2%), что она должна себя защищать – в частности, сопротивляться давлению США (3%). Еще 1% опрошенных с одобрением отмечают, что проведенные испытания – свидетельство технического прогресса КНДР.

“Все имеют – а почему они должны отставать?”, “каждая страна имеет право на собственную защиту”, “почему Америке можно – а им нельзя? Корея – она независимая”, “раз мы производим ядерное оружие, то пусть и другие страны его производят”; “почему Америка диктует всем условия?”, “США должны знать, что на агрессию получают отпор”; “для Кореи это прогресс”, “любая страна должна развиваться”, “раз есть ученые, пусть развиваются” (открытый вопрос).

Респонденты, не одобряющие проведения испытаний, чаще всего объясняют свою позицию тем, что опасаются радиационного заражения окружающей

¹ Общероссийский опрос населения от 14–15 октября 2006 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

среды, возникновения угрозы всему живому (17%); некоторые (5%) особо подчеркивают, что экологическая опасность грозит России, так как испытания проводились “у нас под боком”.

“Эти испытания – угроза всему человечеству”, “большой вред природе и людям”, “в любом случае это опасно для окружающей среды”, “не надо лишней радиации”, “это может принести непоправимый вред”, “150 километров от нашей границы был произведен взрыв”, “экология нарушается, люди на Дальнем Востоке в России в опасности” (открытый вопрос).

Кроме того, 16% участников опроса в принципе считают ядерные испытания злом, полагают, что они представляют серьезную опасность.

“Любое испытание ядерного оружия вредит человечеству”, “ядерный взрыв всегда опасен – где бы он ни проводился”, “ядерное оружие – это угроза всем и везде” (открытый вопрос).

По мнению 7% опрошенных, северокорейские ядерные испытания грозят нарушить мировую стабильность; 4% респондентов считают, что это шаг к дальнейшему распространению ядерного оружия в мире.

“Боюсь начала третьей мировой войны”, “накал международных отношений”; “всем захочется иметь ядерное оружие”; “другие страны тоже начнут испытывать ядерное оружие” (открытый вопрос).

Тему угрозы окружающей среде – и в России, и в других государствах – затронули многие участники групповых дискуссий².

“Экология испорчена в любом случае, в любом случае там, где проходили испытания, все живое отравили. Даже не факт, что там не было людей, наверняка они там где-то жили, были” (ДФГ, Воронеж).

“Участок земли гибнет, опять же – радиация” (ДФГ, Воронеж).

“Экология – самое-то главное” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Экологию заражают” (ДФГ, Воронеж).

Участники дискуссионных фокус-групп высказывались “за” или “против” ядерных испытаний в Северной Корее, в целом используя те же доводы, что и участники массового опроса. Так, основным аргументом в поддержку испытаний является признание права любого государства защищать себя: нельзя выборочно лишать права на разработку ядерного оружия.

“Каждая страна в первую очередь пытается защитить себя от внешней агрессии, от войн. Чем страна слабее, тем ее легче захватить. Поэтому они пытаются это как-то ограничить. Пытаются ввести любые меры защиты” (ДФГ, Воронеж).

“Почему они не могут иметь это оружие? Почему всем можно – а им нельзя? Если они хотят себя защитить” (ДФГ, Воронеж).

“А ко мне вор подойдет вооруженный – мне тоже хочется иметь оружие. Так и любая страна – чтобы защитить себя, она хочет иметь оружие” (ДФГ, Воронеж).

Две трети наших сограждан не одобряют проведения ядерных испытаний КНДР, одобряют – менее десятой части; пятая часть респондентов заявили о своем безразличии к этому событию. Противники испытаний преобладают во всех социально-демографических группах, особенно ощутимо – среди наиболее образованных респондентов

² Дискуссионные фокус-группы в Москве, Санкт-Петербурге и Воронеже 10 октября 2006 года.

“Как бы утвердить себя, что я тоже что-то могу дать в ответ, хоть и слабая страна” (ДФГ, Воронеж).

“Ну, это показывает, чтобы с ними говорили не со стороны силы, а на равных” (ДФГ, Москва).

Многие участники дискуссии уточняют, откуда именно исходит угроза для Северной Кореи: она разрабатывает ядерное оружие, чтобы защититься от США.

“Если бы Корея в этом месте не создала бы эту бомбу... ее просто разбомбили <бы> США, потому что это «ось зла», это так далее и так далее. Вот Ирак мы разбомбили” (ДФГ, Москва).

“Если нет ядерного оружия, то и Америка может спокойно напасть” (ДФГ, Воронеж).

Но некоторые участники фокус-групп не соглашались с подобной логикой. По их мнению, страна, приобретающая или создающая ядерное оружие, может преследовать помимо самообороны и другие цели, готовиться не только к защите, но и к агрессии.

“Ну, здесь нет, я не согласен с этим, что защищаться, – я думаю, что много хотят и нападать, а многие – защищаться” (ДФГ, Москва).

“Само государство так устроено, что оно, любое государство, к экспансии склонно. Поглотить собой другие. Ну, есть такие” (ДФГ, Москва).

“Применение, естественно. Если у них есть ядерное оружие, рано или поздно они его применяют, однозначно” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Выражались опасения, что с увеличением количества стран, обладающих ядерным оружием, будет все сложнее отслеживать процесс его производства и хранения. Увеличится и вероятность того, что это оружие попадет в руки террористов, а также неуравновешенных людей, которые встречаются и среди руководителей государств.

“Чем больше стран обладает ядерным оружием... можно где-то хорошо охранять, где-то хуже. Я хочу пример привести: чеченские боевики неоднократно хотели совершить налет на наши ядерные точки” (ДФГ, Воронеж).

“Увеличивается угроза, потому что у власти может быть любой человек: и нормальный, и ненормальный” (ДФГ, Воронеж).

Похожие аргументы приводили и некоторые участники массового опроса, выразившие отрицательное отношение к ядерным испытаниям. Причем иногда (2% опрошенных) они прямо говорили о Северной Корее как о стране с непредсказуемой политикой, государстве, от которого можно ожидать всего.

“Ким Чен Ир – человек неадекватный”, “кто их знает, что у них на уме...”, “мелкое государство, амбициозное, и может захватить лидерство в мире”, “они готовы на все в борьбе за выживание, за место под солнцем”, “там коммунистический режим... они могут выступить против кого угодно” (открытый вопрос).

Кроме “человеческого фактора” участники дискуссионных фокус-групп указывали на возможность сбоев компьютерной техники, которые могут привести к катастрофическим последствиям.

“А все решается за доли секунды и автоматикой. И автоматика, естественно, может не работать, может быть сбой – и все” (ДФГ, Москва).

Основным аргументом в поддержку испытаний является признание права любого государства защищать себя: нельзя выборочно лишать права на разработку ядерного оружия

Как мы видели, участники фокус-групп не сходятся в вопросе о том, для чего некоторые страны стремятся обладать ядерным оружием, – и это вполне естественно. Однако иногда один человек приводит доводы в защиту двух противоположных точек зрения. Так, одна из участниц воронежской дискуссии говорит о ядерном оружии как о методе защиты суверенитета, территории и населения государства (в частности, от действий США):

“В наличии ядерного оружия есть устрашающий метод обороны, то есть оборонительная позиция какая-то. США разбомбили Югославию, Багдад, Иран. Если бы эти страны имели ядерное оружие, то с ними бы так не поступили”.

И она же считает, что увеличение числа стран, обладающих ядерным оружием, приведет к международной нестабильности, создаст угрозу безопасности других стран – все из-за того же “человеческого фактора”.

“Это может быть и у нас, это может быть и в Америке, и где угодно. Грубо говоря, воспитывался человек, пробился к власти – слегка вскружила власть голову, посчитал себя диктатором и т. д. Некоторым это было выгодно – не остановили, не углядели, не увидели. Опять же, поссорился – и началось. То есть это может быть что угодно. Опасность, конечно, увеличивается – чем больше стран, тем больше опасности”.

Выражались опасения, что с увеличением количества стран, обладающих ядерным оружием, будет все сложнее отслеживать процесс его производства и хранения. Увеличится и вероятность того, что это оружие попадет в руки террористов, а также неуравновешенных людей, которые встречаются и среди руководителей государств

С утверждением, что наличие ядерного оружия у Северной Кореи может так или иначе представлять опасность для других стран, согласны две трети участников массового опроса (66%); противоположной точки зрения придерживается пятая часть опрошенных (21%). При этом более половины россиян (52%) считают, что ядерные амбиции КНДР опасны в том числе и для России. Противоположной точки зрения придерживаются 14% опрошенных.

В связи с проведенными ядерными испытаниями многие страны настаивают на введении против Северной Кореи международных санкций. Согласно данным исследования, половина россиян (51%) поддерживают это предложение, четверть (25%) – считают, что санкции против Северной Кореи вводить не следует.

Участники фокус-групп, в принципе поддерживающие необходимость введения санкций, имели в виду разные меры воздействия. Многие подчеркивали необходимость мирного решения проблемы.

“В соответствии с международными договорами и нормами, конечно, санкции должны быть – но чисто экономические. Довольно жесткие. Закрывать границы – и пусть действительно попробуют выкручиваться сами как могут” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Штрафовать” (ДФГ, Москва).

Были и сторонники более жестких, силовых мер.

“Бомбардировать их, и все” (ДФГ, Москва).

“Ликвидировать как строй” (ДФГ, Москва).

Некоторые респонденты, поддерживающие силовые меры воздействия на Северную Корею, считают, что конфликт должны улаживать США, России же следует занять нейтральную позицию.

“Да, правильно они [американцы] делают. Они хоть сдерживают что-то” (ДФГ, Воронеж).

“У них есть деньги – пусть воюют” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Позиция России: хотите воевать – воюйте сами за свои деньги. А США имеет деньги – вот они и воюют” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Отвечая на прямой вопрос о том, какой должна быть реакция нашей страны в этой ситуации, участники дискуссий разделились. Одни считали, что России ни в коем случае не следует ввязываться в противостояние.

“Северная Корея противостояит блоку НАТО. И нам с Кореей идти на конфликт нет смысла, потому что мы тогда пойдём путем НАТО. Тут лучше просто остаться в стороне и наблюдать пока” (ДФГ, Воронеж).

Другие ратовали за некую активную позицию нашей страны.

“Россия должна проявлять инициативу здесь. Россия должна обязательно активизироваться” (ДФГ, Москва).

Одни респонденты считают, что вполне достаточно просто высказаться против подобных испытаний, другие же предлагают перейти “от слов к делу”, но – используя исключительно мирные средства.

“Нет, что-то надо сказать. Но делать ничего не надо” (ДФГ, Воронеж).

“Было заявление Путина, что осуждается ядерное испытание, – и этого вполне достаточно” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Объявить им что-то” (ДФГ, Москва).

“На уровне детского языка, когда идет нарушение, то старшие, взрослые, которые имеют силу и ум, они говорят: «Нельзя». Так вот на уровне правительства, на уровне дипломатических отношений надо сказать этому государству: «Нельзя!» Чтобы они это слышали” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Только дипломатия” (ДФГ, Москва).

“Отозвать посла, например” (ДФГ, Москва).

Несмотря на общее согласие с необходимостью введения санкций и обилие предложений относительно содержания этих мер, в отношении их действенности многие участники дискуссии настроены довольно скептически. По их мнению, любые санкции малоэффективны, так как страна, намеренная обладать ядерным оружием, вопреки всему будет стремиться к своей цели.

“Вы знаете, это достаточно бессмысленная штука – эти запреты. По одной простой причине: потому что тот, кто захочет себе это дело провести, сделать, устроить, он ведь афишировать не будет, учитывая все запреты. И будет делать свое дело, только тихо и незаметно” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Ввести можно – для очистки совести” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“А они скажут: да мы чихали на ваши эти...” (ДФГ, Москва).

Возможно, именно скептическое отношение к санкциям и запретам, уверенность в невозможности реального контроля за процессом распространения ядерного оружия отражаются и в высказывании участника Санкт-Петербургской фокус-группы, предлагающего (едва ли всерьез) *“водородную бомбу туда кинуть – чтоб все исчезли корейцы. А что еще остается?”*

С утверждением, что наличие ядерного оружия у Северной Кореи может так или иначе представлять опасность для других стран, согласны две трети участников массового опроса; противоположной точки зрения придерживается пятая часть опрошенных

Итак, большинство наших сограждан неодобрительно отнеслись к проведенным в Северной Корее ядерным испытаниям. Наиболее распространенные аргументы – нанесение вреда экологии, радиационное заражение окружающей среды, негативное отношение к ядерному оружию как таковому и опасения, что возникнет угроза мировой стабильности.

Несмотря на общее согласие с необходимостью введения санкций против Северной Кореи и обилие предложений относительно содержания этих мер, в отношении их действенности многие настроены довольно скептически

Главные аргументы тех, кто одобряет действия Северной Кореи, основаны на представлениях о равенстве прав государств (что можно одному – можно всем) и на признании естественным желанием любого государства защищать свой суверенитет, территорию и граждан. Впрочем, как следует из материалов фокус-групп, даже поддерживающие КНДР в большинстве своем выступают за нераспространение ядерного оружия. По их мнению, с увеличением числа стран, обладающих таким оружием, увеличивается вероятность его бесконтрольного хранения и применения.

Таким образом, налицо конфликт двух принципиально разных точек зрения – “эгалитаристской” позиции и установки на нераспространение ядерного оружия, – проявляющийся не только на уровне высказываний различных респондентов, но и в суждениях одних и тех же людей.

В целом респонденты и участники фокус-групп поддерживают идею введения санкций против Северной Кореи, однако большинство на ДФГ подчеркивает, что эти меры должны носить исключительно мирный характер: многие предлагают ограничиться акциями протеста или официальными заявлениями властей.

Правда, некоторые участники фокус-групп готовы поддержать и более радикальные меры, особенно если они будут исходить от имени мирового сообщества или США, а не от России. ■

МЕЖДУ ПРОЧИМ

☞ Так говорил респондент...

– Почему Вы считаете, что, выходя замуж, женщина обязательно должна брать фамилию мужа?

– *Если надолго, то надо брать фамилию мужа.*

***

– Каким вообще Вам видится человек, авторитетный для многих людей с моральной, нравственной точки зрения? Попробуйте описать его.

– *Красивый, мордастый, кучерявый.*

– Какие явления в жизни сегодняшней России расстраивают, огорчают, нервируют Вас больше всего?

– *Тараканы.*

***

– Что такое, по Вашему мнению, “валовой внутренний продукт”? Как Вы понимаете это словосочетание?

– *Я думаю, это увеличение в семье, когда дети появляются.*

– В каких ситуациях, по Вашему мнению, допустимо употреблять нецензурные выражения?

– *И в горе, и в радости.*

***

– Почему Вы считаете, что вводить в России новогодние каникулы – длительный отдых в начале января – следовало?

– *Люди должны отдыхать после праздников.*

(Из опросов ФОМа)

С. Климова

Обыденные смыслы базовых понятий социально-политического лексикона*

Моя биография** (Окончание)

Первая часть обзора материалов панельного опроса, посвященного воспоминаниям и размышлениям россиян о том, как их личная биография вплеталась в историю России, была опубликована в предыдущем, 11-м номере журнала. Участники панели рассказывали, какие события своей биографии они считают самыми важными; определяли свои биографии как обычные либо необычные и объясняли, что дает им основания именно так воспринимать свой жизненный путь. Респонденты рассказывали об удачах и неудачах в жизни, делились мнениями о критериях, стандартах жизненных успехов. Сравнение собственных биографий с биографиями родителей позволяет получить представление о направлениях межпоколенческой мобильности, механизмах трансляции ценностей и норм взаимной поддержки.

Мы продолжаем анализ рассказов участников панели об их жизни.

Что родители желают своим детям

Косвенные оценки собственной жизни как удачной или неудачной часто присутствуют в рассказах о желательной биографии для своих детей. Респондентам был задан вопрос: «Если говорить о биографиях Ваших детей, то в чем, по Вашему мнению, они должны быть похожи, а в чем – непохожи на Вашу биографию?»

Обращает на себя внимание отчетливо выраженное нежелание многих опрошенных, чтобы дети повторяли их судьбу. Конечно, здесь есть и принципиальная позиция, заключающаяся в том, что никто не должен строить свою

* Продолжение цикла публикаций. См.: Социальная реальность. 2006. №№ 7–11.

** Панельный опрос от 23–30 мая 2001 года (27 городов России, 810 респондентов).

жизнь по образцу чужой, у каждого должна быть собственная биография. И все же доминирует именно нежелание своей судьбы детям, потому что она “несчастливая”, “плохая”.

“Спаси Бог, если биографии моих детей хоть чем-то будут похожи на мою биографию. Я в 14 лет с панталыку сбилась, и вся моя жизнь пошла наперекосяк. Моя жизнь – суций ад. Я не хочу детям того же”.

“Конечно же, я хотел бы, чтобы биография моего сына не была такой скудной и однообразной”.

Чаще всего родители не хотят, чтобы дети жили в такой же нищете, как они.

“Хочется, чтоб они побогаче жили: пойти купить что захочется, чтоб работа была по душе, чтоб хорошо платили, чтоб стабильность была в стране”.

“Не хотелось бы, чтобы они голодали так, как я”.

“Я не хочу, чтобы биография моей дочери была похожа на мою. Не хочу ей этой нищеты”.

Конечно же, люди желают детям счастливого брака, особенно это отмечают те, кто прожил в несчастливом.

“Не хочу, чтобы мужья у них были пьяницами, как мой”.

“Ни в коем случае не развестись с мужем, как я”.

“Чтобы не было войны” – рефрен ко всем пожеланиям представителей старших поколений, переживших ужасы бомбежек и военной разрухи.

“Очень хочется, чтобы они никогда не знали войны, разрухи, голода”.

Но и эхо нынешней войны слышится в пожеланиях детям.

“Я не хочу, чтобы они выносили, что я. Они этого не вытерпят. Побывать в Чечне, а потом приехать к родителям погибшего сына – привезти «груз 200»”.

“Не хочу, чтобы мои дети страдали только от того, что они чеченцы”.

Видимо, собственный опыт выживания сказывается на пожеланиях детям быть трудолюбивыми и прожить более спокойную жизнь.

“Мои дети уже работают – думаю, что тунеядцами не будут. И по дому все умеют делать. Хотелось бы, чтобы выучились, получили нормальную рабочую профессию”.

“Дочь должна быть похожа на меня своим усердием, трудолюбием, должна иметь хорошую работу. Ее биография должна быть спокойной, без поворотов, плохих обстоятельств”.

Но чаще все-таки родители улавливают веление времени и желают детям быть более свободными, гибкими, предприимчивыми.

“Дети должны быть более энергичными, смелыми, чем был я, так как сейчас время другое”.

“Думаю, что биография моей дочери будет совсем непохожа на мою. Она уже сейчас непохожа: ей 21 год – она самостоятельна и упорно добивается той цели, которую перед собой поставила”.

“Мои дети будут более самостоятельными, свободными – во всяком случае, должны быть”.

“Они должны научиться жить в нашем новом государстве, научиться отстаивать свои интересы. Они должны быть более уверенными в себе, чтобы они знали законы и умели пользоваться ими”.

“Биографии должны быть похожими отношением к жизни, к труду, к деньгам, а не похожи большей решительностью, напором, они не должны бояться браться за новое”.

Те родители (или будущие родители), которые видят свою жизнь в более радужных красках, чаще хотят, чтобы дети были в чем-то похожи на них.

Те, кто доволен полученной профессией, образованием, хотят, чтобы у детей тоже была возможность профессиональной самореализации.

“Хочу, чтоб у детей, как и у меня, была та специальность, которую они хотят”.

“Должно быть похоже то, что должна быть школа, высшее образование, престижная работа”.

“Я стараюсь, чтобы, как у меня, были у них возможности, реализация способностей. Вот младшая дочь заканчивает хорошую школу (гимназию), победительница всяких олимпиад. Она талантлива, собирается в ЧелГУ, блистает на олимпиадах по биологии – ни с одной не уехала без места. Раньше я в математических тоже выигрывал, из азарта больше!”

“Схожесть будет в том, что они так же будут учиться в вузе, а не похожи – что дипломов будет несколько, именно вузовских”.

Те, у кого удачно сложилась семейная жизнь, желают того же детям.

“Хочу, чтобы с женьбой у них было похоже на меня, – чтобы им тоже повезло”.

“Похожи прежде всего тем, чтобы была хорошая семейная жизнь, любовь и дружба в доме”.

Собственные нравственные принципы родители тоже хотели бы передать своим детям. Любопытно, что норма “помогать детям” и здесь формулируется вполне определенно.

“Похожи – чтобы выросли честными и хорошими людьми”.

“Похожи – чтобы никогда не брали чужого”.

“Похожими должны быть в том, чтобы не пил, как я не пью”.

“Похожей должна быть биография: я помогал своим детям всегда, всегда они были сыты и одеты у меня. Я помогал своей маме, пока она была жива. Вот и дети мои пусть тоже помогают своим детям”.

“В чем должна быть общность? Те же должны быть цели: семью содержать, детей воспитывать”.

В пожеланиях детям обнаружился переживаемый нашими современниками дефицит солидарности на всех уровнях: семейной, корпоративной, дружеской,

общегосударственной. Родители ощущают эту ситуацию как дискомфортную и хотят, чтобы дети ее преодолели.

“Сейчас утеряна семейственность. Дети в основном живут сами по себе. А мы жили вместе всей кучкой. Наше поколение было сплоченнее, заботливее. А они сейчас чужие. Каждый думает сам о себе”.

“Должны детей окружать такие же хорошие друзья, как у нас”.

“Старшие немного захватили ту общественную жизнь в школе – октябрята, пионеры, а сейчас – наркоманы, бизнесмены уже в школе”.

“Надо, чтобы они любили свою родину, государство, в котором живут. Это важно, чтобы человек понимал, для чего он трудится, что укрепляет государственный строй, экономи-

ку всей страны. Сейчас среднему человеку остается ставить перед собой чисто утилитарные цели. Для человека как социального индивидуума этого недостаточно”.

“Чтобы у них такое же было хорошее отношение к людям, как у меня. А то они запрутся, сидят дома... Чтобы была дружба у них”.

Обращает на себя внимание отчетливо выраженное нежелание многих опрошенных, чтобы дети повторяли их судьбу

Что влияет на биографию

Приписывание ответственности за случившееся с человеком самому себе либо обстоятельствам или другим людям служит индикатором способности контролировать события собственной жизни. Когда люди, отвечая на вопрос: “почему нечто произошло со мной?”, ищут причину не в себе, а во внешних обстоятельствах, эта причина представляется чаще всего как универсальная, общая для многих, и потому труднопреодолимая.

Приписывание ответственности определяет целый ряд важных последствий. Если человек считает, что попал в тяжелую ситуацию по собственной вине, он неизбежно будет иметь заниженную самооценку, которая, в свою очередь, оборачивается нерешительностью, неспособностью действовать.

Если же виноватыми считаются другие люди или обстоятельства, самооценка не страдает, но возникает более или менее устойчивое (в зависимости от устойчивости внешних обстоятельств) ощущение беспомощности. Для сохранения самооценки люди чаще всего приписывают ответственность за хорошие события в своей жизни себе, а за плохие – внешним условиям или окружающим людям.

Чтобы выяснить, кого люди считают ответственными за те или иные события их жизни, участникам панельного опроса были заданы два вопроса: “Могла ли Ваша биография сложиться иначе? Если могла, то завершите, пожалуйста, фразу: «Моя биография сложилась бы иначе, если бы...»” и “Что в большей степени повлияло на Вашу биографию – Вы сами, другие люди или какие-то обстоятельства? Приведите, пожалуйста, пример крутого поворота в Вашей биографии. Расскажите, как это произошло”.

В качестве причин крутых поворотов в ответах на оба вопроса упоминаются примерно одни и те же субъекты изменений.

Те респонденты, которые считают, что их жизнь не могла сложиться иначе, часто подчеркивали, что они сами строили свою судьбу, довольны ею и не хо-

тят другой. Отвечая на второй вопрос, они утверждают, что крутые повороты в жизни – это их собственный выбор.

“<Биография> не могла <сложиться иначе>. Все шло, как шло. Хороший муж, двое детей. Так и должно было быть”.

“Я очень хотела быть поваром – и стала им. Было большое желание. Иначе вряд ли могло быть”.

“Нет, я считаю, что моя жизнь сложилась удачно. Я была полезна для общества. Участвовала во всех мероприятиях завода – и в самодеятельности, инкассатором была, словом, целиком была в общественной работе”.

“Свою биографию я складывала сама, значит, это моя судьба”.

Респонденты, считающие себя ответственными за свою биографию, как показывают материалы интервью, всегда делают выбор в пользу активности, преодоления обстоятельств, проявления инициативы.

“В большей степени я сам вышел на свою биографию. Самый большой поворот был во время начала перестройки, когда меня сократили, и год искал работу, но не смог. Тогда случайно зашел в магазин, увидел берестяные вещи, заинтересовался, решил попробовать – и начал заниматься этим делом”.

“Обстоятельства различного характера только формировали мои поступки”.

“Я сам <в большей степени повлиял на свою биографию>. В 19 лет начал принимать наркотики, но быстро с этим завязал. А другие не могут”.

“Да все решения сам принимал. Родители доверяли мне, а может, не до меня: я седьмой у матери. Пошел до армии работать, потом на легендарный ЧТЗ – к технике тянуло. К общественной работе тянулся сам, и не из-за карьеры, а по душе, хочется быть среди людей, все волнует, кажется, что все можешь, гордишься, что люди идут за помощью”.

Неудачные биографии или несчастливые события люди очень редко связывают с собственным выбором. Особенно часто драматические события биографии респонденты связывают с отсутствием родительской поддержки. Это гибель или болезнь родителей, пьянство отца или развод.

“Рос без отца. Рано пошел на работу – одни мужики, рано начал выпивать, рано начал курить, вести уличный образ жизни”.

“Если бы не пьянство отца, то, может быть, я бы получил образование – и вся жизнь совершенно была бы другой. Все мои братья и сестры легли на мои плечи. Пришлось выбирать не там, где легче, а там, где больше платят. Я был лудильщиком там, где кислота, химикаты – вот легкие и сжег”.

“Отец погиб на фронте – пришлось скорее учиться и работать, чтобы добывать себе на жизнь”.

“Могла бы биография сложиться иначе, если бы в семье все было нормально. То мать была инвалидом, потом отец бросил. Одна живу с 16 лет”.

В одном интервью содержится описание нормативного конфликта по поводу правила: “родители всегда должны помогать своим детям”. Респондентка обижена на отца за то, что он не помогал ей по принципиальным соображениям.

Те родители (или будущие родители), которые видят свою жизнь в более радужных красках, чаще хотят, чтобы дети были в чем-то похожи на них

“Я обижена на своих родителей. Если бы они поддержали меня морально и материально, моя жизнь сложилась бы иначе. За всю жизнь родители не дали мне ни копейки, и всегда говорили, что им никто не помогал, и они никому ничего не обязаны. Отец умер полгода назад и завещал все свои деньги какому-то детскому дому. Он был ярким коммунистом, человеком высоких нравственных принципов. Но мне от этого не легче. Я считаю, родители должны всячески помогать детям. Мы в ответственности за тех, кого родили”.

Встречаются интервью, в которых звучит похвальное слово хорошим родителям. Одобрения они заслуживают не только за материальную помощь, но и за мудрый совет, моральную поддержку.

“Влияли родители. Они были авторитетом для меня. Папа был партийный. Он сумел объяснить, как надо жить, а как – нельзя”.

“Большую роль в моей биографии сыграла мать. Врачом стала благодаря матери”.

“Очень благодарен отцу, что он заметил у меня музыкальные способности и развил их”.

Но авторитарная опека родителей часто ломала судьбы.

“Я хотела быть учителем, любила детей, а отец резко воспротивился. Под его влиянием я пошла в строительный институт. Он был прав. Я преподаю потихоньку в МЭСИ. Но для души не хватает работы с детьми”.

“Я прислушивался всегда к их [родителей] мнению и делал так, как они советовали. Я хотел идти работать в милицию, а родители настояли на том, чтобы я пошел работать на завод. Но я жалею сейчас. Я люблю форму и порядок, мне это ближе”.

“Считаю, что мама, запретив занятия гимнастикой, поменяла мне биографию. Я ее до сих пор упрекаю”.

Мужьям (женам) и любимым тоже часто приписывается ответственность за крутые повороты в судьбе – как хорошие, так и плохие.

“Познакомилась с будущим мужем, и моя жизнь круто изменилась. Я не практиковала шесть лет, но нашла в себе силы вернуться в сферу обслуживания, о чем сейчас не жалею. Муж помог мне поверить в себя, я вернулась на работу в парикмахерскую”.

“В 1979 году я встретила будущего своего супруга, вышла замуж; может быть, из-за этого круто повернулась жизнь; как говорится, вышла замуж – забыла про учебу”.

Самым важным обстоятельством, обуславливающим серьезные жизненные неудачи, а иногда и трагедии, является, конечно, бедность, отсутствие денег.

“Собиралась после 11 классов поступать в мединститут. Но взвесив, что денег на институт нам не набрать, после 9-го класса я поступила в музыкальное училище. Это и был крутой поворот”.

“Если бы у меня были деньги, я бы сейчас учился на дизайнера”.

“Моя биография сложилась бы иначе, если бы у меня было много денег, и я открыл бы свой нормальный бизнес и жил бы лучше”.

Примечательно довольно частое упоминание переездов, которые положительно либо отрицательно влияют на биографию. Судя по интервью, с переездами очень часто связываются надежды на улучшение жизненных обстоятельств

Примечательно довольно частое упоминание переездов, которые положительно либо отрицательно влияют на биографию. Судя по этим интервью, с переездами очень часто связываются надежды на улучшение жизненных обстоятельств. По материалам интервью трудно установить закономерности более или менее успешных направлений миграции, но вот переезды из деревни в город чаще оцениваются как удачные.

“Моя биография сложилась бы иначе, если бы мы не переехали во Владивосток; если бы мы остались жить в деревне, я думаю, что моя жизнь сложилась бы менее удачно”.

“Тяжело было в колхозе, мамка привезла в город и не спрашивала, хочу я быть маляром или нет. Мне больше в деревне нравится”.

“Переезд в Уфу – это можно назвать крупным поворотом в моей жизни. Там нам квартиру дали, работал я там по специальности, там сын родился, вырос, институт там кончил”.

Упоминаются в интервью и исторические события, повлиявшие на судьбы многих. Это война, перестройка и распад СССР, и даже Октябрьская революция.

“Если бы не война, тогда бы у меня были родители, и жизнь сложилась бы по-другому”.

“Если бы не война, если бы я могла учиться... Папа нас кормил один, а нас было трое детей. Не было ни одежды, ни что покушать”.

“Крутой поворот произошел, как и у всех, во всей стране. Начало сокращаться производство – и пошли массовые сокращения и увольнения. Сама жизнь так повернулась, и, как многие люди в нашей стране, осталась я без работы”.

“Пришлось бросить ту работу, которая устраивала. Устроилась работать продавцом к частному предпринимателю, пришлось примириться, чтобы выжить”.

“Я не жалею о том, как я прожил жизнь. Единственное, что выкинул бы из нее, – 90-е годы. Сколько нас обманывали. Разрушили все надежды, всю страну. Поломали людям жизнь”.

“Если бы не Великая Октябрьская социалистическая революция (мои бабушка и дедушка были дворянами), то, вероятно, моя жизнь сложилась бы иначе”.

В связи с распадом СССР в жизни многих людей произошли драматические события, повлиявшие на жизнь и родителей, и детей.

“Если бы не распад СССР, до сих пор служил бы в армии в Ташкенте – мне это нравилось”.

“Если бы не война в Чечне, то моя биография сложилась бы совсем иначе. Я занимался любимым делом, получил соответствующее образование

и был вынужден уйти. Мне культурно сказали, что уважают меня, но 5-й пункт – увы. И вот теперь я никому не нужен и мое образование – тоже. Я вынужден заниматься не тем, чем хотел и собирался”.

“Я бы мог остаться жить в Фергане, но из-за образования РСФСР мы уехали из Ферганы, а две квартиры и свой магазин пришлось бросить и уехать”.

Духовные влияния – такие как книги, фильмы, вера в Бога – в качестве обстоятельств, влияющих на повороты судьбы, упоминаются крайне редко.

“Самое значительное в моей жизни – конечно же, приход к Богу в 1995 году. Пастор пригласил меня в протестантскую христианскую церковь. Мне там понравилось, и я осталась, начала служить”.

“Посмотрел я фильм «Тот самый Мюнхгаузен» – и понял, что жить надо стараться, как происходит в фильме. Ведь нельзя конкретизировать составляющую судьбы человека, его поведение, оценки жизненной ситуации. Моя жизнь наполнилась новыми эмоциями и жизненными устремлениями”.

Биография: судьба или проект?

Взгляд на собственную жизнь как проект, который можно задумать и потом систематически двигаться к намеченной цели, принципиально отличается от представления о своей биографии как судьбе. Судьбу можно угадать, ей можно противиться, но в рациональные отношения с ней вступать сложно.

Два вопроса анкеты предполагали выяснить обобщенный взгляд людей на свою жизнь: predetermined ли она кем-то свыше либо обстоятельствами – или человек может сам построить свою судьбу. Вопросы звучали так: *“Как Вы считаете, Ваша судьба – это, в основном, ряд случайностей, или же она была чем-то predetermined? Как Вы думаете, что в наибольшей степени predetermined ли Вашу судьбу?”* и *“Планировали ли Вы раньше и планируете ли сейчас свое будущее? Какие у Вас планы на жизнь? Как Вы думаете, Ваши планы осуществляются или нет?”*

Активные, целеустремленные, напористые убеждены, что они сами планируют и выстраивают свою судьбу.

“У меня шло в основном по своим планам. Обстоятельства особого влияния не оказывали”.

“Никаких случайностей, я сама выбрала свой путь – хотелось быть полезной в послевоенной разрухе”.

“Была цель – я шла к ней, старалась, я очень хотела иметь высшее образование. И я думаю, что это произошло не случайно, а потому, что я все делала для достижения своей цели”.

“Моя целеустремленность, напористость делает свое в жизни. Желание работать, обеспечить семью, создать свое материальное благополучие – это основа всей моей жизни. Потому получается, что мы сами принимаем участие в своей непосредственно складывающейся жизни”.

“Нет, это не случайности, это просто я так задумала, я хотела стать инженером – и им стала. А потом работала там, где меня поставили партия и правительство, хотя была беспартийная”.

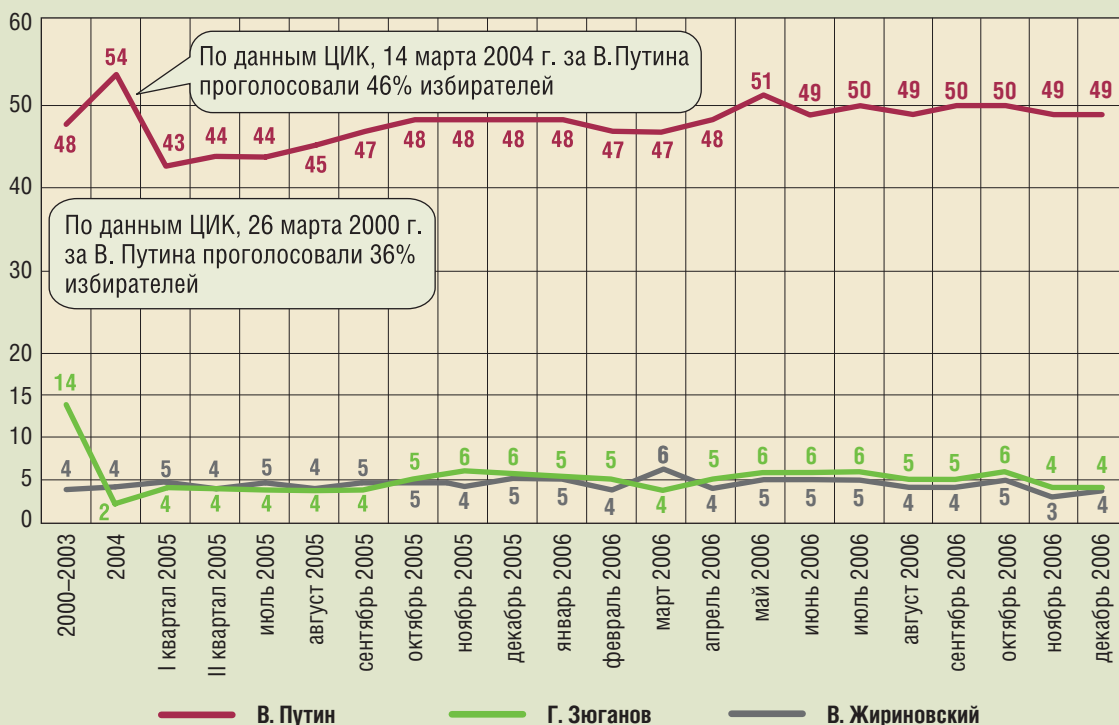
Окончание см. на стр. 57 →

Электоральные рейтинги

Данные в % от населения

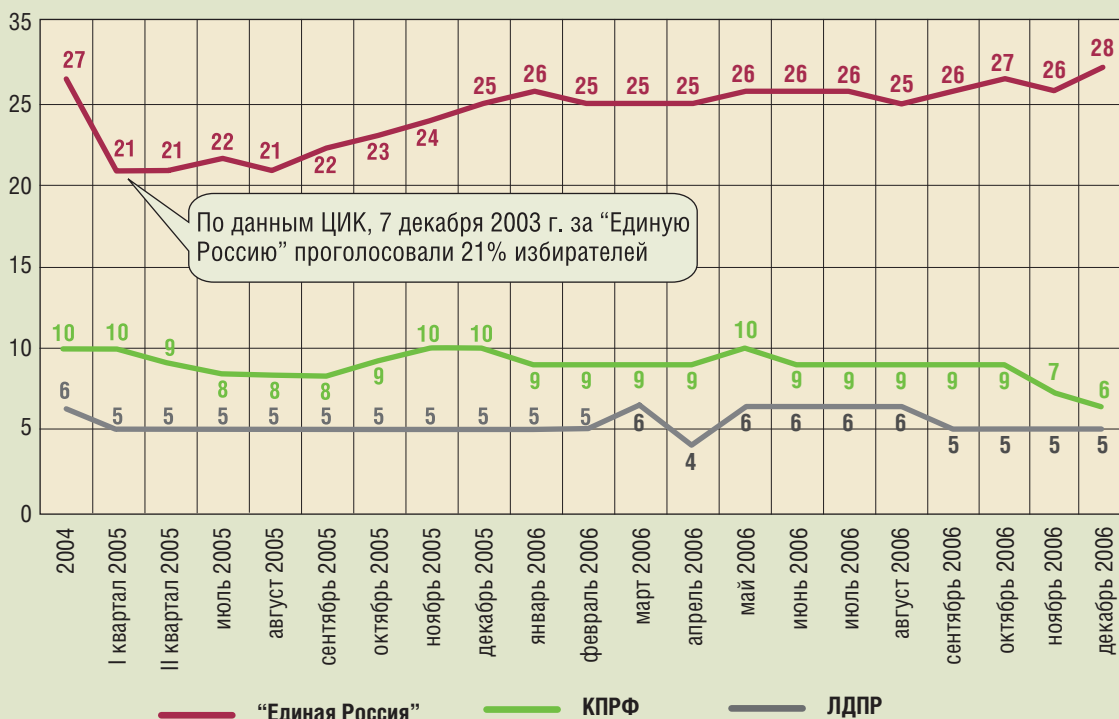
Политики

Представьте себе, что в ближайшее воскресенье состоится выборы президента с участием перечисленных политиков. За кого из этих политиков Вы бы проголосовали? (Карточка, один ответ)

Приведены рейтинги политиков, составляющие не меньше 2%.

Политические партии

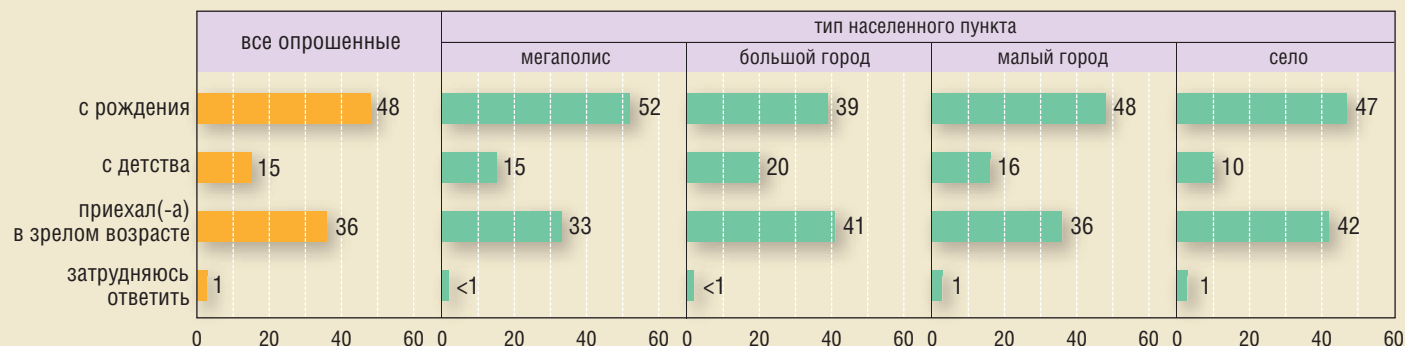
Если бы в ближайшее воскресенье состоялись выборы в Государственную думу, то за какую из перечисленных партий Вы бы скорее всего проголосовали? (Карточка, один ответ)

Приведены рейтинги партий, составляющие не меньше 2%.

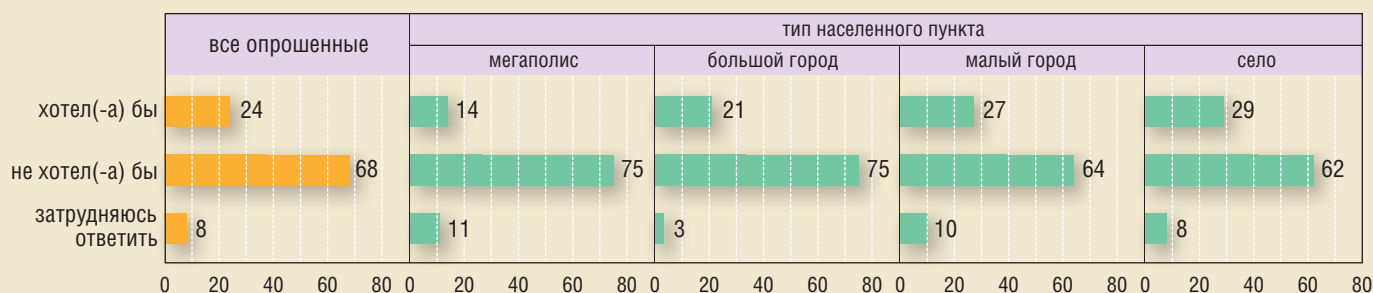
Смена места жительства

Данные в % от населения

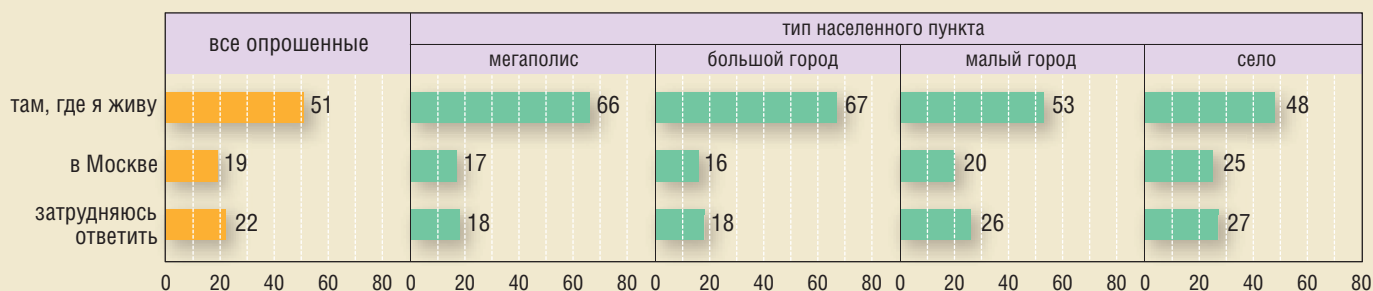
Скажите, пожалуйста, Вы живете в этом городе (селе) с рождения, с детства или Вы приехали сюда в зрелом возрасте?

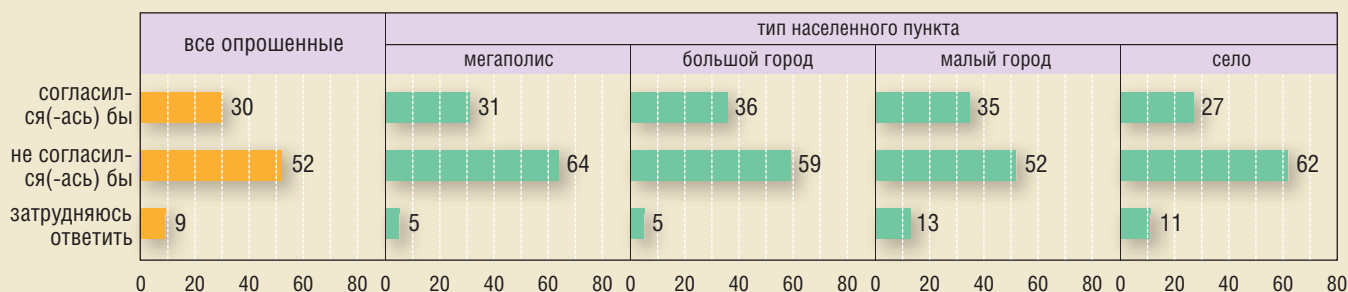
Скажите, пожалуйста, Вы бы хотели или не хотели сменить место жительства, уехать из этого города (села)?

Как Вы считаете, где лучше жить — там, где Вы живете, или в Москве? (Ответы немосквичей)

Скажите, пожалуйста, если бы лично Вам, Вашей семье предложили переехать в Москву, предоставив там жилье и, если необходимо, работу, Вы бы согласились или не согласились переехать? (Ответы немосквичей)

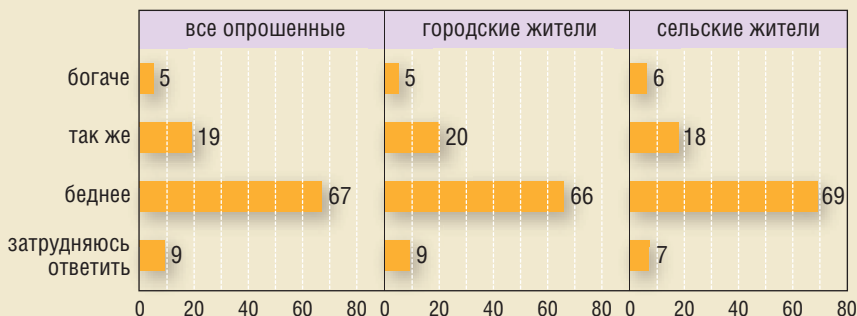

На графиках представлены данные опроса от 28–29 октября 2006 года. Выборка: 1500 человек

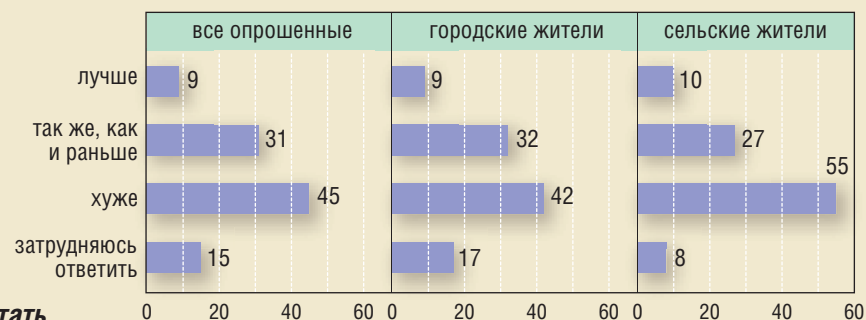
Сельские жители сегодня

Данные в % от населения

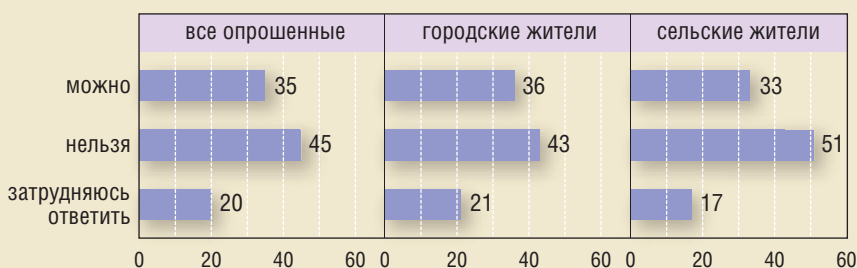
Как Вам кажется, сейчас люди, работающие в сельском хозяйстве, живут богаче большинства россиян, беднее или примерно так же?

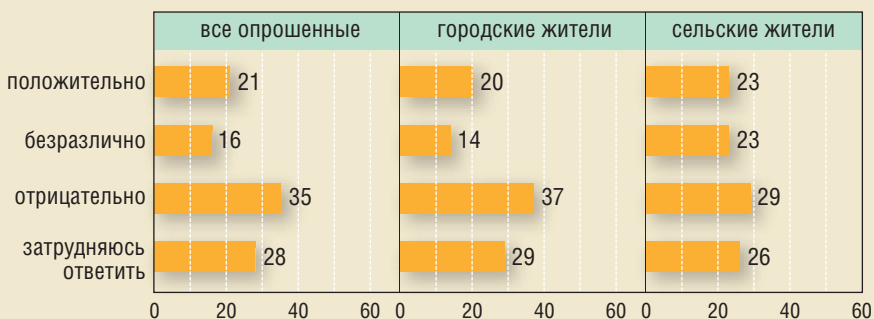
Если говорить в целом, как Вам кажется, за последний год люди, работающие в сельском хозяйстве, стали жить лучше, хуже или живут так же, как и раньше?

Как Вы думаете, сейчас можно или нельзя стать успешным, состоятельным, занимаясь сельским хозяйством?

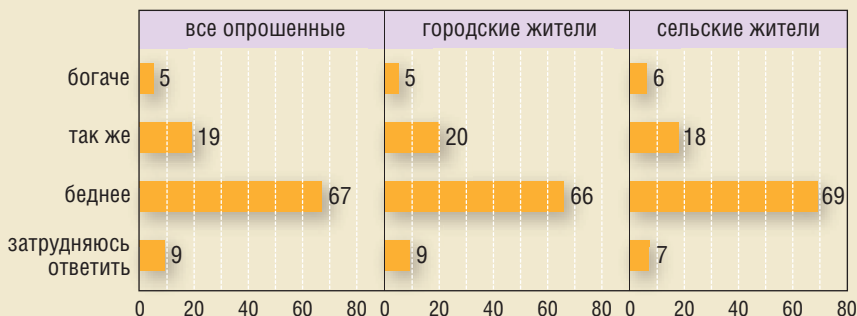
Как большинство сельских жителей, по Вашему мнению, относятся к тем односельчанам, которых можно считать успешными, состоятельными, — положительно, отрицательно или безразлично?

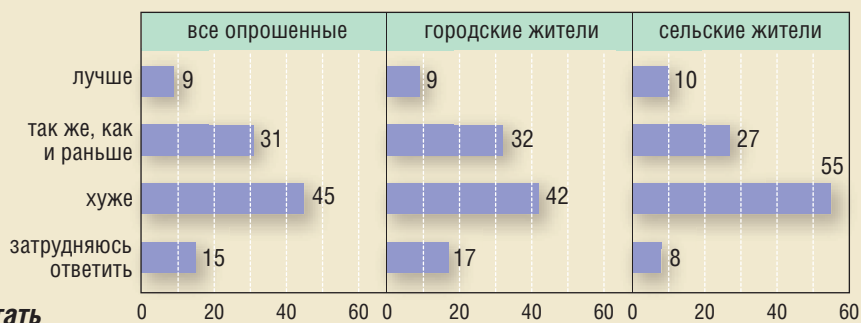
Сельские жители сегодня

Данные в % от населения

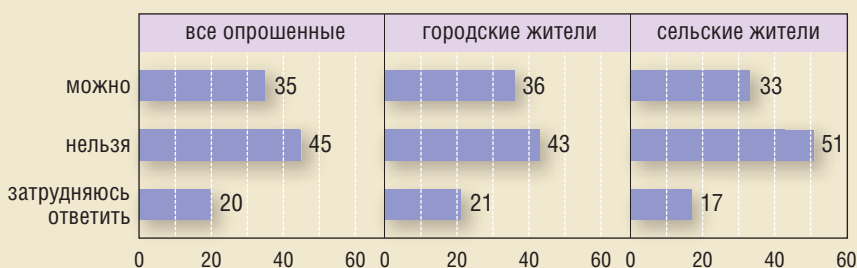
Как Вам кажется, сейчас люди, работающие в сельском хозяйстве, живут богаче большинства россиян, беднее или примерно так же?

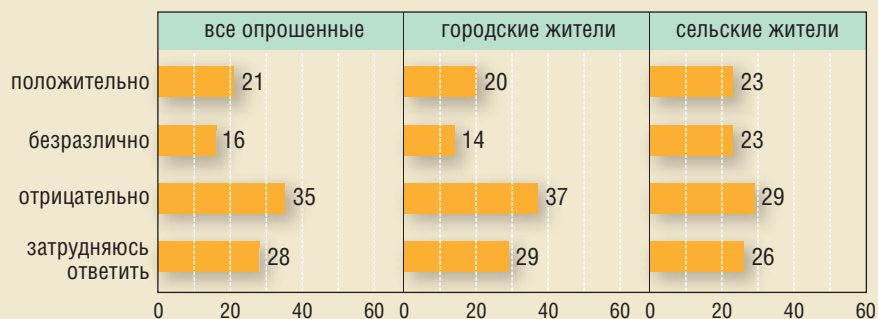
Если говорить в целом, как Вам кажется, за последний год люди, работающие в сельском хозяйстве, стали жить лучше, хуже или живут так же, как и раньше?

Как Вы думаете, сейчас можно или нельзя стать успешным, состоятельным, занимаясь сельским хозяйством?

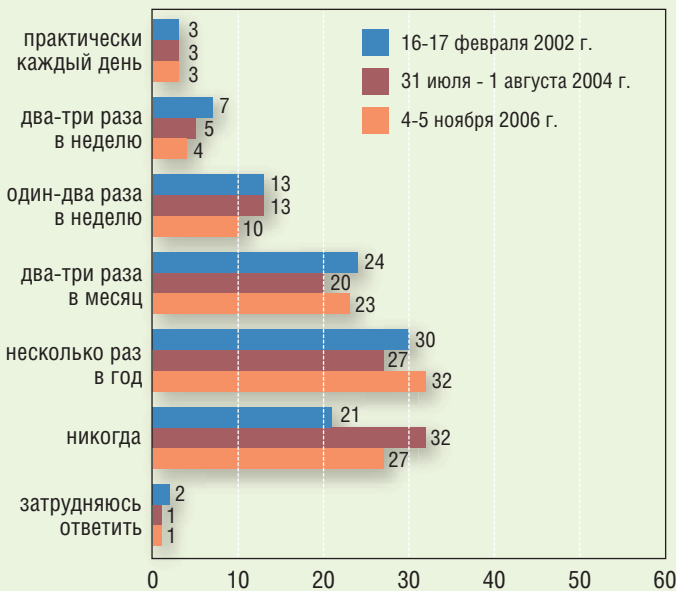
Как большинство сельских жителей, по Вашему мнению, относятся к тем односельчанам, которых можно считать успешными, состоятельными, — положительно, отрицательно или безразлично?

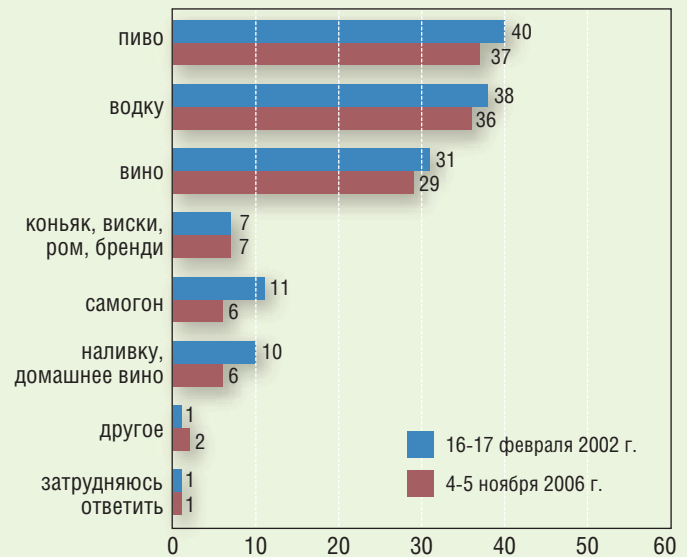
Спиртные напитки: страхи и практика

Данные в % от населения

Как часто Вы пьете алкогольные напитки?

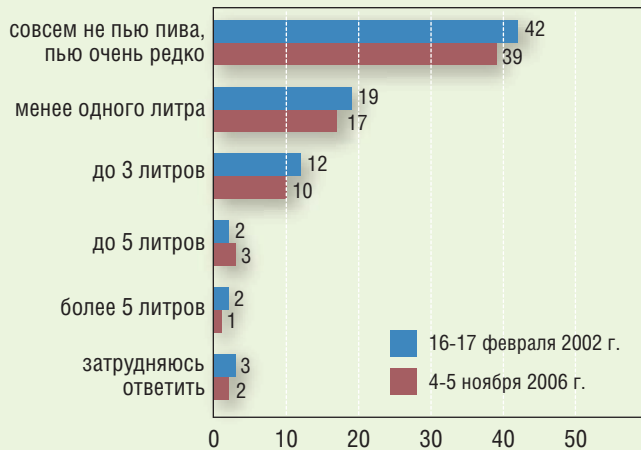

Скажите, пожалуйста, какие алкогольные напитки Вы, как правило, пьете?* (Карточка, любое число ответов)

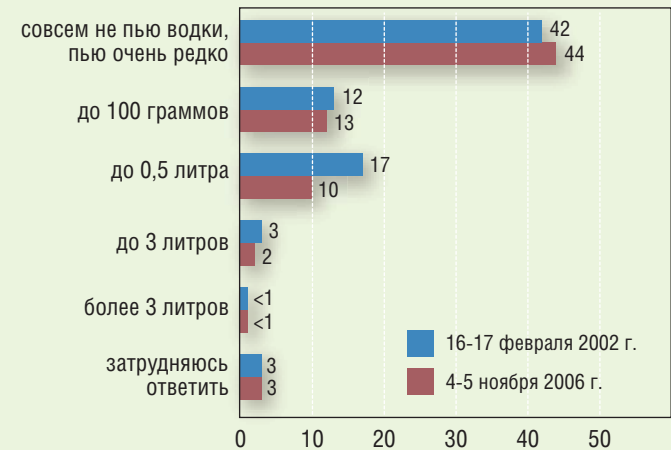
* Ответы заявивших, что они пьют алкогольные напитки по крайней мере несколько раз в год.

Сколько пива в среднем Вы выпиваете за неделю?*

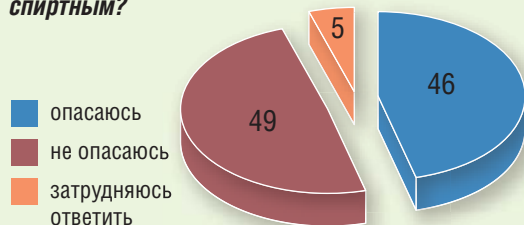
** Ответы заявивших, что они пьют алкогольные напитки по крайней мере несколько раз в год.

Сколько водки в среднем Вы выпиваете за неделю?***

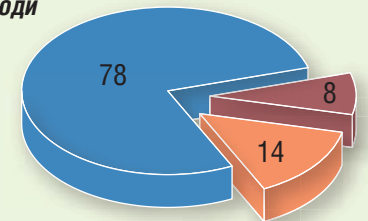
*** Ответы заявивших, что они пьют алкогольные напитки по крайней мере несколько раз в год.

Скажите, пожалуйста, лично Вы опасаетесь или не опасаетесь отравиться некачественным спиртным?

Большинству людей время от времени доводится покупать спиртное. Одни люди никогда не купят спиртное, если не будут уверены в его качестве и безопасности. Другие люди покупают спиртное, даже если не уверены в его качестве и безопасности. А как поступаете Вы – как первые или вторые?

как первые   как вторые   затрудняюсь ответить

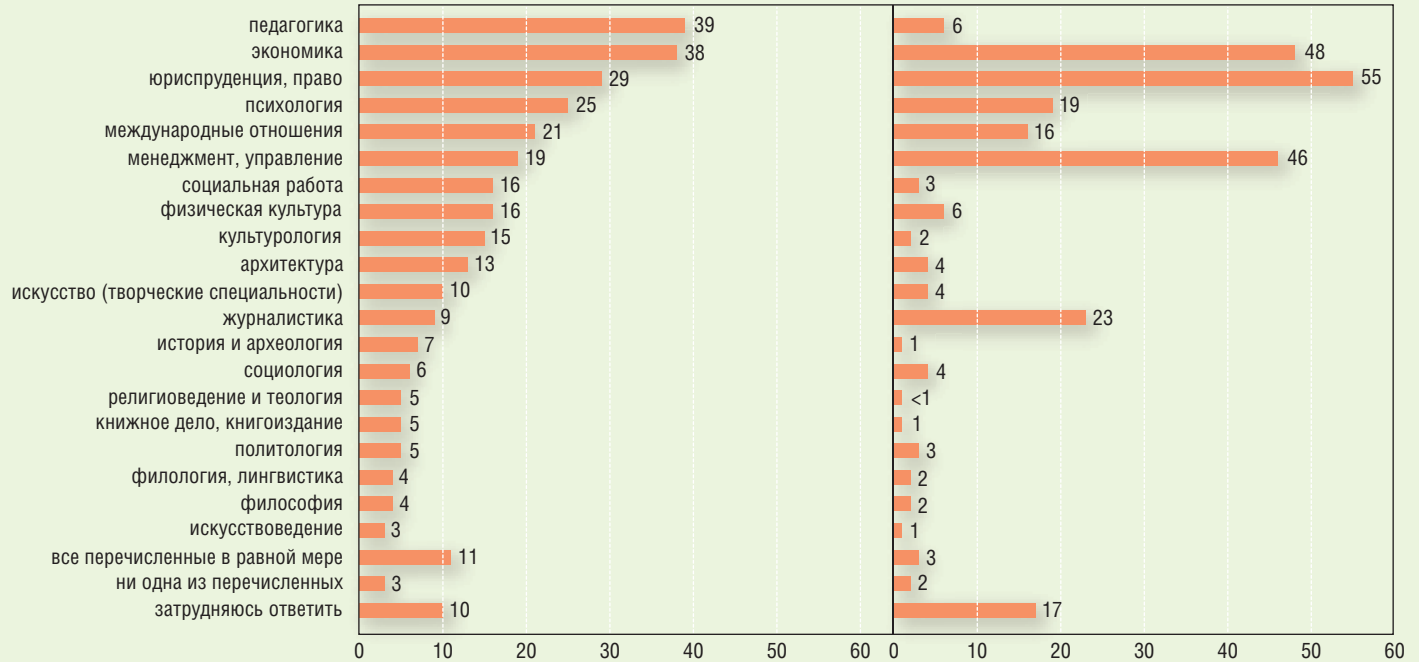
Высшее образование: востребованность и популярность гуманитарных и социальных специальностей

Данные в % от населения

Существует перечень специальностей гуманитарного и социального профиля, по которым ведется подготовка в вузах. Большинство этих специальностей перечислены на карточке

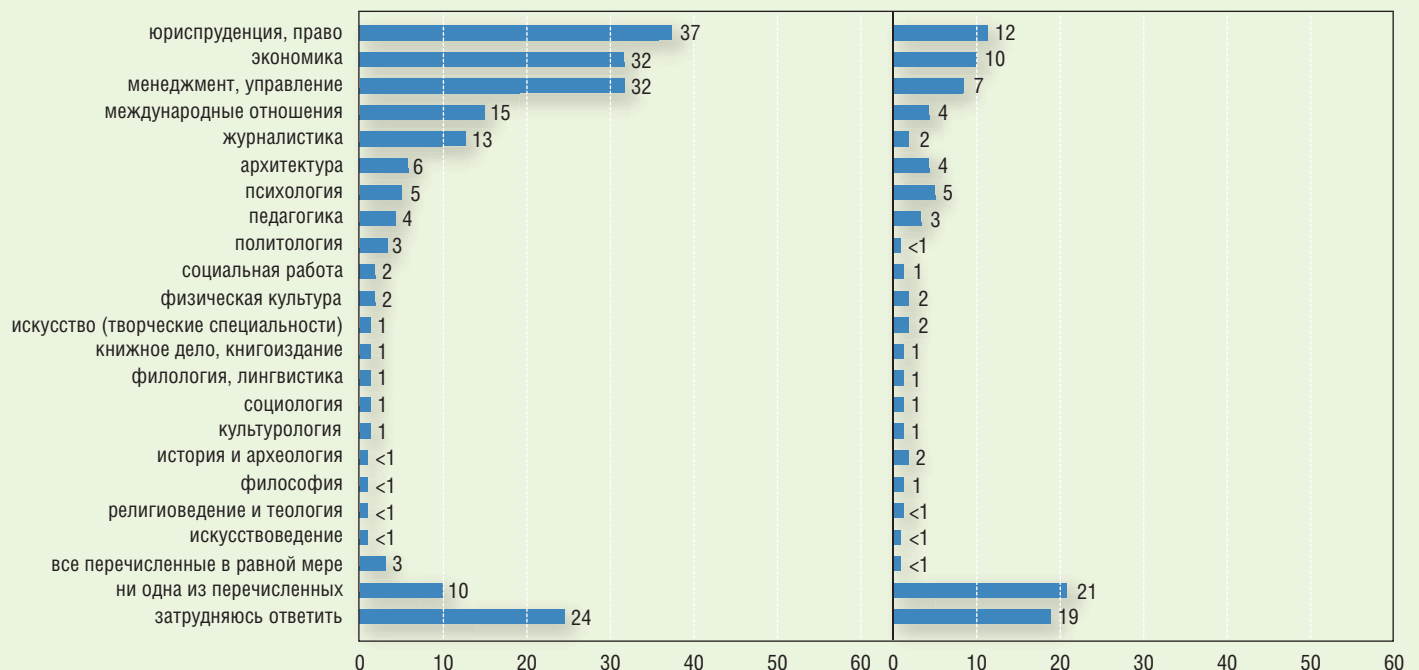
Посмотрите, пожалуйста, на эту карточку и скажите: представители каких специальностей, по Вашему мнению, больше всего нужны сегодня России, нашему обществу в целом? (Карточка, не более пяти ответов)

А какие из этих специальностей пользуются, на Ваш взгляд, наибольшей популярностью у молодежи? (Карточка, не более пяти ответов)

Скажите, пожалуйста, с какой из этих специальностей, по Вашему мнению, легче всего устроиться на хорошую, высокооплачиваемую работу? (Карточка, не более пяти ответов)

А если бы у Вас была возможность получить любую из перечисленных специальностей, то какую именно Вы бы выбрали? (Карточка, один ответ)

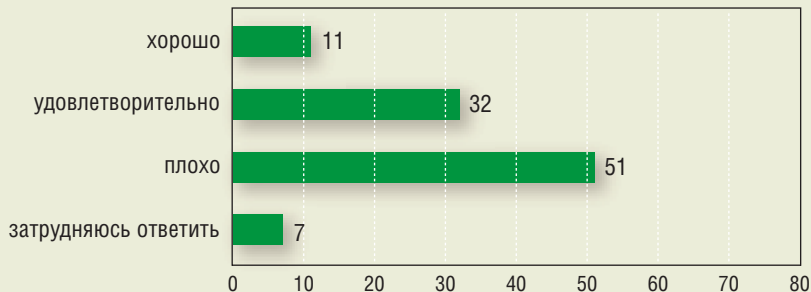

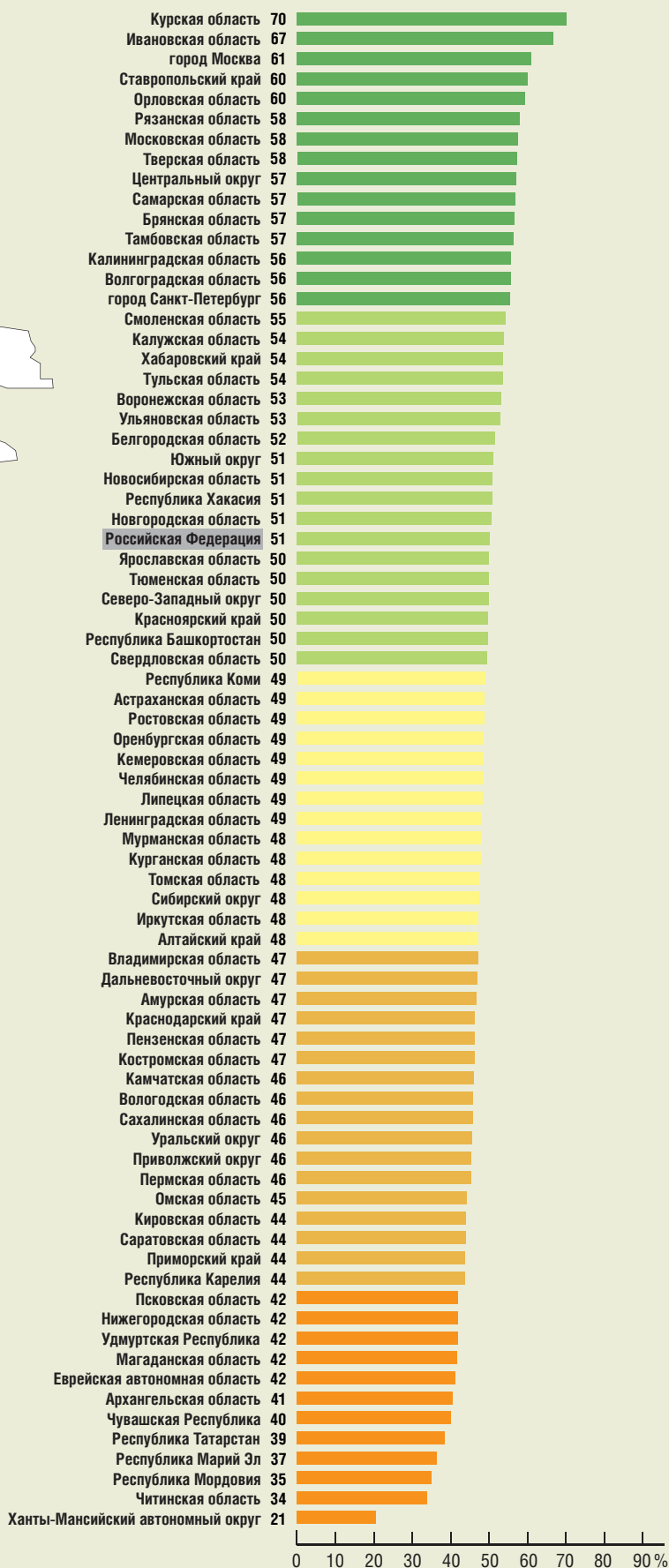
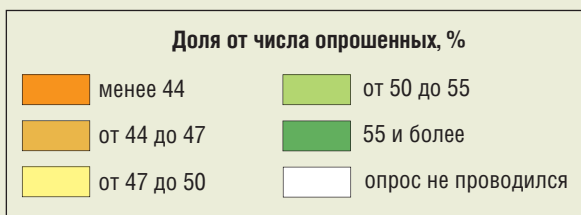
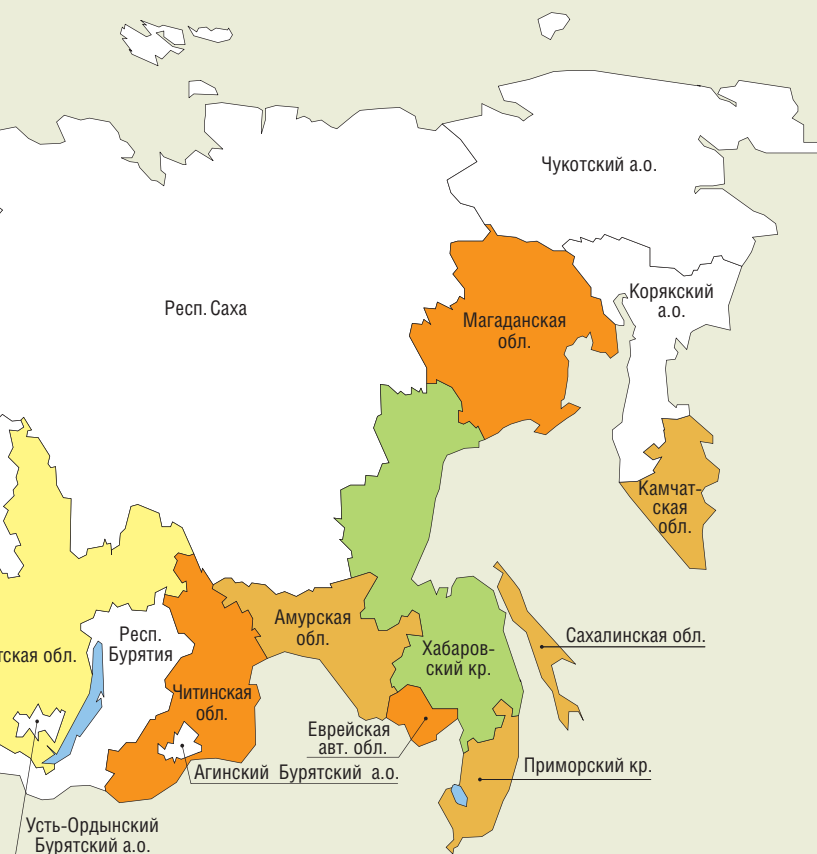
Оценка ситуации в сфере здравоохранения

Дела в сфере здравоохранения в области (крае, республике) обстоят плохо

Как, по Вашему мнению, в Вашей области (крае, республике) обстоят дела в сфере здравоохранения – хорошо, удовлетворительно или плохо?

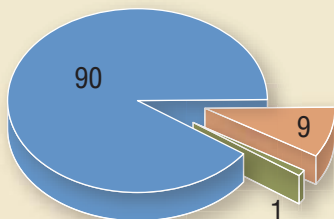
Банковские пластиковые карточки

Данные в % от населения

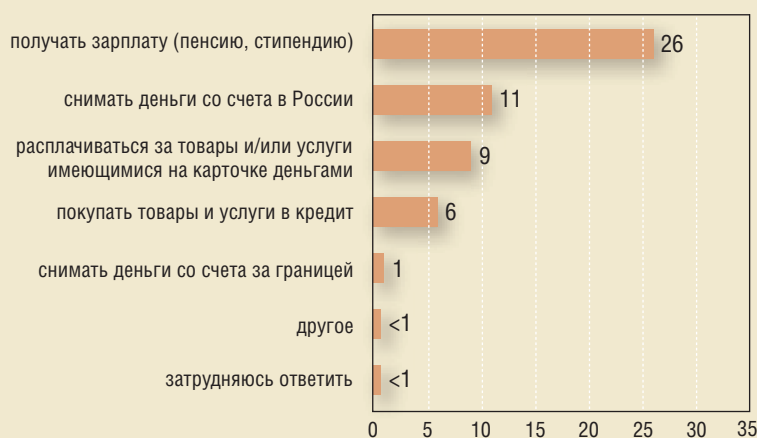
В последние годы в нашей стране появилась возможность пользоваться банковскими пластиковыми карточками: получать зарплату (пенсию, стипендию) на карточку, расплачиваться за покупки и т. д.

Вы когда-нибудь слышали или никогда не слышали о банковских пластиковых карточках?

- слышал(-а)
- не слышал(-а)
- затрудняюсь ответить

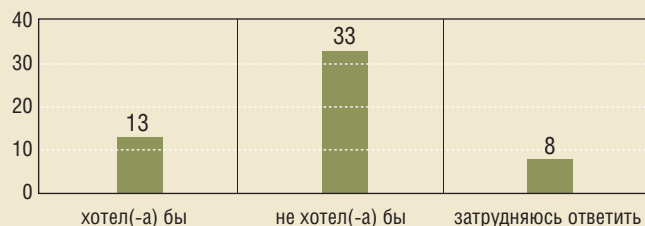

Что именно Вам доводилось делать при помощи пластиковой карточки за последние два-три года?* (Карточка, любое число ответов)

** Ответы заявивших, что им доводилось пользоваться банковской пластиковой карточкой.

Вы хотели бы или не хотели бы начать пользоваться банковской пластиковой карточкой?***

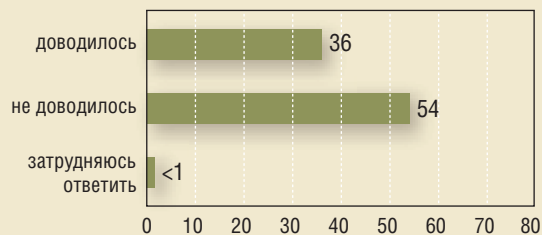
*** Ответы заявивших, что им не доводилось пользоваться банковской пластиковой карточкой, и затруднившихся с ответом.

Если бы у Вас была возможность выбирать, Вы бы предпочли получать зарплату (пенсию, стипендию) наличными или на пластиковую карточку?****

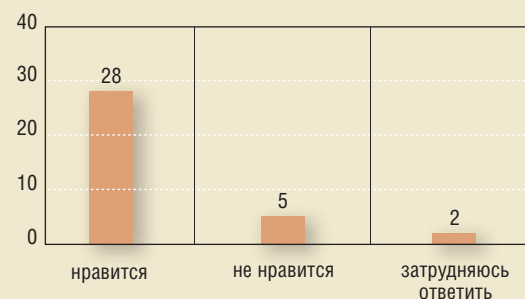
**** Ответы заявивших, что им доводилось пользоваться банковской пластиковой карточкой, и планирующих начать ею пользоваться в ближайшие год-два.

За последние два-три года Вам доводилось или не доводилось пользоваться банковской пластиковой карточкой?*

* Ответы заявивших, что они слышали о банковских пластиковых карточках.

Одним людям нравится пользоваться пластиковой карточкой, другим – не очень нравится. А Вам лично нравится или не нравится пользоваться пластиковой карточкой?*

А Вы планируете или не планируете в ближайшие год-два начать пользоваться банковской пластиковой карточкой?****

**** Ответы заявивших, что им хотелось бы начать пользоваться банковской пластиковой карточкой, но пока не доводилось.

По Вашему мнению, удобнее расплачиваться за товары и услуги наличными деньгами или пластиковой карточкой?*****

→ *Окончание статьи.*

Более осторожные уверяют, что есть ситуации выбора, а есть обстоятельства, которые сильнее нас. Именно сочетание этих факторов и создает уникальную биографию.

*“Каждый человек предопределяет свою судьбу сам, ну, может, процентов на 70. Остальное – рок, неудачи, характер. Разве хотели наши ребята умирать в Великую Отечественную или на том же «Комсомольце»? Разве можно предсказать те же землетрясения, гибель от пьяного водителя, переломы в гололед? Это уже судьба – сколько отмерено, столько и будет”.
“И случайности, и повороты – в масштабе государства. Резкие повороты в моей жизни предопределила война. А то, что мне хотелось получить образование, – это мой выбор, никто не заставлял”.*

Противники планирования жизненной траектории убеждены, что жизнь – это не проект и не промысел Божий, а цепь случайностей. Такой взгляд, вероятно, диктует стратегию охотника: ждать случая и постараться не упустить его, как добычу, которая сама идет к тебе в руки. Материалы интервью показывают, что сторонников такой жизненной стратегии у нас довольно много.

“Это был ряд случайностей. В один прекрасный день у меня появилась подруга, с которой мы случайно зашли в техникум и случайно поступили. Так же случайно я поступила в институт: просто открыла книжку, на глаза попался этот институт, и я решила наобум – поступлю, не поступлю. Случайно поступила”.

“Моя судьба – ряд случайностей, счастливых и несчастливых. Например, когда я был полностью ограблен нашим государством, то ехал в троллейбусе и встретил приятеля моего отца. Мы с ним пошли на завод, на котором он работал. И я устроился на работу. Там я и до сих пор работаю”.

“Да, я считаю, что вся жизнь состоит из случайностей. Случай свел, что я пошел работать в «Меркурий», случай, что встретил свою жену, что женился, – и так вся наша жизнь. Случай, что, не имея постоянной работы, приходится по случаю зарабатывать деньги. Да мне думается, что вся жизнь из случаев. Все складывается от случая к случаю”.

Люди живут в заданных обстоятельствах в определенное время, и поэтому они, конечно, отмечают влияние этих глобальных обстоятельств на свою жизнь.

“Моя судьба и биография предопределена безалаберностью руководства страны за последние пятнадцать лет. Разграбить богатейшую в мире страну – такую судьбу уготовило наше руководство не только нам, но всему народу”.

“Мою судьбу предопределило то, что я живу в этой стране. Если бы я жила в другой стране и работала бы по 16–18 часов в сутки, я бы была обеспеченным человеком. А сейчас я не имею ничего”.

“Одному кретину захотелось свергнуть самодержавие, другому – отказаться от коммунизма, а в итоге пришли к тому, что страна разваливается и разворовывается. А от того, насколько благополучно живет страна в целом, зависит жизнь и каждого человека в отдельности”.

Активные, целеустремленные, напористые убеждены, что они сами планируют и выстраивают свою судьбу. Более осторожные уверяют, что есть ситуации выбора, а есть обстоятельства, которые сильнее нас

Представления о божественной воле или карме часто возникают в ходе размышлений респондентов о собственной вине и Божьей каре за нее, или, наоборот, о стремлении жить по Божьим законам и надеждах на воздаяние.

“Думаю, что наша семья проклята. Когда мне было шесть лет, на моих глазах утонул мальчик семилетний. А я все думаю, что могла бы его спасти. После этого в семье начались одни неприятности”.

“Судьба predetermined каждому человеку при рождении, и изменить ее человек не в силах”.

“Я – мусульманин и очень верующий человек. Поэтому я считаю, что каждый шаг predetermined Богом и мы не в силах ничего изменить. Случайностей в жизни не бывает”.

“Я считаю, что в мире вообще нет ничего случайного. Любая мельчайшая деталь и глубоко организована, и находится под постоянным контролем. Моя судьба predetermined тем, через что мне необходимо пройти, что я и делаю.”

“Судьба каждого человека predetermined его предками. Одни делают в жизни пакости, другие за эти пакости отвечают”.

Отвечая на следующий вопрос – о планах на будущее, – эти респонденты часто говорили, что ничего не планируют, потому что планируют Бог, правительство, жена или ситуация.

“Ничего не планирую – что Бог даст, то и будет”.

“Раньше планировали, при той жизни, при советской власти, а сейчас у нас все отняли демократы, планировать сейчас ничего нельзя, не знаешь, что завтра будет”.

“Я стараюсь об этом не думать. Как будет – так будет. Как написано на роду – так тому и быть. У каждого свой крест. Даже боюсь думать о будущем”.

“Я – нет. Жена у меня все говорит, я с ней соглашаюсь. Мне сейчас до пенсии дотянуть. Работать уже устали. Порой здоровье подводит, а там и помереть можно”.

“Что я могу планировать? Как жизнь подсказывает, так и живем. День прошел – и слава Богу”.

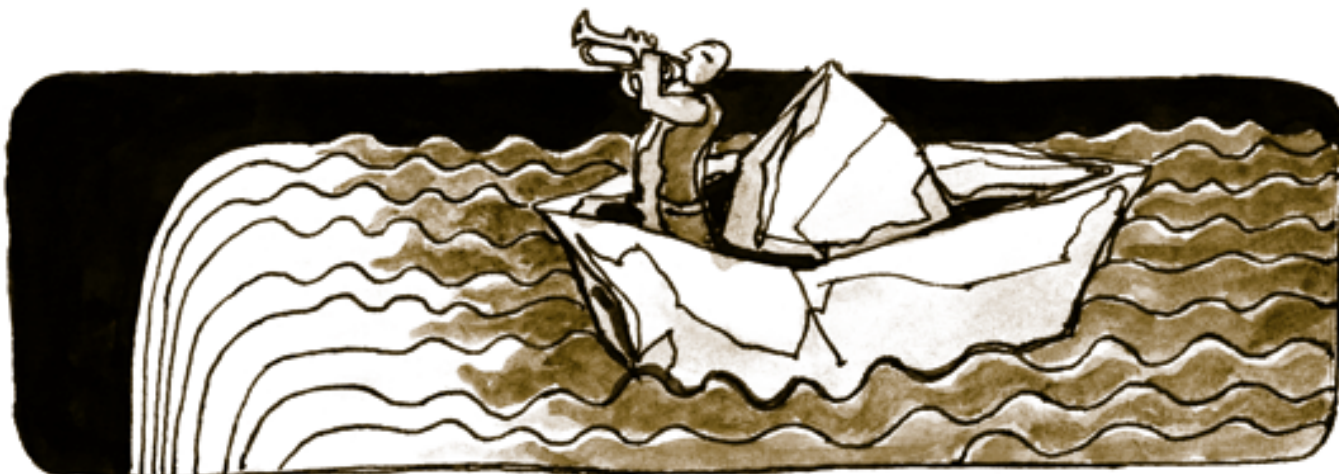
Сравнительно более молодые, активные и самостоятельные люди, в отличие от уповающих на судьбу, строят планы. И чем больше ресурсов, тем долгосрочнее планирование. Планируют сделать карьеру, найти работу по душе и с хорошей зарплатой. Как правило, эти респонденты добавляют, что надеются на осуществление своих планов.

“Сейчас планы – закончить институт, получить юридическую практику, работать по специальности. Надеюсь, что планы эти осуществятся”.

“Сейчас работа у меня получше, чем пять лет назад. Но хотелось бы еще найти лучшие. Думаю, планы мои осуществляются”.

“Да, я планировала и планирую. Самое важное сейчас для меня – это опубликовать материалы по живописи, которые уже давно у меня готовы”.

“Да, конечно, планирую. Я хочу еще закончить аспирантуру, а потом заняться преподавательской деятельностью. Я думаю, что я добьюсь своего. Половину я уже сделала – то есть сдала экзамены в аспирантуру”.

“Планирование всегда присутствует в моей жизни, без него просто нельзя. В дальнейшем я планирую завести еще двоих детей, получить второе образование – юридическое, получить хорошую высокооплачиваемую работу. Хотелось бы переехать в более теплый регион и поменять город. Очень важно обеспечить стабильность своим родителям, позаботиться об их старости. Планы осуществляются”.

“Раньше планировал свою жизнь и сейчас тоже: получить диплом, продолжить свою работу, повышать свою профессиональность и достичь достойного положения в обществе. Думаю, что планы мои осуществляются”.

Типичные планы у людей, которые считают свое положение прочным, включает набор, выраженный в крылатой фразе: “вырастить сына, посадить дерево, построить дом”.

“В настоящее время планирую, что дети закончат институт, женятся – буду внуков воспитывать. Тогда внуками займусь. Для этого и дачу строю. Думаю, что осуществляются эти планы”.

“Планирую приобрести профессию, найти свое место в жизни, счастье. В данное время я учусь в институте, и мне хотелось бы его закончить. Вырастить сына, вырастить розарий”.

“Планирую замуж выйти, двойняшек родить – мальчика и девочку”.

“Вот сейчас женюсь, буду работать, жену содержать, потом детей растить. Их выучить надо, а потом посмотрим. Надеюсь, что все выгорит, как я думаю, а что! В этом нет ничего запредельного”.

“Поступил в техникум, запланировал закончить – закончил. Так же с институтом. Вот у нас сад – хотим посадить и собрать урожай. В работе я ставлю перед собой цели и стремлюсь достичь их. Главный план – поднять на ноги детей своих, выучить, чтобы они могли содержать себя”.

“Да, и раньше, и сейчас я планирую свое будущее. Я хочу успешно завершить Академию, получить любимейшую профессию, жениться на прекрасной девушке и родить троих–четверых детей. И, конечно, жить в достатке и помогать другим людям”.

Планируются путешествия и покупки.

“Я считаю, что при любых жизненных обстоятельствах надо что-то планировать в своей жизни. В ближайшие мои планы входит путешествие, поездка за границу. Надо видеть и понимать, как живут в других развитых странах, это нужно для будущего планирования своей жизни”.

“Планирую заработать и купить себе 99-ю модель «Жигулей». Возьму в аварийном состоянии, подработаю и буду пользоваться”.

Помимо планов, связанных с семьей и обеспечением быта, у наших молодых современников появились и намерения, которых не было у их родителей, живших при социализме: открыть свое дело.

“Конечно, я строю планы на будущее. Я планирую закончить университет и найти интересную и высокооплачиваемую работу. Может, даже смогу создать частное дело, связанное со сферой образования. Также я планирую удачно выйти замуж, иметь детей и жить долго и счастливо”.

“Конечно, стараюсь планировать. Хочется, чтобы дочь поступила в институт. А бытовые планы, на работе – хотим приобрести более независимый статус своего дела, но это пока неясно”.

Конечно, все люди хотят жить богато, но прямо заявлять об этом по-прежнему вне нормы. И в мечтах о хорошей работе, и в планах на семейную жизнь в первую очередь упоминаются другие ценности. Тем более любопытно появление (крайне редкое) прямо заявленной мечты стать богатым.

“Я планировал и планирую свое будущее. Главное – обогатиться. Я не могу сказать, обогащусь ли я, все зависит от обстоятельств, которые сложатся в данный момент”.

“Свое будущее планирую. Хочу поступить учиться, получить специальность, иметь в дальнейшем свое дело, найти богатую невесту. Думаю, планы осуществятся”.

Существует некоторый стандарт жизненного успеха, который включает не богатство, а “нормальную” жизнь, и позволяет говорить, что планы сбылись.

“Да планы у меня уже почти что все сбылись: работа есть, живу нормально, машина тоже есть”.

Те, кто считает свое положение менее стабильным, подчеркивают, что сейчас планы можно строить только на короткое время.

“Раньше планировал постоянный рост достатка и положения в обществе. А сейчас планирую не далее одной недели. Ближайшие планы: съездить на дачу и получить аванс. Аванс не мешает съездить на дачу, а мешает семья и работа”.

“Раньше я всегда планировала свое будущее, а сейчас мои планы расстраиваются максимум на неделю (и то я не уверена, что они могут осуществиться)”.

“Планировать свою жизнь сейчас очень сложно, даже невозможно. Конечно, я планирую свою жизнь, но только на короткий срок. Ситуация меняется практически каждый месяц, нет никакой гарантии, что мои планы осуществятся, так как ситуация в стране, в крае нестабильная”.

Но на этот счет существует и прямо противоположная точка зрения: именно нестабильная ситуация стимулирует разработку жизненных стратегий, потому что нужно постоянно отслеживать направления изменений и корректировать планы.

“Раньше все шло как по накатанному, а сейчас планирую. На пенсию – и заняться языком”.

“Раньше особенно и не надо было ничего планировать, как-то все было стабильно. Сейчас планы – детей на хорошую дорогу поставить, а мы, наверно, будем работать, пока не умрем”.

“Раньше ничего не планировала, все шло само собой, а сейчас планирую. Хочу отучиться, получить хорошую специальность, хочу выучить английский хорошо, хочу свою квартиру, думаю, что у меня получится, если постараться”.

Подчас респонденты связывают свои частные планы с надеждами на стабильность и благополучие страны.

“Верю, что народ вздохнет, что наша страна возродится. А если в стране будет все в порядке, то и нам, простым людям, будет можно строить планы и реализовывать свои мечты”.

“Я планирую жизнь на будущее без больших войн и глобальных катастроф, а простым накоплением денег. В ближайшем будущем я планирую попробовать построить балкончик с погребом, так как живу на первом этаже”.

“Хочется, чтобы не было войны. Сначала я хочу родить второго ребенка, потом найти хорошую, интеллектуальную работу”.

Выводы

1 Проанализированные биографии показывают, как в жизни каждого человека переплетаются внешние условия, в которых он вынужден существовать в данное время и в данном месте, и его собственные жизненные стратегии, во многом обусловленные тем, как он объясняет свою жизненную ситуацию, кого считает ответственным за те или иные повороты своей биографии. Из материалов интервью видно, что склонность считать, что “моя жизнь в моих руках”, либо, наоборот, что она зависит исключительно от других людей и обстоятельств, в значительной степени определяется наличием материальных и социальных ресурсов: молодые, состоятельные, имеющие образование, живущие в больших городах люди чаще склонны считать себя хозяевами своей судьбы. Те же, кто не получил достаточного образования, не имеет хорошей, высокооплачиваемой работы и особенно родительской опеки и поддержки практически в течение всей жизни, полагают, что их судьба либо совсем от них не зависит, либо зависит в незначительной степени.

2 Из материалов интервью видно, насколько устойчивым является нормативный стереотип, согласно которому родители должны посвящать себя детям, заботиться о них, опекать и контролировать их судьбу. Родители, которые “все отдали детям”, жили для детей, считаются хорошими, а те, кто оставлял их один на один с жизненными трудностями, – плохими. Социальные условия

формируют и закрепляют этот нормативный стереотип. Бедная жизнь большинства населения приводит к тому, что в течение одной жизни эти люди не могут достичь определенного жизненного стандарта, который считается “нормальным”: квартира, машина, двое–трое детишек, дача. Второе обстоятельство связано с тем, что институциональная социальная сфера находится в парализованном состоянии. Свидетельства этому каждый день люди видят вокруг себя, и поэтому у них остается только одна надежда: на родственников и в первую очередь – на родителей.

Примечательно, что респонденты подчас говорят, что они, будучи уже во вполне зрелом возрасте, принимали жизненно важные решения (выбор профессии, места жительства, брачного партнера) под давлением родителей и потом сожалели об этом выборе. В этих интервью мы можем отметить конфликт между ценностью личностной автономии и патерналистским культурным стереотипом.

3 Биографии участников панельного опроса часто включают описания проблемных жизненных ситуаций, в которых фигурируют значимые события и обстоятельства, оказавшие непосредственное или опосредованное влияние на их мировосприятие, поведение, и в конечном счете – на судьбу. Проблема возникает тогда, когда нарушается упорядоченное течение жизни, а необходимость решать ту или иную проблему требует от человека мобилизации его жизненных сил, повышенной активности, принятия судьбоносного решения (уезжать или оставаться; увольняться или терпеть произвол начальства и невыплаты зарплаты; разводиться или сохранять семью). Эти проблемы решаются человеком во взаимодействии с другими людьми, и интересно посмотреть, кто эти “другие”. В первую очередь это, конечно, члены семьи, причем семьи нуклеарной; довольно редко встречаются среди “значимых других” представители второй и третьей степени родства. Во-вторых, это друзья, коллеги, начальники, иногда – педагоги в средней и высшей школе. Пожалуй, этими “другими” и ограничиваются сети социальной поддержки для индивида.

Полностью отсутствуют институциональные, и, в частности, государственные институты социализации и социальной помощи; упоминание религиозных институтов встретилось в двух или трех интервью, причем об активной роли церкви однозначно сказано только в одном интервью, где упомянута протестантская церковь, служитель которой принял участие в судьбе респондента. Часто упоминаются проблемы на работе, но профсоюзы не упомянуты ни разу.

4 Ограниченность социальных контактов означает дефицит коммуникации между людьми, оказывающимися

в разных жизненных ситуациях, относящихся к разным “группам сознания” (то есть группам с разными социальными установками). Следствие ограниченности коммуникации – отсутствие “обмена опытом”, то есть питательной среды для зарождения, воспроизводства и трансляции успешных жизненных стратегий. Нарушенная социальная коммуникация во всех формах – текстовой, устной, образной – ведет к замедлению процессов “социального метаболизма”, если ис-

Деньги как символ жизненного успеха упоминаются крайне редко. Это не означает, что деньги не являются критерием успеха, но означает, что признаваться в этом считается не совсем приличным

пользовать биологическую метафору. Это означает, во-первых, что будут углубляться социальные различия в стилях жизни, и, во вторых, что будут консервироваться малоуспешные стратегии выживания с опорой на собственные силы и силы родителей.

5 Описания повседневных практик в собственной биографии показывают, какие человеческие черты оказываются сегодня востребованными. Это: активность, инициатива, гибкость, преопределяющие готовность быстро менять жизненные стратегии, профессии, место проживания. Именно об этих качествах свидетельствуют интервью успешных респондентов. Трудолюбивые, но терпеливые чаще остаются в проигрыше.

6 С приписыванием ответственности за свою судьбу себе, обстоятельствам или другим людям связано и отношение к будущему, и вообще к своей жизни как к судьбе или проекту. Конечно, это тоже не сугубо психологическая характеристика. Проектировать жизнь и строить ее по этому проекту можно только в стабильных социальных условиях и располагая ресурсами для такого строительства.

7 Примечательно, что большинство биографий рассказываются “по правилам”. Правила эти относятся прежде всего к отбору фактов для повествования. Распространенные стереотипы, в частности, проявляются в том, что респонденты часто и охотно рассказывают об учебе и о работе, продвижении по службе, поисках возможностей для самореализации в работе, наградах за хороший труд. Упоминаются даже звания “ударника социалистического труда”, к которым при социализме большинство людей относились с иронией. О деньгах упоминания весьма редки, и чаще всего возникают тогда, когда речь идет о сильной материальной нужде, финансовых потерях в результате реформ, постоянном режиме экономии. Деньги как символ жизненного успеха упоминаются, но тоже крайне редко. Это не означает, конечно, что деньги не являются критерием успеха, но означает, что признаваться в этом считается не совсем приличным. О том, как они питаются, где покупают продукты и одежду, как отдыхают, люди тоже рассказывают весьма скупно: это не считается важным, и это тоже, видимо, эхо “безбытного” советского существования. Исключение – упоминания жилищных условий, наличия или отсутствия квартиры, и немногие упоминания о зарубежных поездках, которые воспринимаются как незаурядное событие.

Самоцензура не позволяет респондентам упоминать о собственных неприглядных поступках или о том, что называют “социальными болезнями”. Но и там, где говорится об этом, ответственность за собственное пьянство, употребление наркотиков, неспособность воспитать детей, конечно же, приписывается обстоятельствам: тяжелой жизни, судьбе, ниспосланной свыше, невниманию собственных родителей. Последнее – особенно распространенный мотив оправдания своих пороков и жизненных неудач: “родители пили – и я пью”; “отец меня бросил – и я развелся”.

Самоцензура не позволяет респондентам упоминать о собственных неприглядных поступках или о том, что называют “социальными болезнями”. Но и там, где говорится об этом, ответственность за собственное пьянство, употребление наркотиков, неспособность воспитать детей приписывается обстоятельствам

W A P E

Памяти Юрия Александровича Левады

В любом деле есть авторитеты. Но крайне редко в сообществе бывает кто-то, чей авторитет – неоспорим, репутация – несомненна, лидерство – бесспорно. В российской социологии так было. До черного четверга, 16 ноября 2006 года. В этот день умер Юрий Александрович Левада. За рабочим столом.

Его верность идеалам социологии как науке советская власть испытывала гонениями, но он стал Легендой и Учителем. Его интеллект и глубокое понимание постсоветской социальной реальности привели к разочарованиям, но превратили в Гуру, чей негромкий голос нельзя было ни спутать, ни игнорировать.

Я знал его примерно пять лет. Знал в том смысле, что слушал и говорил с ним. Это было двадцать лет назад, когда я – технарь-программист – не мог понять его. Как и он меня. Ровно пятнадцать лет назад он сказал мне об этом. С тех пор его голос я слышал только через тексты. Слышал, потому что слушал. Все это время я шел “от мнений к пониманию”, к социологии. И – подспудно – к прерванному разговору. Еще вчера возможно было возобновить его. Но не сегодня. И уже никогда...

Простите, Юрий Александрович!

Александр Ослон

Редакция попросила известного российского социолога, профессора Владимира Александровича Ядова рассказать о Юрии Александровиче Леваде как ученом и человеке, об истории их знакомства. Публикуем полученный ответ

Мы познакомились с Юрием Левадой во второй половине 60-х годов в московском Институте конкретных социальных исследований (ИКСИ), где поначалу собрались наиболее мыслящие, но знающие о социологии с пятого на десятое люди. Поэтому для тех, кто пришел в институт, крайне важны были объявленные там два-три семинара. Семинар Левады обычно был переполнен, так как на нем обсуждались ключевые вопросы социологии как области знания. Помню,

как бурно обсуждалась на семинаре проблема законов функционирования общества, поскольку истмат утверждал лишь закономерности развития. В ИКСИ Левада возглавлял сектор. Тогда же он читал лекции в МГУ, за которые потом, после выхода книги по этим лекци-

ям, подвергся партразбирательству. Его написанная в те годы основательная книга по социологии религии была блестяща.

Левада выделялся из компании институтских руководителей лишь своей крупной фигурой. Он не важничал, помалкивал на партсобраниях, не ухлестывал за девушками (здесь лидировали Бурлацкий и Шляпентох), но всегда находил время поговорить по существу и порекомендовать нужную публикацию. В институте существовал своего рода дружеский круг нескольких социологов, куда входил и я. Собирались для разговоров в каком-нибудь кабинете за чашкой кофе, никогда со спиртным, и обсуждали замыслы планируемых исследований. Иногда тогдашний директор Алексей Матвеевич Румянцев устраивал свой семинар. Помню, на одном из таких семинаров он сказал: “Подумайте над вопросом: все формации создавались исторически естественным путем, и лишь одна – иначе”. Такова была атмосфера в ИКСИ, где Левада со

своим отделом процветал и притягивал массу других сотрудников.

С появлением Руткевича, нового директора института, мы собирались по-прежнему, но треть времени уходила на выработку тактики борьбы с “Бульдозером” (термин Грушина). Левада вынужден был уйти, Грушин ушел, Шубкин заявил, что Руткевичу надо бы командовать штрафбатом, а не директорствовать, и т. д. Я работал в питерском филиале института и стал реже бы-

вать в московском институте.

Если говорить о школе Левады, то это скорее его команда во ВЦИОМе или нынешнем Левада-Центре. Он постоянно проводил теоретические семинары, приглашая на них и других ученых. Не пользовался отпуском, не заботил-

ся о своем здоровье, хотя Татьяна Заславская в последнее время настаивала на том, чтобы он обследовался.

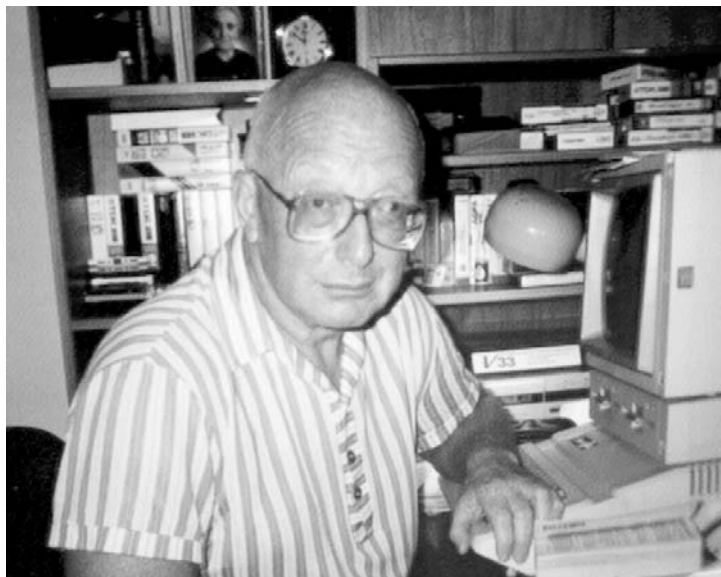
Мы дружили, и Юрий был верным другом. Немедля согласился войти в ученый совет Института социологии, когда я был директором-организатором института. Не помню случая, чтобы он отказал в помощи, какая бы она ни была. С моим водителем Наташей был дружен, как и со мной. В отличие от некоторых интеллигентов никогда не допускал нецензурщины.

Если бы не добровольно взятая на себя обязанность писать передовицу в каждый номер выпускаемого им журнала, Левада за последние годы помимо книги “Советский простой человек”, помимо сборников своих публикаций, уверен, издал бы что-то монографическое, ибо всегда перелопачивал множество книг и размышлял.

Мы потеряли настоящего интеллигента-гражданина, выдающегося ученого и человека, который был безотказным другом. ■

В. А. Ядов (слева) и Ю. А. Левада (справа), 2000 г.

“Советские социологи лучше американцев в организации опросов”

Интервью Владимира Шляпентоха Борису Докторову

От ведущего интервью. Долгая и успешная жизнь в науке Владимира Эммануиловича Шляпентоха (в этом году он отмечает свое 80-летие) – серьезнейший повод для беседы с ним. Ученый интересен еще и тем, что фактически у него две профессиональные жизни: первая – в СССР, вторая – в США, но одна многолетняя и всепоглощающая страсть – исследование сознания населения СССР / России. В десятках его книг по этой тематике (первая из которых увидела свет больше тридцати лет назад, а последняя – несколько месяцев назад) читатель всегда находит глубокие социальные выводы, острые политические суждения и тонкие методологические размышления. Это – стиль работ Шляпентоха. Согласиться с ним во всем невозможно, да, по-видимому, он и не ждет этого от читателя. Его цель – инициировать дискуссию, интересную, плодотворную для обеих сторон. Это – дух работ Шляпентоха. Думаю, что в нашем интервью отчетливо проявляются обе эти стороны работы ученого.

Настоящий текст – сокращенный вариант интервью, в полном виде публикуемого в книге Владимира Шляпентоха “Проблемы качества социологической информации: достоверность, репрезентативность, прогностический потенциал” (М.: Центр социального прогнозирования. 2006). Здесь приводятся фрагменты нашей онлайн-беседы, касающиеся становления опросов общественного мнения в СССР и ряда связанных с этим проблем.

В книжном варианте интервью нет биографической информации, поэтому восполню этот пробел.

Владимир Шляпентох родился 19 сентября 1926 года в Киеве. В 1949-м он окончил исторический факультет Киевского университета и через год – заочно – Московский статистический институт. Работал в Киевском областном статистическом управлении, преподавал статистику в статистическом техникуме, в зооветеринарном и сельскохозяйственном институте, в 1962–1969 годах читал курс статистики и истории экономи-

ческих учений в Новосибирском университете. С 1969-го до эмиграции в США (1979) работал в Институте социологических исследований АН СССР в Москве.

В 1956 году Владимир Шляпентох защитил кандидатскую диссертацию по экономике – о мальтузианстве, через десять лет – докторскую на тему “Эконометрика в западной экономической науке”.

Долгие годы Владимир Шляпентох является профессором Университета штата Мичиган. Он вел курсы “Социальные ценности в СССР и США”, “Методы изучения общественного мнения”, “Введение в социологию”, “Методы опросов” и другие. Сейчас читает курс “Современное российское общество”. Темы его исследований последних лет: идеология и общественное мнение в России; природа постсоветского общества; феодализм и современное общество (на примере США, Франции и России); порядок и роль страха в его поддержании в современном мире.

– *Володя, когда у тебя появился интерес к самостоятельным научным поискам?*

– По-настоящему моя творческая жизнь началась в Академгородке в начале 60-х, тогда Владимир Шубкин, распознав мои гуманитарные склонности, толкал меня в социологию. Удовольствие от творческой деятельности я ощутил, когда в 1965–66 годах начал первые в стране всесоюзные опросы читателей центральных газет и придумывал различные измерительные процедуры.

– *Зная тебя и имея общие представления о научной работе, с трудом верю, что человек, защитивший кандидатскую и докторскую по такой захватывающей теме, как экономика, ощутил интерес к научной работе, лишь прикоснувшись к социологии. Пожалуйста, поясни это.*

– Возникшее у тебя удивление весьма примечательно. Уж не знаю, согласишься ли ты и куча моих коллег со мной.

материала. До середины 1960-х продвижение по каждому из этих параметров было равно нулю. Практически все без исключения новые серьезные идеи и методы, которые появлялись в стране, были заимствованы – в той или иной форме (иногда замаскированной) – с Запада. Попытки талантливых людей типа Г.П. Щедровицкого создать нечто оригинальное свелись к доморощенным концепциям, не имевшим отношения к современной науке. Мне это было ясно еще в начале 60-х. Вся “новая философия деятельности” Щедровицкого, несмотря на возникновение большой “секты” людей, жадно тянувшихся к чему-то отличному от официального марксизма, полностью исчезла из лона науки (я не встречал ссылки на нее на Западе), хотя внесла свой вклад в дискредитацию официальной философии.

Такова же судьба идей других светил типа М.К. Мамардашвили, не говоря уже о работах А.Ф. Лосева. Используя слова немецкого ис-

питала” и его логики, кто противопоставлял молодого Маркса старому. Конечно, и здесь талантливые марксологи типа А.А. Зиновьева или Э.В. Ильенкова разрушали официальную идеологию, и в этом была их заслуга в истории общественного движения в России, но не в науке; с подлинной наукой это ничего общего не имело. Зиновьев как философ был полностью отторгнут Западом вместе с его обещаниями создать модели, способные предсказывать политическое развитие России. А вот когда Зиновьев освободился от марксологии и стал писать о советском обществе свободно, он в “Зияющих высотах” сумел подняться до очень значительного интеллектуального уровня, однако не как строгий ученый, а как великий сатирик щедринского масштаба.

Если отвлечься от “ученых”, занимавшихся только идеологической работой в соответствии с последними указаниями ЦК КПСС, то научная деятельность частных людей в лучшем случае сводилась к: 1) изучению западной науки и изложению ее результатов, теорий и методов, насколько это позволяла цензура и самоцензура; 2) стремлению применить некоторые западные теории и методы к советской действительности с некоторым флером самостоятельности; 3) сбору новых, действительно ценных данных там, где это было возможно и где официальная идеология не очень буйствовала.

Я утверждаю, что все лучшие советские социологи в области теории (с методами дело сложнее, и я поясню) были вплоть до

Прогресс в социальной науке происходит в области методов, новых оригинальных теорий, с продолжительностью жизни не менее нескольких десятилетий, и в научном (а не идеологическом) обобщении оригинального эмпирического материала

В моем понимании прогресс в социальной науке происходит в области методов, новых оригинальных теорий, с продолжительностью жизни не менее нескольких десятилетий, и в научном (а не идеологическом) обобщении оригинального эмпирического

торика Леопольда Ранке, скажу: все правильное в них имело западное происхождение, а все новое было либо тривиально, либо неверно.

Еще меньшее отношение к творчеству имеет деятельность тех, кто упряжился в анализе “Ка-

1991 года чистыми учениками Запада. Я – не исключение.

Конечно, мне доставляло удовольствие изучать эконометрику, ее математический аппарат, всевозможные теории западной экономической науки и излагать их советскому читателю с надеждой, что он поймет убогость советской политической экономии. И это все. Я не мог прибежать к моим аспирантам или коллегам с возгласом: “Ребята, я открыл в эконометрике нечто!” Максимум что я мог сделать – рассказать о западной науке на семинарах, организованных Центральным экономико-математическим институтом (ЦЭМИ) в Бакуриани в 1966 году, или прочитать лекции о Джоне Кейнсе умнейшим математикам в Институте проблем управления. В 1987 году я – наверное, один из первых в стране – прочитал курс по истории социологии в Академгородке, но опять-таки назвать это актом творчества я не могу.

Замечу, что представители экономико-математической школы всегда были главными научными союзниками нарождающейся социологии. Матэкономисты находились под прямым покровительством Кремля (так как обещали качественно улучшить планирование в стране) и всячески нам помогали. С их поддержкой было проведено первое Всесоюзное совещание социологов в Сухуми в 1967 году. Это директор ЦЭМИ Н.П. Федоренко приютил у себя во время разгрома социологии в конце 60-х Ю.А. Леваду и Б.А. Грушина. Это “под зонтиком” того же направления А.Г. Аганбегян создал новосибирское социологическое направле-

ние в начале 60-х, пригласив В.Н. Шубкина на работу уже как социолога, автора знаменитого тогда исследования села Копанка в Молдавии (конца 50-х).

И все-таки к настоящему научному творчеству я приобщился, только занявшись эмпирической социологией.

Вся “новая философия деятельности” Щедровицкого полностью исчезла из лона науки, хотя внесла свой вклад в дискредитацию официальной философии. Такова же судьба идей других светил типа Мамардашвили и Лосева. Используя слова немецкого историка Леопольда Ранке, скажу: все правильное в них имело западное происхождение, а все новое было либо тривиально, либо неверно

С моими первыми масштабными опросами ситуация для меня радикально изменилась. Я тщательно изучал западную технику опросов, был в переписке с Джорджем Гэллапом и Лесли Кишем – легендарным специалистом по выборке. Однако советское поле было совершенно другим, чем западное. Только мы и могли создавать воистину новые методики, приспособленные к советской действительности. Позже в Америке, встречаясь с корифеями опросов, я чувствовал себя не учеником, а специалистом, умеющим изучать (вместе с Грушиным) общественное мнение в тоталитарном обществе неизмеримо лучше, чем они. Впрочем, создавая наши методики, мы даже не осознавали степень их оригинальности. Приехав в США, я увидел, насколько наивны были ведущие американские специалисты по оп-

росам в отношении изучения общественного мнения не только в тоталитарном обществе, но даже в своей стране.

Они полагали, что их респонденты – честные граждане, торопящиеся сообщить им только правду о своих взглядах и чувствах. Я не мог обнаружить ни в их

учебниках, ни в первоклассных исследованиях даже строчки об эмпирической достоверности информации, о влиянии ценностей, господствующих в их среде, на ответы респондентов. Потому утверждаю, что моя книга о достоверности социологической информации (1973) была достаточно оригинальна, чего не скажу о книгах по применению выборки в социологии (1975) или о методах прогноза (1976). Пусть мне покажут, например, рассуждения великого Гэллапа об эмпирической достоверности его исследований. Только в самые последние годы в результаты опросов, публикуемых в прессе, включают не только сведения о размерах ошибки случайной выборки (кстати, это полудлажа, ибо авторы опросов не учитывают фактор стратификации, – знающие теорию выборки поймут меня), но и упоминают –

в самом общем виде – о существовании ошибок иной природы.

Еще большое удовольствие мне доставляло, что с моими опросами читателей четырех центральных газет – “Труд”, “Известия”, “ЛГ” и “Правда” – я получил информацию, описывающую политические настроения советского населения. Интереснейшие результаты каждого опроса становились темой лекций, на которых граждане с восторгом слушали первые объективные сведения об обществе, в котором они жили. Советская интеллигенция относилась к социологам в те годы как

– В секторе Здравомыслива я оказался в 1973-м, после разгрома института. В то время все кто мог – Левада, Шубкин, Грушин и другие – искали и находили убежище в других академических учреждениях; я же, несмотря на все мои попытки, очевидно, в силу государственной антисемитской политики и моей беспартийности, возможно, из-за моего досье (я отказался сотрудничать с КГБ в 1956-м) и моей “плохой” репутации в Академгородке, вынужден был остаться в хозяйстве М.Н. Руткевича и согласиться на работу в секторе методика. По тем време-

уж принципиальны. В СССР долгие годы вообще не было социологических исследований, но потом возникли суперпроекты типа твоего исследования “Правды” или грушинского “Таганрога”. Не кажется ли тебе, что оба эти феномена – две стороны тоталитаризма, ведь параметры суперпроектов не вытекали ни из каких оптимизационных принципов?

– Вопрос о важности множественности источников информации инвариантен по отношению к любым социальным условиям. Этот подход является просто попыткой хотя бы частично восполнить невозможность использования подлинного экспериментирования в социальных науках и обеспечить включение в научный обиход только тех данных, которые были воспроизведены в экспериментах других ученых, как это происходит в естественных науках. Между тем, подавляющее большинство данных, полученных социологами и социальными психологами, не проверяются “на воспроизводимость”, и многие являются просто артефактами. В ходе работы над книгой о страхе в современном обществе (2006) мне пришлось просмотреть результаты американских исследований, посвященных связи между образованием и терпимостью. Трудно представить больший хаос! Это результат того, что каждый автор опирался только на свое разовое исследование, используя только один источник информации. Одни данные утверждали, что связь положительная, другие – что она отрицательная, третьи – что связь отсутствует. И все опи-

Когда Зиновьев освободился от марксологии и стал писать о советском обществе свободно, он в “Зияющих высотах” сумел подняться до очень значительного интеллектуального уровня, однако не как строгий ученый, а как великий сатирик щедринского масштаба

к действительно первым социальным исследователям, способным сказать об обществе нечто новое. Мы все тогда, в 60-е годы, чувствовали себя “избранными”, членами одного братства, призванного улучшить жизнь в стране. Этот душевный подъем, как мне кажется, отразился в моей книге “Социология для всех” (1970), пользовавшейся тогда популярностью.

– В Москве ты начал работать в секторе методологии социологических исследований, который возглавлял А.Г. Здравомыслов. Твой переход к методолого-методическим разработкам был случайным или эта тематика и раньше представлялась тебе крайне важной?

нам это было для меня, наверное, лучшее решение. В институте сложилась группа молодых сотрудников и чужих аспирантов, которые помогли мне пережить неприятные времена и заниматься профессиональной социологией. Методика была единственной сферой, которой я мог заниматься и творчески, и честно. Другое дело, что методика была уже для меня скучна.

– На мой взгляд, метрологические характеристики социологического исследования должны быть прежде всего функцией их полезности, тогда всякие ad hoc соображения – например, “множественность источников информации” – не столь

сывали одно и то же общество в один и тот же период времени. – Ты одним из первых в СССР начал целенаправленно заниматься проблемами достоверности социологических исследований, выборкой и смежными вопросами. Тебе известна американская литература по методологическим проблемам опросов. Наконец, ты следишь за состоянием общественного мнения в России и интересуешься тем, как эти данные собираются, анализируются. Не мог бы ты оценить методический уровень современных российских опросов общественного мнения?

– Политическая свобода принесла с собой не только то, что с ней связывали советские интеллигенты, в том числе социологи. Так, если исходить из наших прежних критериев, в которых большое значение придавалось преданности творчеству и профессионализму, то некоторые черты интеллектуальной жизни после 1956 года были предпочтительнее того, что мы наблюдаем теперь. Мягкий тоталитаризм – мы были не в состоянии предсказать это в 1960-е годы – был более полезен для каких-то видов интеллектуальной деятельности, чем оба постсоветских режима. И дело, конечно, сводится к важнейшему вопросу о том, что вреднее для науки и искусства: зависимость от власти – или от денег, беспокойство о выживании, даже физическом – или страсть к обогащению?

Социология в России, конечно, обрела многое благодаря развалу советской системы. Находясь в Америке в жуткие годы, в начале

80-х, мечтая только о каком-то либеральном прогрессе в Москве, я говорил в моих первых лекциях в Вашингтоне, что для меня единственным доказательством прогресса в СССР будет приглашение Ядова, Шубкина, Левады и Грушина в Кремль. И действительно, когда демократизация общества понастоящему началась, Т.И. Заславская оказалась на видных ролях на Съезде народных депутатов и первым директором практически независимого центра по изучению общественного мнения – ВЦИОМа. Я просто балдел в своем Мичигане от первых его политических опросов в 1989-м, абсолютно невыносимых еще год назад. Б.А. Грушин стал членом Президентского совета и основателем одной из первых в стране частных фирм изучения общественного мнения, В.А. Ядов возглавил Институт социологии, а еще недавно гонимый Б.М. Фирсов стал директором Ленинградского института социологии. Наступила невиданная свобода социологических исследований.

Выступая на конференции Международной Ассоциации по изучению общественного мнения в 1992 году во Флориде, я, с вызовом обращаясь к аудитории, сказал, что теперь истинная свобода для социологов существует только в Москве. Ошарашенная, но чуткая к правде о ней самой, аудитория приветствовала меня овацией стоя.

А затем, после эйфории первых лет, в российскую социологию, как и во все другие сферы деятельности творческой интеллигенции, проникли “бабки”. Конечно, деньги играют огромную

роль в социальных исследованиях, и в частности – в опросах общественного мнения в США. Однако в России из-за отсутствия демократических традиций и институтов, все время следящих (с большим или меньшим успехом) за порочным влиянием денег на общественную жизнь, влияние денег на социологию приняло малопривлекательные формы. Немыслимо, чтобы в Америке ведущие центры общественного мнения, претендующие на роль независимых, регулярно финансировались бы Белым домом или какой-нибудь корпорацией.

Но дело не только в том, что деньги приобрели огромное влияние на выбор сюжетов и на исполнение заказов, при том, что в публикуемых результатах я ни разу не встречал ссылку на источник финансирования. Рынок, за который воюют ведущие фирмы изучения общественного мнения в России, по определению не способен оценивать качество опросов. Слабость рыночного контроля обычно заменяется профессиональным контролем, преданностью своему делу и своей общественной миссии. Все это было важной чертой молодой советской социологии, в которой культ профессионализма был необычайно высок. Теперь, мне кажется (пусть меня поправят старшие товарищи), большинство социологов-практиков – в частности, в области методологии социальных исследований и опросов – гораздо меньше стремятся к профессионализму, чем в прошлом.

Никакого беспокойства о достоверности опросов обществен-

ного мнения в современной России я не обнаружил. Когда я поднял этот вопрос на конференции о страхах в посткоммунистическом мире, организованной мной в моем университете в 2000 году, руководитель одной из российских фирм только что не послал меня очень далеко за то, что я попросил его обосновать, почему он уверен, что его респонденты не дают ответы, угодные власти, как это было раньше.

И еще одно соображение. Не очень приятная особенность современной России состоит в том, что после 2000 года к давлению денег на социальную науку и медиа прибавилось и давление власти, быстро осознавшей, что можно добиваться своих целей не только с помощью прямых или косвенных угроз по телефону, но и используя для ликвидации неугодных те же деньги, псевдорыночные механизмы; особенно после того как Кремль стал напрямую контролировать топливную промышленность с ее безграничными ресурсами.

– Прошло сорок лет после твоих всесоюзных опросов читателей центральных газет. Ты не мог бы кратко рассказать о том проекте? В частности, ты рассматривал ту работу в рамках изучения прессы или изучения общественного мнения?

– В 1965 году газета “Известия” предложила мне провести небольшое исследование своей аудитории. Для меня это была прежде всего возможность изучать общественное мнение в стране. Когда этот заказ попал мне в руки, я понял, что у меня появилась истори-

ческая возможность провести первый в стране опрос по случайной выборке и узнать важные сведения о взглядах населения страны. Я начал немедленно при полной поддержке редакции и по сути с неограниченными ресурсами расширять масштабы исследования, вводя все новые и новые процедуры. В Академгородке была создана большая исследовательская группа, сумевшая довольно быстро выдавать редакции результаты для публикации.

Одной из моих находок был опрос журналистов по анкете читателей, проводимый накануне опроса аудитории, с просьбой прогнозировать его результаты. Во всех газетах журналисты полностью опозорились и больше не говорили, что “за бутылку коньяка” они нарисуют то, за что Шляпентоху дают сумасшедшие деньги.

– В нескольких моих работах по истории изучения общественного мнения в СССР я пишу, что опросы Бориса Грушина возникли “из ничего”, если не брать во внимание, естественно, существовавшую в обществе социальную атмосферу. Как возник твой замысел всесоюзных опросов читателей газет? Тебе уже был знаком опыт Грушина? Ты знал о работах ленинградских социологов?

– Конечно, я был знаком со всем, что делалось в социологии к 1965 году. Конечно, я знал об опросах Бори в “Комсомольской правде”. Но как только я получил возможность действовать, я решил сделать то, чего Грушин не сделал: провести национальные опросы по случайной стратифицированной выборке. К данным Грушина

я – тогда максималист – относился гораздо хуже, чем отношусь сейчас. Тогда я смотрел на них весьма критично – ведь они были нерепрезентативными, отбор респондентов был экзотический – меридианы и поезда, отходящие из Москвы.

Затем, уже в Москве, в ИСИ, вместе с Еленой Петренко и Татьяной Ярошенко мы начали разрабатывать первую в истории СССР территориальную национальную выборку. “Правда” просила, чтобы мы опять изучали читателей, но нам очень хотелось воспользоваться грандиозными возможностями и отработать методику территориальной выборки всего населения страны. Я убедил руководство газеты начать изучать мнения населения, а не только подписчиков, используя два аргумента: первый – “Правда” является частью жизни каждого советского человека; второй – Гэллуп именно так делает. Все сработало, и мы получили целую страну с аппаратом корреспондентов и поддержкой партийных органов для отработки территориальной стратифицированной случайной выборки. С мандатом “Правды” я отправился в ЦСУ, был принят его начальником, статистическим волком Л.М. Володарским, от которого получил формальное подтверждение, что мы первыми за всю историю советской власти проводим опрос на базе территориальной случайной выборки.

Мы отработывали методику случайной выборки на всех этапах стратификации. Были в Таджикистане, где проверяли нашу методику в разных уголках республики – от аула до столицы,

а затем – в Грузии и Молдавии. Впечатлений социологического характера от этих поездок было множество, потом была издана книга о территориальной выборке, из числа авторов которой я был исключен в связи с отъездом.

И еще одно отличие моих исследований от грушинских и проводившихся в Ленинграде до середины 60-х годов. Я не помню, чтобы авторы книги “Человек и его работа” (как, впрочем, и автор аналогичной книги в Америке Мелвин Кohn (Melvin Kohn) “Класс и конформизм”) написали хотя бы две строчки о сомнениях в качестве ответов их респондентов. Они полностью игнорировали вопрос доверия респонденту, в то время как для меня после исследований выборки это была проблема номер один. Советские и американские авторы, выясняя отношение людей к “творческой” (у Кона – “сложной”) работе, не задумывались о том, как сильно влияли на ответы доминирующие ценностные ориентации; игнорировался тот факт, что в обоих обществах, особенно в советском, творческая работа расхваливалась в медиа и в школе изо всех сил. В моей рецензии в “Известиях” на книгу “Человек и его работа” в 1968 году я данный факт мягко, но отчетливо отметил. Поэтому в этих моих исследованиях результаты интервьюирования по месту работы и месту жительства сравнивались не только с друг другом, но и с результатами почтовых опросов. Результаты обработки анкет с открытыми вопросами сравнивались с данными анкет с закрытыми вопросами. Ответы на анкеты с демографиче-

скими вопросами сравнивались с ответами на анкеты без них; реакции респондентов на вопросы с одним порядком альтернатив – с реакциями на вопросы с иным порядком ответов и т. д. Материалы опросов читателей газет на витринах (было такое явление в Советском Союзе) сравнивались с основными данными, и т. д. Специальное внимание мы уделяли эффекту интервьюера и использовали методики для определения этого эффекта. В 1969–1971 годах большинство результатов наших сравнений было опубликовано в двух томах “Читателя и газеты” и в двух томах “Социологии печати”.

Именно в те годы я твердо убедился, что исследование, покоящееся только на одном источнике информации, не заслуживает внимания. Позднее я обнаружил союзника в лице Дональда Кембелла – наверное, единствен-

ли, вырос? Да ничего подобного – из полупьяного лейтенанта советской армии. И Грушин... из обыкновенного, банального комсомольского активиста...” Ты мне сказал, что земские социологи никак не влияли на социологию, работы Ленина по развитию капитализма – не влияли. А что влияло? Как на счет русской классической литературы и писателей, поэтов-шестидесятников?

– Я могу только повторить то, что сказал ранее: на первых этапах своего существования советская социология была обязана только западной и польской социологии. Отсюда важная позитивная роль Игоря Кона, Галины Михайловны Андреевой, Юрия Замошкина, ставших в своих якобы критических работах о западной социологии сообщить своим коллегам максимум информации о том, что на Западе происходит. Это же де-

Создавая наши методики, мы даже не осознавали степень их оригинальности. Приехав в США, я увидел, насколько наивны были ведущие американские специалисты по опросам в отношении изучения общественного мнения не только в тоталитарном обществе, но даже в своей стране

ного американского социолога, придавшего требованию множества источников значение важнейшего методологического принципа, который, впрочем, игнорируется 99 процентами американских социологов.

– Хотел бы вернуться к вопросу о корнях советской социологии. Вот слова Мамардашвили: “Что, Зиновьев из Бердяева, что

лали Ядов и я, стараясь насыщать наши публикации западными материалами. Немалую роль сыграли стажировка Ядова, Грушина и Фирсова в Англии и Франции, в также поездки на конференции на Запад (этой возможности у меня не было никогда, меня не выпустили даже на конгресс в Варну в 1972 году). Если не следовать мифам, нельзя говорить о каком-то

специфическом влиянии на социологию в 60-е годы русской классической литературы.

Другое дело – связь социологов с писателями 60-х годов; она, безусловно, была, но влияние было обратное: не они на нас, а мы, выразители новых тенденций в обществе, на них влияли, вместе с тем получая от них духовную и организационную поддержку. Пример тому – наша с Шубкиным дружба с писателем Владимиром Канторовичем, автором книги “Социология и литература” (1972), написанной под нашим прямым влиянием, о чем Канторо-

знакомил читателей с крамольной идеей убывающей полезности.

Но не только “левые”, как тогда говорили, писатели видели в нас своих союзников. Искали контактов с нами деятели кино и театра. “Советский экран” попросил меня провести опрос читателей, используя, увы, только анкету, напечатанную в журнале, чтобы узнать популярность фильмов. Этот опрос, а также те вопросы о фильмах, которые я включил во все четыре больших опроса, показали значительную поляризацию аудитории. Читатели, которым нравились сложные фильмы,

ла в формировании либерального движения в России, снабжала его участников аргументами. Если бы это либеральное движение сыграло роль в возникновении перестройки, то тогда можно было сказать, что социология непосредственно участвовала в историческом повороте страны. Но так как, по моему убеждению (я развил его в книге “Нормальное тоталитарное общество”, 2001), либералы и диссиденты не могут претендовать на участие в создании феномена Горбачева, то и советские социологи не могут приписать себе, что стояли у истоков 1985 года.

– Мне кажется естественным, что областью твоих научных интересов стали социально-политические (или политико-социальные) проблемы СССР. Как проходило твоё вхождение в американскую среду советологов? Тот факт, что ты знал СССР по собственному опыту и, скорее всего, имел иное мнение обо всем, что происходило в стране, думаю, не только помогал тебе в работе, но мог быть и моментом, осложняющим твои отношения с американскими коллегами, не так ли?

– Мое вхождение в американскую социологию и советологию было не простым, но и не слишком драматичным. Я довольно скоро почувствовал себя в своей тарелке, особенно после того, как в 1985 году получал теньюру, то есть постоянную работу, которая гарантировала мне не только достойный доход, но и независимость от кого бы то ни было и полную свободу самовыражения. Однако моя борьба за признание в Америке началась буквально в первые ме-

В 70-е годы я твердо убедился, что исследование, покоящееся только на одном источнике информации, не заслуживает внимания. Позднее я обнаружил союзника в лице Дональда Кембелла – наверное, единственного американского социолога, придавшего требованию множества источников значение важнейшего методологического принципа

вич, необычайно достойный человек, писал сам.

“Литературная газета” в 60-е и даже 70-е годы была одним из оплотов социологии. Там регулярно печатались замечательный демограф Б.Ц. Урланис, наш большой союзник, и социолог-демограф В.И. Переведенцев. Для меня публикации в “ЛГ” – я, наверное, публиковался в ней чаще других социологов – были большим удовольствием, ибо в каждой статье я стремился протолкнуть свежую идею. В одной из статей – “О пользе послевкусия”, с явным намеком на то, что истинное удовольствие измеряется не “до”, а “после”, я

главным образом западные (мы их назвали “обертоновыми”), были в меньшинстве, хотя фильмы острой социальной направленности – скажем, “Председатель” – были популярны среди всех слоев населения. Этот результат понравился левым кинематографистам.

Впрочем, упаси нас Боже превеличивать влияние наших и других опросов на идеологическую политику властей. ЦК вряд ли принимал их в расчет, когда там принимались важные политические и идеологические решения. Социология даже в лучшие советские времена не влияла на власть, но она успешно участвова-

сяцы моего появления на этом континенте, в июле 1979 года.

Одна из первых моих лекций в Вашингтоне, на который собрался бомонд для осмотра диковинной птицы – эмпирического социолога из полуварварской страны, была названа вызывающе: “Влияние политических факторов на проектирование выборов в Советском Союзе”. Я был уверен, что даже самые большие авторитеты здесь не подходили к выборке с этой стороны. Замечу, что уже в названии этой лекции проявился мой глубинный интерес к роли политической власти для общественной жизни во всех ее проявлениях, и в будущем эта переменная, место которой американские ученые недооценивали или просто не понимали, была лидирующей почти во всех моих работах, включая последнюю (*The fear in contemporary society: negative and positive consequences*. New York: Palgrave, 2006).

Слушатели, полностью уверенные в своем профессиональном и интеллектуальном превосходстве над всем миром и уж подавно над полуварварской Россией, встретили мою лекцию с неопишуемым удивлением. Большая часть вопросов свелась к “Откуда Вы это знаете?” и “Где Вы могли читать эти книги?”

В моем стремлении выглядеть как можно более профессиональным я допустил и просчет. В 1982-м я был приглашен на полгода в Гарвард и на полгода в не менее престижный Массачусетский Технологический институт (оба – в Кембридже). Кафедра социологии Гарварда предоставила

мне полную свободу в выборе аспирантского курса. Ясно, что мне надо было предложить тему вроде “Советская идеология и общественное мнение” или даже попроще – “Советское общество”. Я же, следуя указанной выше логике, назвал свой курс “Влияние политических факторов на методологию советской социологии”. Неудивительно, что на курс записалось всего пять человек (из них две француженки, обе недурны собой, одна стала ведущим российским экспертом в Париже), и это было печально, ведь выбери я “нужную” тему, у меня была бы пара десятков студентов.

В СССР я относился к числу самых “квантифицированных” (или математизированных) социологов. Читая американские журналы, я, конечно, видел, сколь велик разрыв в уровне моей математической подготовки и уровне подготовки американских ученых из ведущих университетов страны. Поэтому я понял, что не могу претендовать на место на тех кафедрах, где бал правит математика. Конечно, везде, даже в Гарварде, на кафедре была кучка социологов, которые считали исторический метод главным, но они были в явном загоне и обычно не удостаивались даже “здрасьте” от презирающих их “количественников”.

Я мог утешаться тем, что считался довольно хорошим специалистом по выборке и, конечно, первоклассным экспертом по технике опросов, неплохо себя чувствовал на самых престижных конференциях по методологии сбора информации и с легкостью читал аспирантские курсы на эти темы. Но, к моему большому удивлению,

я обнаружил, что американские коллеги сами почти не проводят опросов, а когда у них появляются деньги, то для сбора информации они приглашают специализированные фирмы. В результате даже самые “математизированные” социологи имеют смутное представление о выборке, и мой главный “количественный козырь”, таким образом, не может сыграть важной роли в университетской карьере. Я понял, что могу претендовать на профессорскую должность только на кафедре, где математические стандарты – сравнительно скромные.

Самое замечательное произошло примерно через 15 лет после моего приезда в Америку. Мой социологический капитал старых времен начал быстро расти в цене. Дело в том, что с развитием постмодернизма и фантастическим ростом числа исследований о меньшинствах американская социология начала быстро терять интерес к традиционным количественным методам; их заменили методы “качественной социологии” с ее полным пренебрежением к самым простым статистическим моделям. Теперь я, при моих математических познаниях, оказался на голову выше 95 процентов моих коллег, что, впрочем, не имело никаких реальных последствий, ибо ни они, ни аспиранты не проявляли никакого интереса к тонкому цифровому анализу, не говоря уже о каких-то моделях социальных процессов.

Конечно, мои содержательные знания были не об Оклахоме, а об СССР, потому моими главными конкурентами были не обычные социологи, а советологи. В целом

они были не очень доброжелательны и, в отличие от обычных социологов, не способствовали моему вхождению в американскую академию. Но благодаря нескольким обстоятельствам я сделал это – вопреки их мягкому сопротивлению.

Первое. Мои книги публиковались в очень хороших и средних издательствах (иерархия издательств, как и университетов, в Америке имеет первостепенное значение). Уже в 1980 году я опубликовал сборник моих советских статей с предисловием известного социолога Говарда Шумана (Howard Schuman). Затем в 1984-м вышла книга “Любовь, брак и дружба”. С тех пор я стал издавать одну книгу (чисто мою или как редактор-составитель, что в Америке не менее престижно) в один-два года. Практически все они рецензировались в социологических журналах.

Весьма важной сферой деятельности, способствующей внедрению в это общество, были мои публикации в ведущих американских газетах. Пик этой деятельности пришелся на вторую половину 1980-х (период перестройки), когда я, публикуя по статье раз в два месяца, а то и чаще, вероятно, стал чемпионом среди всех ученых Америки в области социальных наук. Некоторые известные советологи пытались выяснить, как у меня это получается, не в моих или особых связях в редакциях дело, – слышать это было очень смешно.

Второе. Немалую роль в моей адаптации сыграло и активное участие во всевозможных конференциях. Я старался не пропус-

кать ни одной, если мог там выступить с докладом или организовать свою секцию. Конференции в Америке редко бывают интересными, они превратились в идеологические балаганы. Серьезная полемика из-за господства политической корректности почти исчезла, и теперь, когда мне больше не нужна галочка в моем резюме и конференция не очень важна для моего годового отчета на кафедре (он служит базой для принятия решения о росте зарплаты), я их просто игнорирую.

Третье. Важным фактором моего внедрения в Америку и обретения места в обществе была моя роль советника правительства по советским и российским делам. Началось с того, что меня полюбил Эндрю Маршалл (Andrew Marshall), авторитетный руководитель главного исследовательского отдела Пентагона, своеобразного “института” американского политического истеблишмента на протяжении последних 40 лет. Он презирал большинство советологов – левых и правых, но поверил в мою объективность в анализе СССР. Его очень подкупил мой первый проект – “Двухуровневое советское мышление” (в 1985 году “Public Opinion Quarterly” опубликовал мою статью на эту тему).

Отмечу, я не приравниваю мое личное резко негативное отношение к советской системе к антикоммунистической идеологии. Я разделяю старое Марксово определение любой идеологии как огромного препятствия в социальном познании. Я не согласен с предложением Каутского и Ле-

нина различать влияние на познание прогрессивной и реакционной идеологии. Политическая корректность с ее призывом уважать меньшинства является бесконечно милой, и она в сто раз лучше классовой идеологии, которая проповедует ненависть, однако так же смертоносна для науки, как и классовая или антикоммунистическая идеология.

– Не могу согласиться с твоими выше сделанными замечаниями о том, что Гэллан и другие пионеры опросов не обсуждали проблем достоверности полученных результатов. Уже сама выборочная технология интервьюирования по месту жительства возникла как противопоставление соломенным опросам, то есть проблема достоверности была первичной для отцов-основателей. Открой книгу Кэнтрила (Hadley Cantril) по измерению общественного мнения (1944 год): сначала рассматриваются проблемы интервью и затем – проблемы выборки. Полистай первые тома “Public Opinion Quarterly”, выходящего с 1937 года: туча статей по различным аспектам проблемы качества измерений.

– Мы не совсем поняли друг друга. Конечно, с середины 1930-х, после позора издания “Литерари Дайджест” с прогнозом президентских выборов 1936 года, американские исследователи общественного мнения были поглощены тем, чтобы сделать результаты опросов надежными, достоверными. Но центральное внимание уделялось репрезентативности данных, ведь в этом была причина катастрофы 1936 года. У нас нечто по-

добное произошло в 1993-м, когда все российские социологические фирмы потерпели фиаско с прогнозом результатов выборов в Думу, и прежде всего, по моему мнению, потому, что тогда – не сейчас – было “некрасиво” и боязно признаваться в симпатиях к Жириновскому. Статью на эту тему я опубликовал в “Public Opinion Quarterly”.

С тех пор и надолго случайная выборка стала навязчивой идеей американской социологии – и настолько, что местные специалисты больше знать не хотели об оскандалившейся квотной выборке, прежде всего потому, что она не позволяла исчислять случайную ошибку выборки.

В 1980-е годы, уже в Америке, я столкнулся с потеплением отношения к квотной выборке и со стороны великого Киша. Добавлю также, что наше (и мое личное) глубокое недоверие к ответам респондентов было основано на скептическом отношении к любым данным, в частности – к государственной статистике. Еще в 1957 году я опубликовал статью во всесоюзной “Сельскохозяйственной газете” о том, как искажаются данные о себестоимости молока и мяса в совхозах.

Американские социологи, с их полным доверием к официальной статистике, довольно равнодушно воспринимали проблему достоверности ответов респондентов. К ошибкам, не связанным с выборкой, вплоть до 1980–90-х годов они относились спокойно. Полемизируя со мной, ты почему-то не цитируешь самого Гэллапа, который прославился своим мудрым замечанием о том, что важнее

не то, сколько человек включено в выборку, а то, как их отбирали. В книге, которую Гэллап прислал мне в Москву (The Gallup Poll; Public Opinion, 1935–1971. New York: Random House, 1972), не было сказано почти ничего об ошибках другого рода – например, связанных с влиянием среды на ответы. Утверждая, что американские ученые уделяли мало внимания (а часто и совсем не уделяли) ошибкам, связанным с нежеланием респондентов говорить правду,

большая пресс-конференция, на которую были приглашены журналисты ведущих изданий, чтобы посмотреть на диковинную птицу – советского социолога. Будучи уверенным в “советском” превосходстве над американцами в сборе информации, я сразу взял агрессивный тон в отношении американской социологии. Ошарашенные журналисты слушали, как я восхвалял высокий профессионализм моих советских коллег вообще и их опыт в составле-

Я разделяю Марксово определение любой идеологии как огромного препятствия в социальном познании. Политическая корректность с ее призывом уважать меньшинства является бесконечно милой, и она в сто раз лучше классовой идеологии, которая проповедует ненависть, однако так же смертоносна для науки, как и классовая или антикоммунистическая идеология

я имею в виду прежде всего учебники и известные монографии, а не отдельные статьи в специализированных журналах, в которых рассматривались вопросы достоверности ответов респондентов.

Ты ссылаешься на книгу Кэнтрила. Я ее открыл – и что же я обнаружил? Типичную для американских исследователей тенденцию, сохранившуюся и поныне: они ищут причину искажения данных прежде всего в поведении интервьюера, но не в поведении респондента. И Кэнтрил исходил из этого.

Через несколько месяцев после моего приезда в Америку в Нью-Йорке была организована

визитная анкета (ведь нам приходилось оттачивать вопросы под контролем полдюжины инстанций) и высмеивал американских социологов, крайне небрежных в формулировке вопросов. После лекции ко мне подошел знакомый, работавший когда-то в Москве в ИСИ, и спросил, не сошел ли я с ума – не имея работы, охаиваю моих потенциальных работодателей. На следующий день “Нью-Йорк Таймс” опубликовала большую информацию о пресс-конференции с моим портретом и с замечательным заголовком: “Советские социологи лучше американцев в организации опросов”.

Размышления школьного учителя

по поводу статьи А. Ослона “Хорошая школа – ключевая социальная проблема”*

Е. А. Бубличенко
учитель гимназии № 45, Ростов-на-Дону

Я проработала в школе несколько десятков лет и безгранично люблю свою профессию, поэтому у меня вызывает острый интерес любая статья о проблемах современной школы. Я глубоко убеждена, что школа – самое точное зеркало социальной реальности в любую эпоху.

Меня привлекло уже само название статьи А. Ослона – “Хорошая школа – ключевая социальная проблема”. Порадовала и сама статья – стремлением провести социологический анализ школьных проблем на современном этапе, то есть в сегодняшней социальной реальности. В процессе чтения и соотнесения отдельных тезисов статьи с той школьной реальностью, которая мне известна не со стороны, а из ежедневного соприкосновения с ней, у меня возникли разные мысли.

В статье приведены результаты социологических опросов, которые мне захотелось прокомментировать.

Итак, что такое “хорошая школа” сегодня – по мнению опрошенных представителей населения? Ответы на открытый вопрос объединены в три группы по тематическим направлениям.

Первая группа. Школа как институт передачи знаний.

Преобладают формулировки “хорошие, квалифицированные учителя” (34%) и “хорошее образование, крепкие знания” (19%), которые практически повторяют друг друга или связаны между собой как причина и следствие, цель и средства – суть одна. Интересно другое: третье мнение (“специальные знания, подготовка к вузу”) в процентном отношении несоизмеримо с первыми двумя – его разделяют всего 3%. Это свидетельствует о том, что школьное образование в настоящий момент оторвано от требований, предъявляемых к абитуриенту, поступающему в вуз. И это несмотря на то, что появилось множество профильных школ (лицеев, гимназий) с углубленным изучением разных предметов. Означает ли это низкую квалификацию учительского состава или связано с явлениями нашей социальной реальности, с которыми имеют дело выпускники школ и их родители при поступлении в высшие учебные заведения?

Учителя в современной школе повседневно сталкиваются с падением интереса к учению, недобросовестным отношением к домашним заданиям со стороны учеников и отсутствием действенного контроля со стороны родителей.

* Ослон А. Хорошая школа – ключевая социальная проблема. Социальная реальность. 2006. № 3.

¹ Общероссийский опрос населения от 23–24 августа 2004 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

Между тем, судя по результатам социологических опросов, сегодня в России растет значимость образования – как залога будущей конкурентоспособности на рынке труда. Опрос населения в августе 2004 года показал, что 74% опрошенных полагают очень важным иметь высшее образование. В 45% семей родители готовы идти для этого на значительные денежные затраты. К сожалению, затраты эти подразумевают и репетиторов, и махинации со взятками, но чаще – платное обучение как в государственных, так и в собственно коммерческих вузах. Качество образования в этих вузах оставляет желать лучшего, зато сам учебный процесс значительно упрощен, а возникающие проблемы с провалом на сессии решаются простым способом. Однако диплом, полученный таким образом, даже если он “государственного образца”, отнюдь не становится залогом жизненного успеха.

В статье А. Ослона говорится, что образование в наше время превращается в *ценность*, но характерно ли это для массового сознания? Может быть, ценностью является диплом (“корочка”, как говорят в народе), а не образование?

Интересно, что 46% респондентов утверждают: в советское время качество школьного образования было выше. А может быть, школы в советское время имели другой социальный статус, как замечает автор статьи? Кстати, ответ на этот вопрос возникает сам собой после ее прочтения.

Вернемся к анализу данных социологического опроса о роли школы.

Вторая группа. Школа как институт формирования личности.

Здесь большой разброс ответов свидетельствует о том, что воспитательная работа в школе, согласно представлениям респондентов, отошла на задний план: “хорошая воспитательная работа” – 5%, “организация досуга и развития школьников” – 4%.

Затесались в эту группу и высказывания, явно имеющие отношение к первой группе: “формирование интереса к учебе”, “хорошая организация учебного процесса”.

Но на первый план вышел вопрос о “внимательном отношении к детям” (12%) с примыкающими сюда же пожеланиями “хороших отношений между учителями и учениками” (3%), “хорошей психологической обстановки в школе” (3%). Думаю, что любой работающий в школе учитель знает, что за этим стоит.

Было бы хорошо, если бы это означало разумную требовательность, четко организованный контроль, индивидуальный подход к детям, корректность, доброжелательность и т. п. К сожалению, в нашей социальной реальности от учителя под предлогом внимательного отношения к детям требуется абсолютная бесконфликтность, проявляющаяся в терпеливом отношении к необоснованным родительским претензиям (часто

выраженным в крайне неуважительной форме), снисходительности к проявлениям безответственности со стороны учеников и родителей, в “натягивании” оценок. Конечно, в каждом классе есть разные дети и разные родители, но “внимательное отношение к детям” в той или иной степени всегда связано с известной фразой: “Войдите в наше положение...” Заканчивается такой разговор тоже шаблонно: “Нам очень нужна «пятерка» (или «четверка») по Вашему предмету”.

Третья группа ответов на тему “Школьная повседневность” связана с проблемами финансовыми. Обращает на себя внимание тот факт, что зарплата учителей беспокоит только 2% опрошенных, а материально-техническая оснащенность школы – 14%.

А. Ослон пишет: “Школьный учитель формирует будущее страны”. Замечательно сказано – но соответствует ли это социальному статусу учителя в нашей действительности?

Отрадно видеть результаты очередного опроса, подтверждающего, что 56% россиян имели в школьные годы “учителя жизни”, а 86% считают, что учитель не только дает знания, но и должен формировать личность ребенка. (Кстати, слово “должен” представляется мне лишним, потому что учитель всегда оказывает влияние на личность ребенка – позитивное или негативное.)

При этом 65% признают, что сейчас профессия учителя “непривлекательна”, из чего автор статьи делает справедливый вывод о “явном противоречии между мнениями об «идеальной роли» учителя и реальным престижем профессии, которое объясняется, безусловно, социальными факторами”.

Факторов этих много, в том числе материальное положение учителей. По данным опроса, 78% респондентов считают, что престиж учительской профессии поднимется после повышения зарплаты.

Но А. Ослон прав, считая, что повышение зарплаты не является решением стратегической задачи, которую он формулирует как “радикальное обновление состава и качества учительского корпуса”. Очевидно, речь идет о компетентности современного учителя в свете новых требований, порожденных социальными переменами, науч-

но-техническим прогрессом и развитием технологий.

Нельзя не согласиться с А. Ослоном, что решить эту задачу будет очень сложно и после того, как материальное положение учителей улучшится, а следовательно, искать пути ее решения нужно уже сейчас.

Перечисление проблем (повышение квалификации учителей, подготовка методистов высшего класса для обучения учителей и директоров школ, способных быть менеджерами, а также преподавательского состава педагогических вузов, включение в оплату труда надбавок за профессиональные успехи, публикации, творческие инновации, организация учительского сообщества) комментариев не требует, ибо вопрос “как это сделать?” в статье не обсуждается.

Однако автор выдвинул два предложения, которые хотелось бы прокомментировать.

Надо сказать, что А. Ослона беспокоит “социально-демографический состав учительского корпуса”, в котором, по его мнению, преобладают женщины среднего и старшего возраста. Он высказывает мысль, что льготы по службе в армии для выпускников педагогических вузов с обязательной отработкой скольких-то лет в школе могли бы пополнить школьные педколлективы мужчинами. Мужчины в школе после “обязательной отработки”? И будет ли от них какой-нибудь прок в школе, если их туда привлекут льготы, а не призвание? Ведь учительская профессия – это именно призвание, да еще и талант, как в искусстве, а “ремесленники” школе приносят по большому счету только вред, какого бы пола они ни были.

Настораживает и еще один тезис – о необходимости “специальной программы, включающей социокультурные, масс-медийные и политические меры поддержки процессов повышения авторитета, престижа учителя”. Такая программа может вступить в трагическое несоответствие с той самой социальной реальностью, в которой мы живем. Кажется, у нашего народа в этом отношении есть богатый опыт в недавнем прошлом. Любая кампания такого рода должна иметь подтверждение в окружающей действительности. Впрочем, любые изменения в социальной реаль-

ности немедленно и безо всяких специальных программ отразятся на отношении к школе самых широких масс.

В статье А. Ослона есть, на мой взгляд, замечательное место, где он, как опытный социолог, дает краткое, но точное определение социального аспекта школьного образования со всеми сопутствующими факторами, вплоть до “финансового планирования и адресных поручений с надлежащим контролем их исполнения”. (Любому учителю понятно, о чем идет речь, но более изящной формулировки не придумаешь.) Мысль, что надо поднимать вопрос о современной школе на политическом уровне, тоже “архиважная”, как любили говорить когда-то.

А вот тезис о том, что сама “фокусировка внимания на социальных аспектах школьного образования дает положительный эффект”, я бы отнесла скорее к “желаемому”, чем к “действительному”. Эффект достигается действиями, а не словами.

Метафора А. Ослона насчет “панциря” и “позвоночника” оригинальна и хорошо подводит к выводу: “Школа должна учить навыкам адаптации... чтобы во взрослой жизни бывшие школьники не останавливались в недоумении перед препятствиями, а сами находили пути их преодоления, не ожидая рецептов извне”.

Должна сказать, что в статье А. Ослона впервые встретилась с определением школьной повседневности как фактора образования, имеющего прямое значение для приобщения школьников к материальной культуре и привития им многих

необходимых навыков поведения, общения, гигиены и т. д.

Достаточно полно изложив наиболее значимые элементы школьной повседневности, автор статьи констатирует, что “государство ни сейчас, ни в обозримом будущем не сможет взять на себя полноценное материальное, финансовое обеспечение школьной повседневности”.

Далее в статье подсказывается один из способов изыскания средств: спонсирование школ со стороны крупных бизнесменов, заключение договоров на финансирование при условии отнесения затрат к разделу “социальные расходы”, не подлежащие налогообложению. При этом А. Ослон очень правильно подчеркивает, что стимулирование этого процесса возможно только “с самого верхнего властного уровня”.

В заключение можно сказать, что в статье А. Ослона названы проблемы государственного масштаба, связанные со школьным образованием, а следовательно, являющиеся насущными для самых широких масс населения, ведь школа – это и дети, и родители. Радует, что журнал “Социальная реальность” обратился к этой проблеме, ибо школа – это отражение подлинной социальной реальности. ■

***

P.S. Прочитав статью А. Ослона “О рамке журнала “Социальная реальность” (2006. № 9), я не смогла решить для себя вопрос, “втискивается” ли подобный комментарий учителя-практика в эту рамку. Но этот вопрос будет решать редакция.

Е. Бубличенко

WAGTEPCVAR

Р. Абрамов

Похищение будущего, или “Футурошок” Алвина Тоффлера

Тоффлер А. Футурошок. СПб.: Лань, 1997.

...Каким бы ни был человек во всех прочих отношениях, он, безусловно, был млекопитающим изобретательным.

М. Уэльбек. Возможность острова

Алвин Тоффлер относится к тому типу социальных теоретиков, чьи мечты о “дивном новом мире” опережают скучные результаты социологических исследований. А. Тоффлер в какой-то степени остается *enfant terrible* академической социальной науки, однако многие его идеи, появившиеся как фантазии, довольно скоро становились частью социологического мейнстрима. “Пройдут три десятилетия, оставшиеся до XXI века, и миллионы обычных, психически нормальных людей внезапно столкнутся с будущим. Граждане самых богатых и технически развитых стран обнаружат, что все труднее идти в ногу с непрерывной потребностью перемен, которая характеризует наше время. Для них будущее наступит слишком быстро”, – так начинается свою книгу “Футурошок” лауреат Нобелевской премии по экономике Алвин Тоффлер. Сегодня тоффлеровский труд 70-х годов прошлого века о будущем, которое стало настоящим, приобретает ценность нового прочтения. Конструирование будущего – дело неблагодарное для ученого: коллеги могут обвинить его в занятии беллетристикой, а потомки, приняв позицию умудренных временем кри-

тиков, найдут много наивного в описаниях будущего, предложенных предком.

Для лучшего понимания идей Тоффлера, изложенных в “Футурошоке”, необходимо погрузиться в атмосферу эпохи создания этой книги. Все 60-е и начало 70-х можно назвать отдельной страницей новейшей истории человечества. Эти десять-пятнадцать лет повлекли за собой столько изменений, что все последующие перемены (крушение двухполюсной политической системы мира, информационная революция, СПИД, новый всплеск религиозного фундаментализма, биотехнологии и т. д.) можно считать лишь отсроченной реакцией на события “горячих” 60-х. Это время выработало у человечества защитную реакцию на перемены: мы согласны обновлять техническую начинку своего компьютера каждые полгода и принимаем постмодернистский полистилизм модной одежды. Тогда же население развитых стран впервые испытало “культурный шок”, проявившийся в радикальных изменениях всех сторон общественной и личной жизни как каждого индивида, так и всей социетальной системы. Индустриальное современное общество постепенно уступает место обществу постиндустриальному, обществу “высокого модернити”. В чем же проявляется эта тенденция?

Во-первых, можно назвать сбывшимися тоффлеровские прогнозы относительно перемещения основных капиталов и человеческих ресурсов из сферы промышленного производства

в сферу услуг и информационного обмена. Во-вторых, массовое производство стандартной продукции уступает место производству товаров, ориентированных на узкий сегмент рынка и обладающих уникальными характеристиками: “Обществу будущего будет предложено не ограниченное стандартизированное изобилие продуктов, а величайшее множество нестандартизированных продуктов и услуг, какое оно когда-либо видело” [Тоффлер. 1997.

С. 209] В-третьих, очевидна глобализация экономики, да и всей жизни; впрочем, последнее заявление скорее относится к миру экономически развитых стран, которые по-прежнему определяют политический и экономический мировой климат. В-четвертых, знания и наличие информации стали теми символическими капиталами, которые определяют место каждого общества в мировой системе. США и Западная Европа, возможно, перешагнули рубеж, за которым главным фактором экономического процветания становятся не материальное производство и даже не рынок услуг, а рынки информации. Именно поэтому в калифорнийской Силиконовой долине отчасти формируется общество будущего, и его самым главным ресурсом становятся гигабайты информации.

Вопрос, стал ли новый класс технических специалистов, экспертов и консультантов (“символических аналитиков”, в терминологии Р. Райха) определять жизнь постиндустриального общества, остается открытым. Конечно, консалтинговый бизнес значительно увеличился в объемах за последние годы, как возросла и роль непрерывного образования, но это не еще стало ключевым элементом общественного состояния. В то же время технократы, которым Дж. Гелбрейт и другие пророчили место новой элиты общества, в целом не оправдали надежд. Возможно, это произошло по причине неудач технократических методов управления в 70-е, когда мир пережил несколько глобальных кризисов – энергетический, экономический, – проявившихся в рас-

тущей нестабильности мировых финансовых рынков и дискредитации кейнсианской модели управления экономикой, которая была одним из краеугольных камней технократической идеологии. Состояние неопределенности и масштабных геополитических бифуркаций доминируют на

фоне утраты обществом своего идеального типа. Однако жизнь продолжается – многомерное, многовекторное социальное пространство неосознанно создается человечеством-2000.

Читая “Футурошок” Тоффлера, почему-то вспоминаешь романы братьев Стругацких, в которых с помощью средств научной фантастики рисуется облик будущего человечества. По-видимому, 70-е располагали футурологов и фантастов смотреть на социальность будущего с по-

хожих позиций. И хотя Тоффлер и Стругацкие вряд ли читали произведения друг друга, однако параллели между “Футурошоком” и циклом романов “Обитаемый остров”, “Жук в муравейнике”, “Волны гасят ветер”, “Хищные вещи века” очевидны. Вот несколько примеров.

Один из проектов Тоффлера касается введения системы “профессиональных родителей”, которые возьмут на себя функцию воспитания детей. “Наличие и изобилие специально подготовленных и дипломированных профессиональных родителей не только позволило бы многим сегодняшним биологическим родителям охотно передать им своих детей, но и рассматривать это как проявление любви, а не наоборот” [Тоффлер. 1997. С. 192]. Стругацкие, как, впрочем, и многие другие фантасты, реализовали эту идею в своих книгах (знаменитый институт Учителей), показав не только ее захватывающие преимущества, но и все проблемы, с ней связанные. Учителя Стругацких, обычно одинокие, грустные люди, живут весточками от своих воспитанников, и сами воспитанники часто остаются обиженными на своих Учителей по разным причинам (доста-

Совершенствование техники влияет как на техническое, так и на социальное окружение человека. Новые изобретения часто выступают источником для новых социальных, философских и интеллектуальных решений. Технологические инновации резко изменяют образ жизни и картины мира у людей
А. Тоффлер

точно вспомнить героя “Жука в муравейнике” – неудачника прогрессора). Говоря о модернизированной семье, Тоффлер полагает, что семьи приобретут “ядерный” характер, “то есть останутся бездетными, сократив семью до ее начальных компонентов, – мужчины и женщины”. Сегодня, давая определение семье, можно назвать семьей домохозяйство, состоящее из одного и более членов. То есть для существования семьи в супериндустриальном обществе достаточно, чтобы в нее входил один человек. В футурологическом романе “Возможность острова” французский писатель Мишель Уэльбек предупреждает: “Теперь же молодые, образованные, достигшие высокого социально-экономического статуса люди впервые публично заявляли, что не хотят иметь детей, не хотят выполнять хлопотные обязанности, связанные с воспитанием потомства” [Уэльбек. С. 69.] Тенденции подобного движения прослеживаются в странах Западной Европы и Северной Америки.

Наиболее головокружительные проекты будущего Тоффлер описывает в главе, посвященной “стратегии социального футуризма”. Он рассуждает о возникновении и развитии новых избирательных технологий, которые “обеспечат нас систематическими способами сбора результатов коллективного голосования по вопросам о предпочитаемом будущем” [Тоффлер. 1997. С. 396]. Он предлагает привлечь к работе над проектированием будущего интеллектуалов самого широко профиля: от политиков и физиков до футурологов и писателей-фантастов. Тоффлер приветствует создание “центров по изуче-

нию будущего”: таковы Институт будущего, Комиссия 2000 года, Европа-2000, человечество-2000 и т. д.

Все это напоминает работу Мирового Совета Стругацких, где воплотилась утопичная платоновская идея о власти философов, вершащих судьбы мира. В Мировом Совете философов сменили ученые-интеллектуалы, в чьих руках сосредоточилась власть над будущим: решая, какие научные исследования запретить, какие продолжить, о каких открытиях сообщить человечеству, о каких умолчать, они определяют лик будущего, который в постиндустриальном обществе зависит от развития технологии, детерминированной, в свою очередь, направлением фундаментальных научных исследований. Появление “запрещенной науки” порождает научный тоталитаризм, когда нормальное течение исследований прерывается и ограничивается требованиями безопасности и этики. В обществе будущего, по Стругацким и Тоффлеру, с одной стороны, всеобщее распространение получат социальные и гражданские свободы, но с другой – наступят тоскливые времена для ученых, которые в своих исследованиях должны будут оглядываться на Палату по науке при Конгрессе либо на “Комкон-2”. А вот недавний пример: попытки запрещения научных исследований имели место в связи с открытием возможности клонирования живых существ, в том числе человека. Но несмотря на всякого рода ограничения, исследования в этом направлении продолжают и будут продолжаться, так как, во-первых, всегда найдутся те, кто будет их

финансировать, и во-вторых, всегда найдутся любопытные, желающие посмотреть: а что там, за поворотом?

Тоффлер показывает, что в постиндустриальном обществе существенно повысится географическая мобильность людей. “Эти поездки людей туда и обратно по земле и над землей являются одной из характерных черт постиндустриального общества. Напротив, доиндустриальные страны кажутся замороженными и застывшими, их население приковано к одному месту” [Тоффлер. 1997. С. 58]. По мнению Тоффлера, перемещения приобретут массовый характер и затронут самые широкие слои общества, а не только тех, кто вследствие специфики профессии постоянно переезжает (военные, ученые и преподаватели, некоторые категории менеджеров и т. п.). Конечно, для поощрения географической мобильности необходимо иметь определенные условия – то есть открытые границы, развитый рынок жилья, стабильный доход, политическое спокойствие. Западная Европа с начала 90-х годов на всех парах движется к созданию единого экономико-геополитического пространства. Это и реализация Шенгенского соглашения, и введение единой валюты, и устранение противоречий в законодательствах европейских стран.

Перечисленные меры, безусловно, стимулируют географическую мобильность у западноевропейцев, но, принося с собой много позитивного, такая мобильность влечет за собой и определенные проблемы – например, глобализацию рынка труда, то есть его перенасыщение в местах экономического роста и нехватку работников в других частях Европы. Это становится реальностью: “младоевропейцы” (Польша, Эстония, Латвия, Литва, Чехия) уже начинают испытывать трудности, обусловленные оттоком молодой, квалифицированной рабочей силы. Также управление глобальными европейскими процессами требует расширения бюрократии, а ошибочное решение в политике или экономике повлечет за собой значительно более существенные негативные последствия. В постсоветском пространстве процесс носит почти обратный характер: неравномерное экономическое развитие, формирование непрозрачных границ, политическая нестабиль-

ность ведут к сокращению географической мобильности.

Тоффлер концентрирует свое внимание на социальных последствиях мобильности как для общества, так и для отдельного индивида. А последствия эти таковы.

- Отношения между человеком и местом стали “более многочисленными, хрупкими и кратковременными”. “Мы стали свидетелями исторического процесса разрушения значения места в человеческой жизни. Мы воспитываем новую расу кочевников, и мало кто может предположить размеры, значимость и масштабы их миграции” [Тоффлер. 1997. С. 57].
- Продолжительность отношений между людьми сокращается при количественном их увеличении. “Чем больше мобильность человека, тем большее количество коротких личных встреч, человеческих контактов, каждый из которых – это фрагментарная и к тому же сжатая во времени связь какого-либо типа” [Тоффлер. 1997. С. 77].
- Формирование относительно закрытых этнических community внутри больших социальных общностей. Так складывались китайские и итальянские кварталы в городах США, так сформировалась турецкая диаспора в Германии, так образовались арабские кварталы в пригородах Парижа.
- Возникает провал между мобильными и неподвижными государствами. Мобильные обладают разветвленной сетью транспортных коммуникаций, а неподвижные страдают от недостатка дорог. К первым относятся прежде всего США и Европа, ко вторым – Южная Америка, Африка.
- Привязанность к дому сменяется привычкой к переездам. “Любое перемещение разрушает сеть старых связей и создает новые... Человек переезжает в такой спешке, что нигде не может пустить корни” [Тоффлер. 1997. С. 68].
- Развивая тему человеческих отношений, можно сказать, что при переездах “люди имеют склонность бросать хороших друзей и знакомых, которые в конечном счете забываются” [Тоффлер. 1997. С. 80].

Тоффлер полагает, что деловые организации и правительственные учреждения будут привлекать в качестве консультантов футурологов и писателей-фантастов. Почему это ему кажется столь

очевидным? “Сегодня, как никогда раньше, мы нуждаемся в большом количестве видений, мечтаний и пророчеств – представлений о потенциальном завтрашнем дне. Предположение, умозрительность становятся такой же холодной практической необходимостью, как «приземленный реализм» в более ранние времена. Вот почему некоторые из крупнейших в мире корпораций сегодня нанимают в качестве консультантов футурологов, писателей-фантастов

и визионеров. Компании обращаются к этим своим «свободным птицам» не за научными прогнозами вероятностей, а для расширяющего сознание умозрительного рассуждения о возможностях” [Тоффлер. 1997. С. 379–380]. Тоффлер и сам воплощал эту идею на практике, в частности, оказывая услуги консультанта такой гигантской корпорации, как A&T. Результаты предпринятых консультаций отражены в тоффлеровской работе “Адаптивная корпорация”. Полностью взгляды Тоффлера на изменения в организациях можно проследить, интегрировав его главу из “Футурошока” “Управление: приход спецнокрации” и работу “Адаптивная корпорация”.

Итак, центральный тезис Тоффлера звучит следующим образом: “Мы являемся свидетелями краха бюрократии, а отнюдь не ее триумфа. Мы фактически присутствуем при наступлении новой организационной системы, которая в конечном счете вытеснит бюрократию. Это управление в будущем я назвал «спецнокрация»” [Тоффлер. 1997. С. 94] “Спецнокрация” для организации означает смену иерархической пирамидальной структуры управления организацией на “структуру холдингового типа, координирующую работу

множества временных рабочих групп, возникающих и прекращающих свою деятельность в соответствии с темпом перемен в окружающей организации среде” [Тоффлер. 1999. С. 453]. Идея создания временных рабочих групп одно время была популярна среди специалистов по менеджменту, однако не стала откровением, способным радикально трансформировать сложившиеся управленческие структуры. Компьютеризация и автоматизация управления, по мнению

Тоффлера, также станет тем фактором, который сыграет не последнюю роль в деле разрушения классической бюрократии. Бюрократия ориентирована на принятие рутинных решений по рутинным вопросам. Мир постоянных перемен создает неординарные проблемы, требующие неординарных решений, поэтому в этих условиях бюрократия становится бессильной. Рутину, как полагает Тоффлер, возьмут на себя компьютеры. Что же произошло сегодня, когда компьютеры и киберсети стали неотъемлемой частью интерьера любого офиса?

Очевидно, существенно упрощая документооборот и расширяя возможности информационного обмена, современные электронные “друзья человека” играют на руку бюрократии. Почему?

Во-первых, *Документ* благодаря ускоренному развитию множительной техники стал приобретать еще более символическое значение, заняв положение валового результата офисного производства. Компьютеризация, однако, принесла с собой не сокращение документооборота на бумажных носителях (что ожидалось), а его увеличение, поскольку вместе с бумажным документо-

В ускоряющемся мире сокращается время ответа на каждый раздражитель, а их суммарное число резко увеличивается. Мир усложняется, а человеческая психика испытывает все большие нагрузки. Она не успевает привыкнуть к одному изменению, как требуется привыкание к другому. Одновременно с усложнением структуры жизни увеличивается количество отведенных нам ролей и число необходимых выборов, что, в свою очередь, влечет за собой потерю ощущения сложности современного мира. Человек теряется перед этой сложностью. Чем больше событий мелькает перед глазами, тем меньше времени отводится на пристальное и спокойное наблюдение за каждым из них. Отсюда потеря ясности изображения

А. Тоффлер

оборотом набирает силу электронный, носящий более изощренный характер. Теперь вместо одного-двух машинописных экземпляров можно за несколько минут получить сотню или две прекрасно оформленных бюрократических продуктов. И все это можно разместить по архивам, папкам и раздать по отделам. При этом, конечно, обязательно все сохранить в электронном варианте. Не есть ли это рай для бюрократии, работа которой основана на создании и поддержании документооборота?

Во-вторых, контроль всегда считался одной из центральных функций бюрократии и управления. Теперь можно осуществлять тотальный контроль за каждым служащим и гражданином вообще, благодаря распространению все тех же электронных сетей и гаджетов. Налоговые органы, пенсионные фонды, муниципалитеты присваивают каждому гражданину идентификационный код и создают для каждого собственную ячейку в глобальных базах данных, где отражаются любые изменения в доходах, статусе, месте проживания, семейном положении. Если человек не занесен в базу данных, он перестает существовать для государства, для медицинских учреждений, для бюрократии и возможно – выпадает из реальности, подобно Ясону Тавернеру, главному герою романа Филиппа Дика “Лейтесь, слезы”. В рамках отдельной бизнес-организации практика тотального контроля также приобретает рутинный характер: менеджер может наблюдать за своими подчиненными с помощью видеокамер, электронная система контролирует, на сколько времени сотрудники покидают рабочие места, компьютерные программы позволяют отслеживать то, что в любой момент времени высвечивается на экране компьютера каждого сотрудника, – веберовская бюрократия могла лишь мечтать о таких возможностях для надзора. Эпоха “винтиков большой машины” ушла, к разочарованию многих.

В-третьих, практика показала, что полностью рутинных решений в реальной управленческой деятельности не существует, а значит, машина не может принять “правильного” решения – последнее слово всегда остается за человеком. Только он может учесть самый непредсказуемый фактор – человеческий.

Пожалуй, концепция виртуального офиса, когда сотрудник вообще остается дома и получает задание по компьютерной сети, выполняет его, отправляет по сети и в банке получает вознаграждение на кредитную карточку, может внушить некоторый оптимизм противникам бюрократии. Виртуальный офис не подразумевает нахождения сотрудника на каком-то строго определенном рабочем месте в строго определенное время, тем самым подрывается пространственно-материальная основа бюрократии – контора. Но пока виртуальный офис нашел ограниченное применение, и будет ли он достаточно эффективным – покажет время. Итогом может служить вывод, что распространение компьютеризации играет на руку бюрократии, которая меняется, но становится сегодня более бессмертной, чем вчера.

В понимании Тоффлера, усиление профессионализации позволяет говорить о размывании основ бюрократии внутри организации. “Специалист привязан к своей профессии, а не к организации, в которой он существует. Рост профессионализма означает, что современные крупномасштабные формирования заполнены людьми, имеющими совсем новое представление о том, что такое организация” [Тоффлер. 1997. С. 111]. Тенденция профессионального корпоративизма сопровождается противоположной тенденцией – когда профессиональные привязанности становятся кратковременными. Как же эти тенденции проявляются сегодня? Можно говорить об укреплении специализации, когда, например, психологи из отдела человеческих ресурсов и программисты представляют совсем разные полюса внутри организации. Так же юристы, инженеры, а теперь и менеджеры. Каждая профессиональная группа закрепляет автономию своих знаний, и поэтому, когда создаются временные рабочие команды по реализации проекта, ценность каждого специалиста возрастает благодаря тому, что он имеет специфические знания. Интеграция разнородных знаний находится в руках менеджеров, которые служат олицетворением бюрократии в современном понимании.

В своих сентенциях по поводу будущего организации или географической мобильности Тоффлер еще увязывает свои идеи с академиче-

ски фундаментальными тенденциями. Когда же он начинает рассуждать о новшествах в науке и технике, то снова обнаруживаются параллели со Стругацкими или с другими писателями-фантастами. Например, он пишет о так называемой аквакультуре, когда океан, благодаря своим огромным площадям и богатствам, займет доминирующее положение в образе жизни людей. “Образы подводных форм найдут свое отражение как в изобразительных, так и в промышленных проектах. Океан будет диктовать свои моды. Позднее человек начнет заселять континентальные отмели, а возможно, доберется и до глубин; может, появятся пионеры-поселенцы, которые построят искусственные города под водой – рабочие, научные, медицинские, игровые города, укомплектованные больницами, отелями и жилыми домами” [Тоффлер. 1997. С. 146]. При этом первая волна наступления аквакультуры, по Тоффлеру, произойдет “задолго до 2000 г. н. э.” [Тоффлер. 1997. С. 147]. Однако сегодня особых признаков возникновения глобальной аквакультуры не наблюдается, кроме отдельных примеров создания искусственных островов в Дубае и на ряде других престижных курортов. Оптимизм Тоффлера здесь перерос в научно-популярную фантастику. Также и с предсказываемой им возможностью контроля за погодой – ничего или почти ничего в этом направлении сегодня не сделано: скорее наоборот, морские катаклизмы в Юго-Восточной Азии и Новом Орлеане продемонстрировали ничтожность метеорологических усилий человечества.

Может быть, оправдались некоторые ожидания Тоффлера относительно микробиологии: все же клонирование – достижение этой дисциплины, но радикальных перемен, которые непосредственно сказались бы на жизни большинства людей, с начала 70-х не произошло. Не самая оригинальная фантастика вспоминается, когда читаешь

рассуждения Тоффлера о людях-киборгах, биопроектировании тела и т. п. Видимо, он не был достаточно компетентен в вопросах развития некоторых естественных наук того времени, а потому его прогнозы в этой области сегодня кажутся наивными и беспочвенными.

Наиболее релевантными с точки зрения социологии представляются такие главы из книги “Футурошок”, как “Избыток субкультур”, “Разнообразие жизненных стилей” и разделы “Границы приспособляемости”, “Стратегии выживания”.

Многообразие субкультур, по мнению Тоффлера, в позднем современном обществе порождается следующими источниками.

- Возраст становится одним из доминирующих условий формирования субкультур. Тинейджеры – пестрая социальная группа, ставшая объектом маркетинговых усилий музыкального, электронного и fashion бизнеса. Тинейджеры и молодежь производят актуальные культурные смыслы и потребляют модные товары в громадных количествах. Шестидесятые и семидесятые принесли с собой тенденцию формирования массовых молодежных субкультур, которые по сию пору остаются увлекательным предметом исследования социологов.
- Много субкультур появляется среди представителей разных профессий. “Ученые какой-либо специальности стремятся к отличительным особенностям, присущим их классу, объединяясь в компактные маленькие субкультурные ячейки, над престижем и благоприятным мнением которых они работают так же, как над такими вещами, как одежда, политические убеждения и стиль жизни” [Тоффлер. 1997. С. 228]. Процесс разделения на ячейки заметен и в других сферах (бизнес, финансы, пресса). Семидесятые стали переломным десятилетием, когда в американском

и западноевропейском крупном бизнесе стал разрушаться образ преуспевающего банковского или биржевого служащего, характеристики которого укладываются в аббревиатуру WASP.

- Субкультуры формируются на основе общих интересов по хобби и времени проведения досуга. Известны клубы серфингистов, дайверов, каякеров, парашютистов, альпинистов, любителей олдтаймеров, и проч., и проч.

Тоффлер полагает, что дробление общества на множество субкультур дает человеку свободу выбора образа и стиля жизни. При этом субкультуры станут основным признаком стилеобразования в супериндустриальном обществе. В своем анализе стилей жизни Тоффлер развивает тезис о “фрагментации общества, несущей с собой диверсификацию ценностей”. Распад социальной реальности на фрагменты, сопровождающийся отказом от общих социетальных ценностей, – концепция, которая приобрела популярность у идеологов постмодерна. Человек супериндустриального общества начинает напоминать фланера, перемещающегося от одной субкультуры к другой, от одного жизненного стиля к другому. Тоффлер пишет: “Внезапная популярность лозунга «создай свой стиль» является отражением этого исторического движения. Ибо чем более фрагментарно или дифференцировано общество, тем больше число разнообразных жизненных стилей. И чем более социально приемлемые модели жизненных стилей выдвигаются обществом, тем ближе оно к состоянию, когда каждый член общества создает уникальный и только ему присущий жизненный стиль” [Тоффлер. 1997. С. 257]. Не есть ли это одна из характеристик рефлексивной биографии постсовременного общества?

В числе прочих гипотез, предположений, утверждений значительное место у Тоффлера занимает влияние шока будущего на человека и общество. Не вдаваясь в подробности приводимых им примеров, остановимся на главной идее, демонстрацией которой и служит представленный эмпирический материал: “Тезисом этой книги служит утверждение, что существует некий лимит изменений, который может вынести человеческий организм. При бесконечном

увеличении изменений без соблюдения границ мы можем начать требовать от масс того, чего они не смогут вынести. Мы находимся под угрозой поставить их в такое положение, которое я называю шоком будущего. Мы можем определять шок будущего как стрессовую ситуацию, одновременно физическую и психологическую, которая возникает из-за перегрузки человеческого организма, его физической адаптивной системы и тех механизмов, которые ответственны за принятие решений... Фукурошок является реакцией человеческого организма на перестимуляцию” [Тоффлер. 1997. С. 263]. 11 сентября 2001 года стало настоящим шоком будущего, воспринятым, правда, большинством в формате телевизионной картинке голливудского блокбастера: даже трагедии наступившего будущего являются лишь одной из мизансцен “общества спектакля”.

Литература

- Тоффлер А. Фукурошок. СПб.: Лань, 1997.
 Тоффлер А. Адаптивная корпорация // Новая индустриальная волна на Западе. Антология. М.: АСАСЕ-МИА, 1999.
 Уэльбек М. Возможность острова / Пер. с фр. И. Стаф. М.: Иностранка, 2006.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ВКУСЫ РОССИЯН.

Живопись

Сегодня “важнейшим из искусств” для россиян (в полном соответствии с некогда популярной формулой) является кино: отвечая на вопрос, какие виды искусств им интересны, его отметили 65% опрошенных. Второе место по популярности среди наших сограждан занимает современная музыка (38%), третье – театр (31%); далее следуют живопись (20%), современные танцы (19%) и классическая музыка (18%). Менее популярны архитектура (10%), классический балет (8%), опера и скульптура (по 6%).

В ходе проведенного ФОМом опроса внимание было сосредоточено на живописи. Большинство россиян (61%) когда-либо посещали картинные галереи и художественные музеи (а среди респондентов, заявивших о своем интересе к живописи, – 88%). Из них примерно половина делали это в последние годы: 9% – в течение последнего года, 10% – год-два назад (чаще об этом говорят молодежь и респонденты с высшим образованием), 8% – от двух до пяти лет назад, а остальные (34% по выборке) – свыше пяти лет назад. Более трети россиян (37%) никогда не бывали в картинных галереях и художественных музеях; чаще это малообеспеченные граждане (52%), люди с образованием ниже среднего (67%) и жители сел (58%).

Областные картинные галереи посещали 33% опрошенных. Знаменитые московские и петербургские художественные музеи по частоте посещений оказались примерно на одном уровне: так, в Эрмитаже побывали, по их словам, 25% россиян, в Третьяковской галерее – 24%, в Русском музее –

15%, в Музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина – 13%. Зарубежные художественные музеи и галереи довелось посетить 5% респондентов. Среди любителей живописи “рейтинг популярности” музеев не отличается от общероссийского: примерно половина из них побывали в Эрмитаже и Третьяковской галерее, треть – в Музее им. Пушкина и Русском музее.

Около половины россиян (48%; среди любителей живописи – 78%) заявили, что существуют художественные музеи, в которых они еще не были, но мечтают побывать; 45% сказали, что таких музеев нет.

В списке собраний живописи, которые наши сограждане хотели бы посмотреть, лидируют Эрмитаж и Третьяковка: отвечая на открытый вопрос, их назвали соответственно 17% и 15% опрошенных. Еще 8% упомянули Лувр, 2% – Русский музей, по 1% – Музей изобразительных искусств, Дрезденскую картинную галерею и Кремль; единицы упоминали такие художественные галереи, как испанский музей Прадо, флорентийская галерея Уффици, Старая пинакотека в Мюнхене.

Картины или репродукции сегодня, судя по данным опроса, висят на стенах в каждой третьей квартире или доме (32%), а среди лиц с высшим образованием и любителей живописи – у каждого второго.

Мы поинтересовались у респондентов, есть ли у них любимые художники и кто именно (вопрос был открытым). У 18% опрошенных таковых нет; половина (50%) затруднились с ответом. Чаще всего респонденты называли отечественных живописцев XIX – начала XX века: Айвазовского (7%), Шишкина, Репина (по 6%), Васнецова (4%), Левитана (3%), Серова, Сурикова (по 2%), Саврасова, Куинджи, Перова, Брюллова, Рериха и Малевича (по 1%). Также по 1% упомянули современных авторов – Глазунова и Шилова. Среди зарубежных художников чаще других в ответах встречаются имена Леонардо да Винчи (2%), Рембрандта, Ван Гога, Пикассо и Дали (по 1%); единицы назвали Микеланджело, Рубенса, Моне и Мане.

Людмила Преснякова

Общероссийский опрос населения от 2–5 мая 2006 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

И. Климов

В поисках субъекта действия

Разговор о субъекте действия – это всегда ответ на вопрос: “С кем имею дело?” Невозможно воспринимать слова и суждения другого только как текст, без соотнесения со “статусом” его автора. Кого представляет тот или иной человек: только себя самого – или же некую диффузную общность, какой-то коллектив? А может, институцию? В любом случае возникают совершенно разные образы действующего/говорящего. Иногда это случайный человек, вроде соседа по купе, который интересен/важен только здесь и сейчас и только как приятный или неприятный попутчик. Иногда это довольно типичный представитель “народа”, либо какой-то социальной группы (студенчества например), или даже мифического сообщества (типичная “блондинка” или типичный “ботаник”), по которому мы можем судить о некоей совокупности “других таких же”. Иногда это лидер либо доверенное лицо группы, обладающий не только авторитетом среди совершенно определенных, реально консолидированных людей, но также и полномочиями принимать решения и заявлять об общих интересах. Если это лидер какого-то общественного движения, партии, он аккумулирует основные характеристики этого движения или партии: ценностные установки, выбранные стратегии успеха, цели деятельности и проч. Характеристики лидера могут многое сказать о возглавляемом им сообществе. А если основой консолидации выступает некое учреждение или институция – наподобие какого-нибудь министерства, корпорации или иной административной единицы, – тогда данный человек в меньшей степени оказыва-

ется интересен как психологически-гносеологическая монада. Он, как правило, выполняет определенную, сложившуюся до него функцию и оказывается интересен в качестве наполнения конкретной ячейки социального пространства, как носитель – более или менее временный – совершенно определенной роли и статуса: “Это кто? – Это Газпром. – А напротив него кто сидит? – А это РУСАЛ”.

В социологическом дискурсе есть целый ряд понятий, “обобщающих имен” участников событийного контекста жизни, призванных *концептуально* обозначать *действителя*. Самое распространенное из них – “актор” (to act); собственно, это и есть действитель. Понятие употребляется для обобщающей характеристики всех деятелей, включенных в некий социальный, политический, экономический процесс. Это могут быть индивиды, не представляющие никого, кроме самих себя, но могут быть и коллективные акторы: институции и формальные организации, индивиды, действующие от имени этих организаций, или сложившееся в некоей ситуации сообщество, группа. Проблема понятия “актор” состоит в том, что оно очень тесно связано с нашими – часто неотрефлексированными и интуитивными – представлениями о том, что можно и что нельзя считать действием. Действие – это всегда *влияние* и *участие* в ситуации или проблеме. То есть это всегда деятельное присутствие. Нет действия – нет актора.

Механизмы превращения в актора отдельного человека и группы, коллектива – разные. При описании превращения индивида в социального

актера используются такие термины, как авторитет, влияние, личностные особенности. Социум, в рамках которого индивид стал актером, описывается как условия, способствующие или препятствующие становлению индивида в качестве социального деятеля. Примеров такого описания множество – начиная от Евангелия и заканчивая произведением А. Солженицына “Бодался теленок с дубом”.

Предмет нашего анализа – становление и функционирование коллективных деятелей. Применительно к ним особенность термина состоит в том, что им, как правило, обозначают *сложившихся* действующих – сформировавшиеся группы, сообщества и, конечно же, учреждения, социальные, политические, экономические институты. Сформированность означает наличие важного ресурса, способного оказывать влияние, – организованности. Слабый – значит не способный к действию.

Другое понятие – “агент” (постараемся избежать ассоциаций с деятельностью секретных служб). Термин также очень тесно связан с пониманием действия. Однако здесь есть несколько важных отличий. Во-первых, обнаруживается явная связь с представлениями о действующем как *проводнике* или *посреднике*, чья деятельность свидетельствует о наличии сформированных намерений, *интенциональности*. Агент – это либо проводник чьей-то воли, либо проводник каких-либо изменений, происходящих в той или иной сфере жизни. Коллективным агентом можно назвать, например, шахтерское движение конца 80-х, ставшее проводником системных новаций, запрос на которые возник в результате кризиса в угольной отрасли в целом – в частности и в России. Во-вторых, этот термин часто употребляется в отношении *коллективных* действующих, которые проявляются как *социальные движения*, возникшие *вне* и *между* существующих организационных и институциональных форм и рамок.

Принципиально другой способ концептуализации действующего принадлежит Ирвингу Гофману. Он показал, что индивиды и группы – “актеры”, они являются исполнителями и заложниками объективированных ролей: когда люди вынуж-

жены сотрудничать, они стремятся *управлять впечатлением* и прибегают к своего рода сценическому поведению, исполняя разные социальные роли. Такая концептуализация позволяет взглянуть на действующего с другой стороны: любое индивидуальное или коллективное действие *нормативно*, оно подчиняется некоему вырабатываемому и усваиваемому людьми распорядку. В процессе социогенеза – становления социальной формы – кристаллизуются ролевые ожидания участников, оформляется система статусов, производятся скрепляющие сообщество нормы, добровольно-принудительные для усвоения и соблюдения.

Описанный подход, с одной стороны, показывает, что может существовать “зазор” между провозглашенными, декларируемыми требованиями или задачами и собственной интенцией, намерением действующего – отрефлексируемым или неосознаваемым; а это, в свою очередь, определяет репертуар контрдействий: через экспликацию “зазора” ослабить позиции другой стороны, или же сыграть “на понижение” идеологического пафоса либо требований, или осуществить “убеждающую конверсию” – убедить в необходимости не того, что сформулировано в виде требований, а того, о чем действующий не думал и не догадывался. Так поступали, например, элиты стран, в которых в конце 60-х годов возникли молодежные движения: протестные акции хиппи становились объектом внимания не полиции, а телевидения. В результате они превращались в свою противоположность: из факта контркультуры в факт массовой культуры.

С другой стороны, оказывается, что “социальная реальность” перестает быть объективной, и по отношению к ней неприменимы критерии истинности: истин оказывается столько же, сколько и практических ситуаций, неизменным элементом которых оказывается “актер”-деятель.

Еще одно понятие и способ концептуализации *действующего* – “субъект”. Питер Штомпка замечает, что с появлением организмической метафоры в социологии (общество – это организм) в смысловой контур этого понятия вошла очень важная мысль: социальная жизнь

не развивается по каким-то трансцендентным законам, лежащим вне людей и вне общества. Жизненную силу и трансформационную динамику сообщают ей сами люди, которые *могут* и *хотят* действовать, раскрывая тем самым скрытый потенциал организма-общества к эволюционированию.

Идея поиска субъекта действия оказалась очень плодотворной. Благодаря многочисленным попыткам концептуализации возникло много важных вопросов, и как ответ на них – множество новых концепций. Но что важнее всего – это понятие проделало большой путь от сингулярности и индивидуальности до коллективности, обладающей свойствами, не сводимыми к простой сумме свойств отдельных индивидов. Так, Томас Гоббс признавал единственного субъекта – суверенного государя, ответственного лишь перед самим собой. Руссо наделял субъектностью “общую волю”, нивелирующую в себе воли отдельных индивидов. Французская революция легитимировала идею народных масс как автономной силы, обладающей способностью к самоотжественному действию, но одновременно способной порождать социальный порядок. Вместе с тем, уже Токвиль и Конт задавались вопросом: как люди *начинают хотеть* действовать, прежде чем станут субъектом действия в реальности? Они открыли особую роль *интеллектуалов* – людей, работающих с миром идей и “объективных социальных законов”: те сообщают обществу образы будущего и представления о способах его достижения.

В марксизме и неомарксизме коллективный субъект действия искался уже не в логике противопоставления “хаотичная масса, обладающая энергией, – интеллектуалы, обладающие знанием”. Здесь решался другой вопрос: как людские массы могут *мочь*, ведь зачастую оказывается, что одного хотения недостаточно для того, чтобы действие осуществилось, а социальные сдвиги иногда совершаются вопреки желаниям и намерениям людей. Марксизм сформулировал идею, согласно которой социальную историю творят субъекты особого типа, который определялся как “класс для себя”. Для социального действия мало, чтобы в обществе просто была мас-

са людей, где каждый желает для себя какого-то другого будущего, чем “поганое” настоящее. Люди должны осознать себя в качестве *особой* социальной группы, занимающей *важное* положение в сложившейся социальной системе, осознать, в чем заключаются *собственные групповые или классовые* интересы, а также понять причины, *препятствующие* реализации желаемого будущего. Таким образом, Маркс обозначил два важных признака коллективного социального субъекта: ингрупповая идентичность и противопоставленность другим группам в контексте борьбы интересов.

В доктрине М. Бакунина присутствует идея “*мнимых субъектов*” (религия, представительская демократия), которые конструируются правящими классами, для того чтобы придать легитимность существующему порядку. Как бы отвечая М. Бакунину, Д. Лукач рассматривает проблему *реального субъекта*, стремящегося к преобразованию мира, а не к его усовершенствованию. “Реальный субъект” занимается социальным творчеством, и в процессе этого творчества он не только познает и развивает себя, одновременно он *формирует условия* для изменения своего положения, а также преодолевает *отчуждение от социо- и культурогенеза*, отказываясь от пассивно-приспособительных стратегий действия. Субъектом социального творчества для Маркса и Лукача был пролетариат, а для Бакунина – “народные массы”, объединенные в вольные общины.

Другое направление социальной мысли – идея *активного меньшинства*. Массы не могут быть единственным источником социального действия, а одним интеллектом и гениальными прозрениями будущего или же законов развития обществ невозможно сформировать у людей представления о необходимых действиях. Нужны *лидеры* и *элиты* – то есть индивиды и группы, не просто одержимые идеей социальных изменений, но предпринимающие практические шаги по реализации своих намерений, не опираясь на поддержку правящего меньшинства и стремясь обеспечить себе в политической борьбе особый социальный ресурс – деятельную коллективную поддержку.

Таким образом, в концепцию коллективного субъекта действия были привнесены еще две важные идеи: идея *политического участия* (действующий субъект преобразует или хотя бы пытается повлиять на политическую систему общества) и идея *совместного действия*, не сводимого к массовому поведению хотя бы потому, что совместность нетождественна одинаковости. В этой связи неудивительно, что понятие “социальный субъект” как теоретический конструкт для анализа социальной динамики стало разрабатываться в 70-е годы XX века в рамках парадигмы *коллективного действия*, появившейся в ситуации студенческих бунтов, движения “новых левых”, а также национально-освободительных движений. Социологи задались целью объяснить, в чем заключается эффективность коллективного действия, почему именно оно способно вызвать серьезные изменения в политике и в обществе в целом – в противовес массовому поведению, которое хоть и распространяется на значимо большее число людей, но редко приводит к преобразованию обществ. Они показали, что реальными субъектами социального (в том числе и политического) действия становятся те общности, которые справляются с задачей *мобилизации ресурсов*, где коллективное участие, солидарная поддержка оказываются одним из базовых условий эффективности и успеха.

Социологический интерес к социальным движениям 60-х в значительной степени изменил методу аналитической работы исследователей. Наиболее ярко это проявилось в размышлениях Аллана Турена о социальном действии. Он обратил внимание на имплицитную односторонность классической социологии, сводившей анализ социального действия к определению позиции агента в системе – главном носителе смысла. По мнению же Турена, любой действующий субъект не только *обусловлен* ситуацией, но и участвует в ее производстве, и степень такого формирующего влияния определяется способностью социального субъекта (да и каждого индивида в отдельности) освободиться от форм, традиций и норм, подталкивающих к *конформному воспроизводству* поведения и потребления, ради реали-

зации принципов самостоятельного определения своей деятельности и заинтересованного, неотчужденного участия в производстве новых культурных моделей. “Общественное движение, включенное в конфликт, является истинным субъектом в том случае, если способно осознать себя и утвердиться скорее в качестве производителя, чем потребителя общественной ситуации. Оно должно поставить последнюю под вопрос, вместо того чтобы только соответствовать ей”. Таким образом, идея *действующего субъекта* приводит Турена к формированию особого взгляда на современность, которая характеризуется растущей способностью коллективных агентов воздействовать *на самих себя*, определять характер собственной жизни в противовес предписаниям и влиянию власти.

Важным дополнением к сказанному является следующее соображение: одним группам людей статус социального субъекта присваивается, а другим в нем отказано. Относительно любой общности, группы, объединения людей мы можем говорить о *субъектности* – подтвержденной ресурсами способности действовать для достижения своих целей, соотносясь при этом с требованиями и намерениями других участников взаимодействия. Сформированная субъектность предполагает, что актер способен *устанавливать правила* в значимой для него системе отношений и заставлять окружающих если не следовать этим правилам, то по крайней мере учитывать их существование при ведении собственных дел, при принятии решений или же при непосредственных контактах с представителями общества. Например, руководство предприятия, где нарушаются права профсоюза или кого-то из его членов, должно учитывать, что профсоюз будет решать возникшие проблемы через суд. На наш взгляд, суверенитет, описываемый через правила, – это одна из базовых характеристик субъектности.

Помимо способности устанавливать правила и по ним организовывать взаимодействие с партнерами и контрагентами, важна собственная способность социального субъекта *следовать* заявленным правилам. Когда говорят, что один участник взаимодействия манипулирует другим,

провоцирует его на какие-то невыгодные для него действия, фактически это означает, что этому второму участнику отказывают в субъектности, в способности самостоятельно определять стратегию своих действий и следовать этой стратегии. Такая ситуация возникает, например, когда профсоюзам предлагают кулуарные переговоры в конфликтной ситуации, в то время как в интересах профсоюза – обсуждение темы на собрании его членов.

Субъектность складывается из некоторого набора характеристик, которые в совокупности представляют собой “профиль”, “социальный характер” того или иного коллективного агента – точно так же, как мы можем описывать, допустим, особенности разных оркестров через указание числа музыкантов, специфику и количество инструментов, соотношение мужчин и женщин, частоту концертов, предпочитаемый репертуар, преобладание дружелюбия или враждебности и т. д. К таким характеристикам могут относиться, например:

- особенности самоидентификации людей, образующих сообщество, осознание того, на чем строится переживаемая общность с другими, “такими же, как и я”;
- внутригрупповая солидарность, понимаемая, например, В. Ядовым как перераспределение ответственности: человек делегирует сообществу долю ответственности за себя, одновременно принимая ответственность за группу, за ее целостность;
- выделенность или диффузность в пределах более широкой социальной общности;
- обладание институционализированным статусом, подтвержденным какими-либо легитимирующими актами или процедурами (свидетельствами, договорами, законами, выборами и т. д.);
- наличие более или менее постоянного состава участников сообщества, а также наличие (или отсутствие) лидера или лидерской группы, берущей на себя инициативу и ответственность за его существование и деятельность;
- согласие относительно целей сообщества и способность данной организационной структуры их реализовывать, наличие воспроизводя-

щихся практик, ритуалов или коллективных актов, подтверждающих статус субъекта;

- наличие партнеров и контрагентов, признающих легитимность данного субъекта, допускающих для себя возможность “иметь с ним дело”.

Стоит подчеркнуть, что отсутствие той или иной характеристики или слабая ее выраженность вовсе не означают отсутствия субъектности у того или иного коллективного агента. Субъектность может строиться вокруг разных базовых характеристик, которые будут обеспечивать его своеобразие. Мы можем оценивать субъектность по степени выраженности перечисленных выше аналитических переменных, а можем оценивать ее применительно к той роли, на которую претендует агент в заданной системе отношений. Если воспринимать субъектность как некоторый “профиль” социальной общности, можно утверждать, что он способен меняться как под влиянием внутренних процессов, так и под влиянием внешних сил или ситуации. Маргарет Арчер справедливо замечает, что деятельность социальных агентов не только способствует структурным и культурным изменениям, но и сама меняется в ходе своего осуществления сообразно изменениям, происходящим в действующем субъекте.

Если мы предполагаем, что существует этап становления субъектности и этап ее полноценного функционирования, значит субъектность также может исчезать. Иногда – в результате естественного хода вещей – например, когда члены сообщества сочли решенными задачи, для которых оно формировалось, либо когда они разочаровались в декларированных целях. Иногда – принудительно, под давлением внешних воздействий: дискредитации сообщества или его лидеров, репрессий, массовых увольнений, формальных реорганизаций.

Здесь важно подчеркнуть, что люди конструируют систему взаимодействия, приписывая статус социального субъекта одним и отказывая в нем другим. Иными словами, субъектность формируется в борьбе за получение и поддержание своего статуса. Там, где субъекты вступают в конкурентные отношения, оппоненты стараются прежде всего поставить под сомнение способность контрагента принимать самостоятельные,

ответственные и компетентные решения, то есть его субъектность.

Изложенные выше соображения о природе субъектности необходимы, чтобы прояснить основные идеи нашей работы.

1. Если мы говорим о коллективных агентах, чья субъектность – это не статус, подкрепленный институциональными признаками (например, в виде иерархической организации, основанной на праве власти), то можно утверждать, что субъектность такого агента динамична. Его статус либо подтверждается перед лицом новых вызовов, либо трансформируется, адаптируясь к новым ситуациям, либо, если не может адаптироваться, вырождается, деградирует.

2. Социальные субъекты не похожи друг на друга по “профилю субъектности”, по тем основаниям, на которых она строится в первую очередь. Субъектность – это набор вариативных характеристик, от которых зависят лицо и судьба этого коллективного агента.

3. С нашей точки зрения, сформированной субъектностью обладают те коллективные агенты, которые способны создавать систему правил, поддерживать ее, делать значимым элементом как внутри группы, так и во взаимодействии с партнерами и контрагентами.

4. Субъектность не может быть описана только посредством формального статуса с соответствующими вмененными правами или должностными обязанностями, функциями. Идентичность и легитимность являются важнейшими атрибутами субъектности.

Понятие социального субъекта оказывается очень важным в аналитическом плане. Оно позволяет избежать однобокости, когда социальные системы описываются без действующих лиц, когда действия агента рассматриваются только как воплощение структурных характеристик и оцениваются позитивно в том случае, если развивают социальную систему в направлении прогресса и рациональности. Свойство человеческих сообществ состоит в том, что они способны порождать и изменять собственные действия, а не адаптироваться к меняющимся условиям гомеостатическим образом. На это указывали многие социологи, изучавшие традицию исследований

социальных движений. Например, Амитаи Этциони разрабатывал идею *активного общества* как *реактивной* системы, в которой общественные объединения и отдельные граждане имеют постоянно обновляемый опыт социальной мобилизации и коллективного действия, а государственные учреждения и институты обладают *организованной*, то есть специальным образом устроенной способностью воспринимать воздействие и отзываться на него. Он показывал, что активные общества последовательнее и эффективнее решают свои проблемы, чем пассивные или *дрейфующие*. Основная характеристика последних – проведение требуемых изменений только тогда, когда в них назревает настоятельная необходимость, и практически всегда – в состоянии угрозы превращения проблемной ситуации в системную, увязанную со множеством других проблем.

Главный вывод, который напрашивается при изучении всех концепций этого рода, состоит в том, что если в обществе нет способных к соперничеству или борьбе субъектов, социальных групп, акторов, динамичность его развития как целостного организма, а также эффективность решения возникающих проблем оказываются крайне низкими. Для того чтобы стать полноценным социальным субъектом, группа должна участвовать в “диалектике контроля” (в терминах Энтони Гидденса) – то есть уметь оказывать влияние на тех партнеров и контрагентов, которые имеют влияние на нее саму. Действительно, органы власти по своей природе призваны осуществлять контроль, управление и принуждение и, безусловно, именно они обладают наибольшими возможностями для реализации этих задач. Соответственно, для участия в “диалектике контроля” социальным субъектам необходимы *несимметричные социальные ресурсы*, и их поиск и актуализация напрямую связаны с мобилизационными и рефлексивными возможностями общества. Если бы “диалектики контроля” не существовало, общества потеряли бы свою трансформационную динамику – ведь структурам жизненно необходимо “питаться действиями” (выражение Маргарет Арчер), которые не только их трансформируют, но главное – оживляют. ■

“Социальная реальность” в 2006 году

ПЕРВАЯ КОЛОНКА

Ослон А. Начнем...	№1, с. 4
Ослон А. Журнал “Социальная реальность” как социальная реальность	№ 2, с. 4
Ослон А. Опросы общественного мнения как смысловая проблема	№ 3, с. 4
Ослон А. Журнал “Социальная реальность” – научный... или какой?	№ 4, с. 4
Ослон А. Опросы общественного мнения как коммуникативная проблема	№ 5, с. 4
Ослон А. Опросы общественного мнения: мозаика социальных определений	№ 6, с. 4
Ослон А. Опросы общественного мнения и общество	№ 7/8, с. 4
Ослон А. О рамке журнала “Социальная реальность”	№ 9, с. 4
Ослон А. Опросы как лекарство от социальных иллюзий	№ 10, с. 4
Ослон А. Образ будущего в социальной реальности	№ 11, с. 4
Ослон А. Итоги первого года	№ 12, с. 4

ОБЩЕСТВО

Александрова Е. Неформальные платежи в государственной стоматологии: откуда берется “цена”?	№ 11, с. 38
Бавин П. В ожидании среднего класса	№ 1, с. 7, № 3, с. 7
Бавин П. Слух – между словом и делом	№ 6, с. 7
Вовк Е. Подростковые заработки: зло или благо?	№ 1, с. 28
Вовк Е. Понятие “доброе дело” в российском массовом сознании	№ 2, с. 42
Вовк Е. Гендерная асимметрия и женские роли в современной России	№ 3, с. 61
Вовк Е. Практика сожительства в России: распространенность, смыслы, интерпретации	№ 4, с. 46
Вовк Е. Отношение к атомной энергетике в России: через 20 лет после Чернобыля	№ 5, с. 21
Вовк Е. Образы фашизма в России: восприятие и обыденные интерпретации	№ 6, с. 46
Вовк Е. Адвокат: профессия и профессиональная этика в обыденных представлениях	№ 7/8, с. 55
Вовк Е. Детдомовцы: образ проблемы	№ 10, с. 44
Вовк Е. ВИЧ/СПИД в России: образ проблемы и стратегии поведения	№ 11, с. 7

Вовк Е. Каноны любви и законы брака: россияне о многоженстве	№ 12, с. 26
Галицкий Е. Перспективы рынка ипотечного кредитования: параметры спроса	№ 3, с. 74
Звоновский В., Мацкевич М. Локализация ответственности за материальное положение	№ 4, с. 85
Карнозова Л., Климова С. Суд присяжных в постсоветской России – институт гражданского общества?	№ 9, с. 7
Кертман Г. “История религии” в школе: новая учебная дисциплина или обучение дисциплине по-новому?	№ 1, с. 14
Кертман Г. Межличностное доверие в России	№ 4, с. 7
Кертман Г. И тайное знание, и явный обман. Имидж рынка оккультных услуг в России	№ 5, с. 51
Кертман Г. “Кандидат против всех”: эпистемология	№ 7/8, с. 9
Климов И. Деньги вместо льгот. О социальной предыстории одной реформы	№ 2, с. 7
Климов И. Деньги вместо льгот: история и значение протеста	№ 4, с. 25
Климова С. Челноки: бегство от нужды или погоня за шансом?	№ 2, с. 26
Климова С. Первые годы нового века: итоги и надежды	№ 3, с. 18
Климова С. Победа: наша или Сталина?	№ 5, с. 7
Климова С. Обыденные смыслы базовых понятий социально-политического лексикона. Авторитеты	№ 10, с. 84
Климова С. Обыденные смыслы базовых понятий социально-политического лексикона. Моя биография	№ 11, с. 56, № 12, с. 41
Оберемко О. Платное высшее образование: авансы институциональных изменений	№ 2, с. 52
Ослон А. “Хорошая школа” – ключевая социальная проблем	№ 3, с. 32
Ослон А. Опыт пригородной Америки для городской России. Читая книгу А.В. Никифорова “Рождение пригородной Америки”	№ 10, с. 7
Ослон А., Мишкинене Ю., Галицкий Е., Седнев В. “Гражданин инвестор” – новый исследовательский проект	№ 11, с. 25
Паутова Л. “Стабильность по-украински” vs “стабильность по-российски”	№ 7/8, с. 21
Преснякова Л. Скромное обаяние криминала против тщетных усилий тюрьмы	№ 1, с. 38

<i>Преснякова Л.</i> ФОМ-Украина на выборах Верховной Рады Украины	№ 4, с. 81
<i>Преснякова Л.</i> Кредиты для россиян: “догоняющая” или “опережающая” стратегия финансового поведения?	№ 6, с. 23
<i>Тремаскина О.</i> Ядерные испытания в Северной Корее: отношение россиян	№ 12, с. 35
<i>Черняков А.</i> Обыденные смыслы базовых понятий социально-политического лексикона. Жизненный уровень. Правительство	№ 7/8, с. 38
<i>Черняков А.</i> Обыденные смыслы базовых понятий социально-политического лексикона. Предпринимательство. Собственники. Государство	№ 9, с. 47
<i>Шмерлина И.</i> Осенние беспорядки во Франции: российский фокус восприятия	№ 3, с. 42
<i>Шмерлина И.</i> Смертная казнь как норма жизни	№ 4, с. 62
<i>Шмерлина И.</i> Дружба как духовная и социальная реальность	№ 5, с. 29, № 6, с. 55
<i>Шмерлина И.</i> Социальная экология соседства	№ 9, с. 32
<i>Шмерлина И.</i> Плывущий мир моды	№ 12, с. 7
<i>Щербакова И.</i> Синяя Птица российских “челноков”	№ 10, с. 54

ФОРУМ

<i>Банников К.</i> Стойкие солдатики с оловянными глазами. Метаморфозы культуры в механическом социуме	№ 7/8, с. 85
<i>Блехер Л.</i> Интервью с Георгием Ильичевым, обозревателем отдела политики газеты “Известия”	№ 1, с. 80
<i>Блехер Л.</i> Интервью с Еленой Яковлевой (“Российская газета”)	№ 2, с. 97
<i>Блехер Л.</i> Интервью с Алексеем Чадаевым, главным редактором отдела политики “Русского журнала”	№ 3, с. 91
<i>Блехер Л.</i> Интервью с Андреем Громовым, заместителем главного редактора журнала “Эксперт”	№ 4, с. 98
<i>Блехер Л.</i> Интервью с Василием Гатовым (газета “Труд”)	№ 5, с. 99
<i>Блехер Л.</i> Интервью с Максимом Соколовым (газета “Известия”)	№ 6, с. 94
<i>Блехер Л.</i> Беседа с Геннадием Семеновичем Батыгиным (2003 год)	№ 11, с. 86
<i>Бубличенко Е.</i> Размышления школьного учителя по поводу статьи А. Ослона “Хорошая школа – ключевая социальная проблема”	№ 12, с. 78
ВЦИОМ в Интернете	№ 3, с. 96

Единый архив социологических данных – новый информационный ресурс для исследовательской и преподавательской работы	№ 9, с. 91
<i>Здравомыслов А.</i> Отрывки из книги “Немцы о русских и о войне на пороге нового тысячелетия”	№ 5, с. 90
<i>Кертман Г.</i> Что сегодня угрожает стабильности?	№ 10, с. 97
<i>Климов И.</i> Еще раз о Ящике...	№ 4, с. 91
<i>Климов И.</i> Искусство эпистемической иронии	№ 11, с. 85
Компания “Башкирова и партнеры” в Интернете	№ 4, с. 103
Левада-Центр в Интернете	№ 3, с. 97
<i>Любарский Г.</i> Чиновники и госслужащие: когда монету ценят за герб и ругают за решку	№ 1, с. 73
<i>Любарский Г.</i> Ищем пятую власть?.. Сказки общественного подсознания	№ 2, с. 82
<i>Любарский Г.</i> www.fom.ru. Сайт Фонда “Общественное мнение”	№ 2, с. 89
<i>Любарский Г.</i> Россия и Европа: зазеркальная граница	№ 3, с. 87
<i>Любарский Г.</i> За что не любят СМИ?	№ 4, с. 95
<i>Любарский Г.</i> Бей профессоров! ...или Демократия против эффективности	№ 9, с. 75
<i>Любарский Г.</i> Свобода выбора и патриотизм	№ 11, с. 95

<i>Ослон А.</i> Дух денег в России: очерк становления и могущества	№ 1, с. 57, № 2, с. 69
<i>Ослон А.</i> Как в 1996 году Аналитическая группа сделала опросы социальным фактом	№ 6, с. 75
Памяти Юрия Александровича Левады	№ 12, с. 65
<i>Прусс И.</i> Друзья-приятели	№ 10, с. 101
“Советские социологи лучше американцев в организации опросов”. Интервью Владимира Шляпентоха Борису Докторову	№ 12, с. 67
У нас в гостях Андрей Григорьевич Здравомыслов	№ 5, с. 79
У нас в гостях Борис Андреевич Грушин	№ 3, с. 83
<i>Яковлева Е.</i> Как не съесть собаку. Интервью с Иваном Климовым об армии как экстремальной группе	№ 7/8, с. 79

МАСТЕРСКАЯ

<i>Абрамов Р.</i> Похищение будущего, или “Футурошок” Алвина Тоффлера	№ 12, с. 83
<i>Бергер П., Лукман Т.</i> Язык и знание в повседневной жизни	№ 1, с. 93
<i>Галицкий Е., Кертман Г., Преснякова Л., Чуриков А.</i> Прогнозирование электорального поведения на региональных выборах: методика ФОМа	№ 4, с. 105

- Докторов Б.* Из истории опросов общественного мнения № 2, с. 104
- Докторов Б.* Выдающиеся поллстеры второй половины XX века. К открытию цикла № 11, с. 116
- Докторов Б.* Прямые продолжатели дела отцов-основателей: Пол Перри, Джо Белден и Бад Роупер № 11, с. 120
- Интервью с профессором Борисом Докторовым № 2, с. 101
- Кертман Г.* Мегаопрос: поле возможностей № 2, с. 111
- Кертман Г.* Прогнозирование итогов выборов в “региональные парламенты”: условия задачи № 3, с. 99
- Климов И.* Социальный запас знания № 1, с. 85
- Климов И., Ослон А.* ФОМ-Кафедра (Фонд “Общественное мнение” как базовая кафедра ГУ–ВШЭ) № 3, с. 109
- Климов И.* Модель Джона Цаллера: выписки из книги “Происхождение и природа общественного мнения...” № 5, с. 116
- Климов И.* Загадки Шляпника, или Путешествие в пространствах вопрос-ответной коммуникации № 9, с. 106
- Климов И.* Выписки из книги С. Садмена и Н. Брэдберна “Как правильно задавать вопросы” № 9, с. 113
- Климов И.* Выписки из книги Д. Уолтона “Аргументы ad hominem” № 10, с. 122
- Климов И.* В поисках субъекта действия № 12, с. 92
- Любарский Г.* Размышления о системах, состоящих из неосведомленных граждан № 5, с. 110
- Любарский Г.* Постгэллаповские методы опросов общественного мнения: прогноз прогнозов № 6, с. 116
- Ослон А.* Мир теорий в эпоху “охвата” № 1, с. 94
- Ослон А.* Уолтер Липпман о стереотипах: выписки из книги “Общественное мнение” № 4, с. 125
- Ослон А.* Общественное мнение в контексте социальной реальности № 7/8, с. 97
- Ослон А.* Эксперты на страже социальной реальности. Выписки из книги П. Бергера и Т. Лукмана “Социальное конструирование реальности” № 7/8, с. 114
- Рогозин Д.* Как правильно задавать вопросы о социально-демографических характеристиках респондента. Композиция исследования № 9, с. 97
- Рогозин Д., Мануильская К.* Тестирование вопросов о профессиональном статусе № 10, с. 111
- Рогозин Д., Мануильская К., Климов И.* Тестирование вопросов о доходе № 11, с. 103
- “ФОМ Украина”: первые шаги № 2, с. 114
- Фрумкина Р.* Уолтер Липпман: свободный коллективизм! № 4, с. 123
- Фрумкина Р.* Общественное мнение и неосведомленные граждане № 5, с. 107
- Хазазеров Г.* Аргументы ad hominem, или “Ты меня уважаешь?” № 10, с. 119
- Ясавеев И.* “Социальная проблема” в социологическом лексиконе № 6, с. 101

МЕЖДУ ПРОЧИМ

- Бавин П.* Северный Кавказ: знания и представления о нем № 1, с. 55
- Бавин П.* Азартные игры № 1, с. 71
- Вовк Е.* Деньги в нашей жизни № 1, с. 68
- Вовк Е.* Старость в представлении россиян № 2, с. 25
- Вовк Е.* Москвичи и приезжие № 2, с. 41
- Вовк Е.* Россияне о любви № 2, с. 51
- Вовк Е.* Безопасность на дорогах № 3, с. 81
- Вовк Е.* Пожилые люди в современной российской семье № 4, с. 61
- Вовк Е.* Где и как хотели бы отдыхать россияне № 4, с. 84
- Вовк Е.* Зачем нужны бабушки и дедушки? № 4, с. 89
- Вовк Е.* Время выхода на пенсию № 5, с. 77
- Вовк Е.* “Женские” профессии на фоне “мужских” № 6, с. 73
- Вовк Е.* Многоженство в России? № 9, с. 73
- Вовк Е.* Коррупция и коррупционеры № 10, с. 100
- Вовк Е.* Поддельные дипломы о высшем образовании № 11, с. 24
- Вовк Е.* Неуставные отношения в армии № 11, с. 55
- Вовк Е.* Россияне об инфляции № 11, с. 101
- Кертман Г.* Профессиональные психологи в России № 7/8, с. 95
- Климов И.* Карл Маркс и россияне № 3, с. 41
- Климов И.* О хамстве и хамах № 7/8, с. 77
- Петрова А.* Кем быть? № 1, с. 37
- Петрова А.* Престиж высшего образования в России № 1, с. 37
- Петрова А.* Зарплата: “по ведомости” и “в конверте” № 1, с. 77
- Преснякова Л.* Экологическая ситуация в регионах № 4, с. 45
- Преснякова Л.* Убирать или не сорить? № 5, с. 76
- Преснякова Л.* Художественные вкусы россиян. Живопись № 12, с. 91
- Шмерлина И.* Баня в России № 3, с. 80

Шмерлина И. Юмор на телевидении № 7/8, с. 76

Шмерлина И. Капитаны бизнеса: известность и репутация № 9, с. 90

Так говорил респондент... № 1, с. 27, № 2, с. 67, № 3, с. 95, № 4, с. 102, № 5, с. 75, № 5, с. 105, № 6, с. 93, № 7/8, с. 54, № 9, с. 72, № 10, с. 121, № 11, с. 37, 129, № 12, с. 40

ЦИФРЫ

Аренда жилья № 11

Банковские пластиковые карточки № 12

Б. Ельцин: динамика отношения граждан № 6

Великая Отечественная война. Память о войне № 5

Ветхое жилье и капитальный ремонт домов № 11

Врачебная помощь: “скорая” и обычная № 9

Выборы в Верховную Раду Украины № 4

Высшее образование: востребованность и популярность гуманитарных и социальных специальностей № 12

Грузины в России № 11

Деньги в жизни россиян № 1

Дети и рождаемость № 6

Друзья и враги России № 10

Друзья и дружба № 4

Жилищные условия россиян № 7/8

Институт выборов и электоральное поведение россиян № 3

Итоги года № 3

Компьютер дома № 9

Коррупция и коррупционеры № 3

КПСС: оценка роли деятельности № 10

Крупный бизнес в России № 7/8

Литературная классика на телеэкране № 4

Материальное положение россиян и инфляция № 6

Многоженство в России № 7/8

Многонациональная Россия и национальный вопрос № 10

Мода и манера одеваться № 11

Москва и москвичи: взгляд извне и изнутри № 10

Недовольство ситуаций в регионах № 11

О хамстве хамах № 2

Опыт пользования кредитами № 6

Отношение к В.И. Ленину № 5

Отношение к здоровью: диспансеризация № 11

Отношение к И. Сталину № 3

Отношение россиян к замене льгот выплатами № 2

Отношение россиян к оккультным практикам № 2

Отношение россиян к Украине № 2

Отношение украинцев к России № 3

Отношения россиян к мелким кражам № 1

Оценка работы руководителей российских регионов № 4

Оценка ситуации в сфере здравоохранения № 12

Политические партии в России № 9

Положение дел в армии и проблема дедовщины № 3

Полугодовая аудитория интернета в России № 2

Пользование кредитами № 4

Постоянные потребители медицинских услуг № 5

Проблема безопасности на дорогах № 2

Проблемы россиян № 1

Продовольственные рынки, продавцы и покупатели № 10

Проект “Малоэтажная Россия” № 6

Профессиональные психологи в России № 6

Профессия – “учитель” № 3

Рейтинг “Единой России” по регионам № 10

Реклама на телевидении № 4

Российский флаг: праздники и будни № 7/8

Россия и Евросоюз № 7/8

Сельские жители сегодня № 12

Смена места жительства № 12

СПИД: опасность заражения и профилактика № 7/8

Спиртные напитки: страхи и практика № 12

Суд обычный и суд присяжных № 5

США после 11 сентября № 9

Усиление недовольства региональными властями № 9

Фашизм вблизи № 5

Хлеб в жизни россиян № 9

Художественные вкусы россиян. Живопись № 5

Электоральные рейтинги № № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7/8, 9, 10, 11, 12

Авторы номера...

Елена Вовк
Старший специалист
аналитического отдела
Фонда “Общественное
мнение”

Роман Абрамов
Кандидат
социологических
наук. Доцент
социологического
факультета ГУ–ВШЭ

Светлана Климова
Кандидат философских наук.
Ведущий специалист Фонда
“Общественное мнение”.
Ведущий научный сотрудник
Института социологии РАН

Иван Климов
Кандидат социологи-
ческих наук. Ведущий
специалист Фонда
“Общественное мнение”.
Старший научный
сотрудник Института
социологии РАН

Людмила Преснякова
Кандидат политических
наук. Старший специалист
отдела социологии Фонда
“Общественное мнение”

Александр Ослон
Кандидат
технических наук.
Президент Фонда
“Общественное
мнение”. Профессор
ГУ–ВШЭ

Ирина Шмерлина
Кандидат
философских наук.
Старший специалист
Фонда “Общественное
мнение”. Старший
научный сотрудник
Института социологии РАН

Ольга Тремаскина
Студентка факультета
социологии ГУ–ВШЭ

Подписка – 2007

на журнал “Социальная реальность”

Заполните купон и отправьте по адресу:

117168, Москва, ул Кржижановского, д. 14, корпус 1;

или по факсу: (495) 129-0154, 719-08-22

Адрес e-mail для связи: public@акс.ru

На основании указанных Вами данных после получения купона
Вам будет выставлен платежный документ (счет или квитанция)

Подписка принимается только на территории
Российской Федерации

линия отреза

Отметьте, пожалуйста, крестиком номера журнала
“Социальная реальность”, на которые Вы хотите подписаться

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐

Подписной
индекс

С86301

Стоимость подписки на один месяц 200 рублей (включая НДС)

Оплата за подписку со следующего месяца принимается до двадцатого числа текущего

Фамилия

Имя

Отчество

Почтовый индекс

Область/край

Город/село

Улица

Дом **корпус** **квартира**

Телефон **подпись** **дата**

Дополнительная информация для юридических лиц

ИНН

КПП

Полное юридическое название

Юридический адрес (при несовпадении с почтовым)

Улица

Дом **корпус**

линия отреза

В 2007 году бесплатная рассылка будет продолжаться в ограниченном объеме по списку редакции.

Книжная серия

Фонда “Общественное мнение”

Монографии

Дилигенский Г.Г. Люди среднего класса. 2002.

Рогозин Д.М. Когнитивный анализ опросного инструмента. 2002.

Докторов Б.З., Ослон А.А., Петренко Е.С. Эпоха Ельцина: мнения россиян. Социологические очерки. 2002.

Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика.
Под ред. В. А. Колосова 2003.

Блехер Л.И., Любарский Г.Ю. Главный русский спор: от западников и славянофилов до глобализма и Нового Средневековья. 2003.

Галицкий Е.Б. Методы маркетинговых исследований. 2006.

Докторов Б.З. Первопроходцы мира мнений: от Гэллага до Грушина. 2005.

Переводы

Уолтон Д. Аргументы ad hominem. *Пер. с англ.* 2002.

Садмен С., Брэдберн Н. Как правильно задавать вопросы: введение в проектирование массовых обследований. *Пер. с англ.* 2005.

Садмен С., Брэдберн Н., Шварц Н. Как люди отвечают на вопросы: применение когнитивного анализа в массовых обследованиях. *Пер. с англ.* 2003.

Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. *Пер. с англ.* 2003.

Гофман И. Анализ фреймов: организация повседневного опыта. *Пер. с англ.* 2004.

Липшман У. Общественное мнение. *Пер. с англ.* 2004.

Цаллер Д. Происхождение и природа общественного мнения. *Пер. с англ.* 2004.

Хроники социологических наблюдений

Поговорим о гражданском обществе. 2001.

Америка: взгляд из России. До и после 11 сентября. 2001.

Десять лет социологических наблюдений. 2003.

Социологические наблюдения (2002–2004). 2005.

Контакт:

Тел. (495) 745-8765

E-mail: izdat@fom.ru

Басманова Светлана Борисовна, Семенова Елена Николаевна
119421, Москва, ул. Обручева, д. 26, корпус 2